РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

5
2019
СЕНТЯБРЬ•
ОКТЯБРЬ•

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

Содержание

СТАТЬИ

Соколовская О.В. (Москва). Переписка российских дипломатов о позиции Греции и России накануне Первой балканской войны 3
Широкова Л.Ф. (Москва). Развитие темы Первой мировой войны в произведениях словацких писателей: от дневниковых записей к художественной рефлексии 16
Серапионова Е.П. (Москва). События 1939 года в чехословацкой истории по материалам НКИД..... 24
Случ С.З. (Москва). Германия и СССР 1933–1939: от программной установки до тактической уловки..... 37
Селиванов И.Н. (Курск). Беседа члена политбюро ЦК компартии Китая Пэн Чжэня с К.Е. Ворошиловым о ситуации в Югославии, апрель 1957 года 58
Каменская Е.В. (Екатеринбург). Восприятие страны пребывания в условиях конфликта: Чехословакия 1968 года глазами советских военнослужащих..... 66

СООБЩЕНИЯ

Горяинов А.Н. (Москва). Д.И. Семиз – сербский патриот и русский общественный деятель... 78
Серягин С.Н. (Ульяновск). Пожертвования в пользу Сербии 1915 года: Симбирское участие..... 84
Ламм М.А. (Москва). Алесь Чобат и его «кресология» («Земля св. Луки»)..... 87
Чиварзина А.И. (Москва). Цвет в номинациях растений в южносербских, западноболгарских и македонских говорах..... 95

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

Горизонтов Л.Е. (Москва). «Владимир Анатольевич был целым научным учреждением». Научное и мемуарное наследие В.А. Дьякова..... 104
Митрофанов В.В. (Санкт-Петербург). О вятском периоде жизни и деятельности Н.М. Каринского (по письмам С.Ф. Платонову)..... 120

РЕЦЕНЗИИ

Гудилина Е.Н. С.А. Воробьева. Алексей Хомяков..... 131

Яковенко В.А. Prasa zagraniczna o Polsce. Listopad 1918 – luty 1919..... 134
Адельгейм И.Е. E. Pogonowska. Klucze do Rosji. Tematy i strategie współczesnych narracji podróżniczych..... 136

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Лобачева Ю.В. Международная научная конференция «Конец Первой мировой войны, распад империй и образование новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе (К 100-летию событий)»..... 139

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. РОБИНСОН (главный редактор),
И.Е. АДЕЛЬГЕЙМ, М.М. ВАЛЕНЦОВА, Г.К. ВЕНЕДИКТОВ, А.А. ГИППИУС,
В.И. КОСИК, М.В. ЛЕСКИНЕН, Г.Ф. МАТВЕЕВ,
В.В. МОЧАЛОВА, К.В. НИКИФОРОВ, В.Я. ПЕТРУХИН, А.С. СТЫКАЛИН,
Б.Н. ФЛОРЯ, О.В. ХАВАНОВА

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Заведующие отделами: *И.Е. Адельгейм* (отдел литературоведения),
О.В. Белова (отдел культурологии), *М.М. Валенцова* (отдел лингвистики),
А.С. Стыкалин (отдел истории)

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова*, *Е.В. Пономарева*, *И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а
Телефон 8-495-938-01-20
E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде с распечаткой (1 экз.) объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения – до 30 тыс., рецензии – до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200–300 знаков) и ключевыми словами (5–7 слов) на русском и английском языках.

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: http://inslav.ru. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

© Российская академия наук, 2019
© Составление. Редколлегия журнала «Славяноведение», 2019

Slavyanovedenie № 5, 2019

ARTICLES

Sokolovskaya O.V. (Moscow). Russian diplomats' correspondence on the position of Greece and Russia on the eve of the First Balkan War 3
Shirokova L.F. (Moscow). The theme of World War One in the work of Slovak writers: from diary notes to artistic reflexion 16
Serapionova E.P. (Moscow). Events of 1939 in the Czechoslovak history in the materials of the People's Commissariat for International Affairs (NKID)..... 24
Sluch S.Z. (Moscow). Germany and the USSR in 1933–1939: from programme statement to tactical trick..... 37
Selivanov I.N. (Kursk). Talk between the member of Political Bureau of the Central Committee of the Communist party of China with Kliment Voroshilov on the situation in Yugoslavia in April 1957..... 58
Kamenskaya E.V. (Yekaterinburg). Perception of the host country during the conflict: Czechoslovakia in 1968 through the eyes of Soviet soldiers..... 66

ESSAYS

Goryainov A.N. (Moscow). D.I. Semiz – a Serbian patriot and Russian public figure 78
Seryagin S.N. (Ulyanovsk). Donation for Serbia in 1915: participation of Simbirsk..... 84
Lamm M.A. (Moscow). Ales Chorbat and his «Kresology» («the Land of St. Lucas»)..... 87
Chivarzina A.I. (Moscow). Color terms in the nomination of plants in the Southern Serbian, Western Bulgarian and Macedonian dialects..... 95

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

Gorizontov L.E. (Moscow). «Vladimir Anatol'evich Dyakov was as an academic institute». Scholarly and memoir legacy of Vladimir A. Dyakov..... 104
Mitrofanov V.V. (St. Petersburg). On the Vyatka period in the life and work of N.M. Karinsky (from correspondence with S.F. Platonov)..... 120

REVIEWS

Gudilina E.N. C.A. Воробьева. Алексей Хомяков..... 131
Yakovenko V.A. Prasa zagraniczna o Polsce. Listopad 1918 – luty 1919 134
Adelgeim I.E. E. Pogonowska. Klucze do Rosji. Tematy i strategie współczesnych narracji podróżniczych..... 136

SCHOLARLY LIFE

Lobacheva Yu.V. International scholarly conference «The end of World War One, break-out of the empires and the birth of new states in Central and South-Eastern Europe (to the centenary of the events)»..... 139

ПЕРЕПИСКА РОССИЙСКИХ ДИПЛОМАТОВ О ПОЗИЦИИ ГРЕЦИИ И РОССИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ БАЛКАНСКОЙ ВОЙНЫ

© 2019 г. О.В. Соколовская

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

Института славяноведения РАН

E-mail: elolga@mail.ru

Статья посвящена позиции российской дипломатии в отношении политики Греции накануне первой Балканской войны: цели и подготовка к войне, критский вопрос, Проливы. Использована дипломатическая переписка посланников в Греции с МИД России из российских архивов.

The article is devoted to the position of Russian diplomacy regarding the policy of Greece on the eve of the First Balkan War, such as goals of the war and preparations for it, The Cretan question, the Straits question and so forth. For this research purpose diplomatic correspondence of the Russian envoys in Greece with the Ministry of Foreign Affairs from the Russian archives was used.

Ключевые слова: Российская дипломатия, Греция и Крит, канун первой Балканской войны.

Keywords: Russian diplomacy, Greece and Crete, the eve of the First Balkan War.

DOI: 10.31857/S0869544X0006140-7

Наиважнейшим этапом всей современной греческой истории стали Балканские войны 1912–1913 гг., которые по значимости можно сравнить лишь с национальной войной 1821–1829 гг., в результате которой было создано первое независимое государство на Балканах – Греция. Первая балканская война, начавшаяся 25 сентября (8 октября) 1912 г. с выступления Черногории, произошла между Балканским союзом (в составе Болгарии, Греции, Сербии и Черногории) и Турцией и окончилась – 17(30) мая 1913 г. полным поражением Турции, которая по Лондонскому мирному договору потеряла все свои европейские владения, кроме небольшой части Восточной Фракии.

Российская дипломатия хотела использовать Балканский союз против растущего влияния на Балканах Германии и Австро-Венгрии. Англия и Франция, поддерживая блок, также рассматривали его как нового союзника против Германии. Эти великие державы старалась не допустить преждевременного выступления

«Балканской Антанты» против Турции, но балканские страны все более выходили из-под их жесткого контроля.

Канун Балканских войн был чрезвычайно богат на политические интриги и даже тайны со стороны балканских руководителей, что огорчало и волновало все великие державы – Австро-Венгрию, Англию, Германию, Италию, Францию и, конечно, Россию, которая традиционно покровительствовала единоверным балканским государствам. Интереснейшие события кануна Балканских войн все еще слабо отражены в исторической литературе, особенно это касается российско-греческих отношений [1]. В данной статье, основанной на опубликованных и архивных документах из АВПРИ, ГАРФ и РГА ВМФ, делается попытка частично восполнить этот пробел. Особый интерес для данной темы представляют депеши, письма и телеграммы российских посланников в Афинах С.Н. Свербеева и Е.П. Демидова, поверенного в делах князя С.П. Урусова, а также некоторые дипломатические телеграммы посланникам из МИД России.

В начале XX в. балканские страны сумели извлечь большую пользу от вовлеченности империй в свои внутренние дела в связи с растущим революционным движением в них. Итало-турецкая война 1911–1912 гг. также послужила катализатором, выведшим внутреннюю и внешнюю политику Османской империи из состояния неустойчивого равновесия. Провал турецкой армии в войне с Италией вызвал политический кризис в Турции: младотурецкое правительство было свергнуто, а в национальных регионах начались выступления угнетенных народов против османского ига. Наиболее значительными были восстания в Македонии, а Албания летом 1912 г. провозгласила свою независимость. Ответ Турции потряс всю Европу: в результате резни мирного населения, устроенной турецкими властями, погибло более 50 тыс. человек. После этих событий Болгария, Сербия и Черногория, а затем и Греция провели мобилизацию своих армий.

Умело используя ослабление Российской империи в связи с поражением в русско-японской войне 1904–1905 гг. и событиями Первой русской революции 1905–1907 гг., греки стали вести более независимую политику. На Балканах возник процесс сближения народов с целью пересмотра результатов Берлинского конгресса 1878 г. и отмены принципа status-quo. Тесные политические контакты между лидерами балканских стран способствовали подписанию документов о военном сотрудничестве, были мобилизованы ресурсы и созданы боеспособные вооруженные силы. Большую роль в создании союза балканских монархий сыграл выдающийся греческий политический деятель, премьер-министр Э. Венизелос, который совместно с королем Георгом I [2. Л. 132] провел модернизацию страны в кратчайшие сроки и сумел стать во главе процесса по сближению балканских государств – Сербии, Черногории, Болгарии и Греции. В мае 1912 г. Греция и Болгария подписали договор о сотрудничестве, в сентябре Сербия и Болгария заключили военный союз против Турции, после чего к нему присоединилась Греция; Черногория была связана союзными отношениями с Сербией. При этом территориальные претензии сторон были искусно обойдены молчанием [3. С. 429–430]. В советской литературе бытует мнение, что Россия после многих сомнений поддержала балканских лидеров в стремлении к союзу [4. С. 65–68], хотя об истинных целях могла только догадываться.

Важнейшей целью греков в предстоящей войне с турками был, естественно, Крит. После ухода европейских сил с острова в 1909 г. там царила анархия и революционные настроения критян, требовавшие немедленного присоединения к Греции и посылке в афинский парламент своих шестидесяти депутатов. Премьер и король едва сдерживали их натиск, боясь жесткой реакции Турции и держав-покровительниц. Зимой 1912 г. с этой целью Венизелос даже поднял в Англии вопрос

о восстановления на Крите должности верховного комиссара великих держав [5]. Российский посланник в Афинах С.Н. Свербеев также телеграфировал в МИД России, что «настоящее положение на Крите, где не имеется ни законного, ни вообще организованного правительства, представляется опасным не только по мнению афинского кабинета, но также и нашего представителя на острове ст. с. Шебунина», считающего это положение, «граничащим с анархией» [2. Л. 37]. Английское правительство во главе с сэром Эдуардом Греем полностью разделяло идею Венизелоса о восстановлении на время должности верховного комиссара держав и потребовало быстрого решения великими державами вопроса о сохранении status-quo на острове. Причем оно предлагало сделать это, как сообщал английский посланник в Афинах российскому, даже путем занятия острова вновь военно-морскими силами великих держав-покровительниц. Однако российское правительство не собиралось поддерживать предложение Англии о высадке шеститысячного морского десанта на Крите, т.е. о военном вмешательстве. Свербеев полагал, что «прибегнуть к вооруженной силе и кровопролитию – значило бы подорвать обаяние нашего правительства» [2. Л. 38]. При этом Россия, как и другие державы, была уверена, что ни в коем случае нельзя допускать критских представителей в афинский парламент, открытие которого было назначено на 1(14) октября 1912 г. Это грозило ухудшением отношений с Портой, ослаблением позиции самого премьера Греции – Венизелоса, у которого была довольно жесткая оппозиция (она вела агитацию среди критян, живущих в Афинах, стремясь вызвать вооруженные выступления). На одной из встреч с С.Н. Свербеевым еще в конце марта 2012 г. Э. Венизелос выразил надежду на «благоволение держав-покровительниц» в укреплении того порядка, который был установлен на острове к этому времени и улучшил греко-турецкие отношения. Венизелос, готовясь к войне, усыплял великие державы, в том числе российские власти, говоря о необходимости «эры спокойствия, которая бы позволила Греции и Криту в течение нескольких лет [...] посвятить свои силы и энергию на дело внутреннего устроения» [2. Л. 34об.].

Разногласия в среде критских либералов, не все из которых понимали замысел Венизелоса, зашли столь далеко, что наиболее рьяные все-таки появились в Афинах на состоявшемся 19 мая (1 июня) открытии парламентской сессии, но были арестованы (в спешке Венизелос успел согласовать это лишь с английским посланником сэром Френсисом Эллиотом). Критяне говорили российскому посланнику, что положение на Крите «никогда еще не было столь серьезным, как теперь и, если державы-покровительницы не найдут возможность освободить критских депутатов из-под ареста и оказать тем свою мощную поддержку, дело может легко дойти до той кровавой развязки», о которой турки только и мечтают [2. Л. 53].

После итало-турецкой войны на повестку были поставлены и другие важнейшие вопросы: о позиции греков в Эпире и передаче Греции Эгейских островов, что, по мнению Свербеева, было почти решенным вопросом, учитывая настроения на самих островах и позицию Европы [2. Л. 61об.].

В середине августа новым чрезвычайным посланником и полномочным министром в Греции был назначен советник посольства в Париже Елим Павлович Демидов, егермейстер двора, хорошо известный греческой королеве Ольге и всему греческому двору человек. Несмотря на отсутствие короля Георга I в Афинах, Демидов вручил 5(23) августа верительной грамоты регенту королевства и активно включился в работу, постоянно встречаясь с ведущими политиками Греции и ее руководителями.

В первом же письме в МИД от 25 августа (7 сентября) Е.П. Демидов делился с министром С.Д. Сазоновым своими свежими впечатлениями от десятидневного пребывания в Афинах, а также от визита к премьер-министру Греции Э. Венизелосу

и министру иностранных дел Ламбросу Коромиласу (30. 08. 1912–28. 08. 1913). Если с Венизелосом беседа носила поверхностный характер, то с Л. Коромиласом в двухчасовом разговоре были затронуты все болевые точки. Прежде всего, критская проблема, особенно в связи с открытием афинского парламента, которое должно было состояться в начале октября, куда рвались критские депутаты, несмотря на призывы со стороны Венизелоса и других политиков не делать этого [2. Л. 136–140об.]. В начале сентября в российской миссии в Афинах состоялась встреча российского и итальянского посланников, а также поверенных в делах Англии, Франции и России с греческим премьером Э. Венизелосом, обсудивших доводы Венизелоса о необходимости восстановления спокойствия на острове Крит и способы не допустить критских депутатов в здание афинской палаты в октябре. Единственным выходом их кризиса на Крите Венизелос по-прежнему считал временное назначение греческим королем по соглашению с державами верховного комиссара держав с поручением распустить теперешнее революционное собрание и подготовить выборы в новую палату. Назначение комиссара на Крит должно было установить утерянную на время связь между Афинами и Критом, упрочить положение королевского правительства и устоять перед критской революционной волной, которая грозила ухудшением положения христиан в Османской империи. Турция поддерживала идею восстановления должности комиссара на Крите, рассчитывая, что таким образом прекратится провозглашенное критянами присоединение острова к Греции. После формирования нового законного правительства комиссар, сложив полномочия, должен был по замыслу Венизелоса вернуться в Афины. Король Георг I был полностью солидарен с премьер-министром: необходимо, чтобы назначение комиссара совпало по времени «с открытием афинской палаты или сейчас же после него, а не теперь же, чтобы критяне не подумали, что это служит лишь мерой к недопущению» их в афинский парламент [6. С. 224]. Временно поверенный в делах в Афинах князь Сергей Павлович Урусов сообщал также в МИД России, что назначение верховного комиссара предупредило бы министерский кризис в Греции и дало возможность начать греко-турецкие переговоры по Криту. Турция, по его мнению, не будет сопротивляться назначению комиссара, что как бы отменяло постановление критского революционного собрания от 1908 г. о присоединении острова к королевству. Урусов разделял беспокойство западных коллег о приближении серьезных событий и уменьшении надежды на скорое разрешение критского вопроса [6. С. 224].

Неизвестно, кем была предложена кандидатура принца Андрея Греческого на пост комиссара держав, но не исключено, что это была инициатива его матери, греческой королевы Ольги, которая в это время гостила в России и часто виделась с императором, ее племянником. Узнав об этом 5(18) сентября 1912 г. Урусов срочно телеграфировал в МИД С.Д. Сазонову, что по мнению Венизелоса, кандидатура принца Андрея на пост верховного комиссара, которую собирались поддержать в Петербурге, неприемлема как для греческого правительства, так и для критян, и что это вызвало бы немедленную отставку Венизелоса [2. Л. 132–134.].

Англия, более всего заботясь о сохранении верховных прав султана, вновь требовала радикальных мер: Э. Грей предложил, чтобы державы-покровительницы Крита категорически предупредили афинский кабинет, что, если критяне осуществят свое намерение и займут в палате депутатов места, державы тотчас же снова приступят к занятию острова шеститысячным десантом. Франция, поместившая в разные предприятия на Балканах значительные капиталы, поддерживала идею назначения нового комиссара Крита и не возражала против английского предложения о высадке десанта. С.Д. Сазонов телеграфировал из Парижа временно управляющему МИД А.А. Нератову: «Согласен на это предложение, если Франция на него

также согласится» [6. С. 276]. Однако Нератов ответил (также телеграммой), что, несмотря на готовность Франции и Италии (после прекращения военных действий) к такой мере, России это было бы чрезвычайно неудобно, поскольку в случае посылки десанта на Крит пришлось бы испрашивать разрешения Турции о проходе кораблей через Проливы. Водворение комиссара было бы целесообразнее [6. С. 304]. Стремясь, как всегда, к солидарности с другими державами-покровительницами Крита, Россия все же считала «нежелательным посылку» наших военно-морских десантов для оккупации острова [6. С. 432]. Дело с назначение комиссара затягивалось, и ситуация накалялась.

Возвращение Е.П. Демидова в Афины почти совпало с объявлением греческим правительством 17(30) сентября 1912 г. всеобщей мобилизации. Греция имела на тот момент 200-тысячную армию и три дредноута (затем был куплен еще один). Генеральный консул на Крите А.Ф. Шебунин сообщал А.А. Нератову 19 сентября (2 октября) 1912 г., что по имеющимся сведениям «критское правительство вследствие полученных из Греции сообщений приступило к спешным военным приготовлениям». Генеральным консулам, приглашенным в Совет, члены критского правительства заявили: афинский кабинет телеграфировал им об объявлении в Греции мобилизации, поэтому на Крите также подготовлен декрет о мобилизации резервистов всех пяти призывов, а в случае войны Греции с Турцией критское правительство решило принять в ней официальное участие, которое выразится в отправке в распоряжение королевства всей милиции и ее резервистов с полным вооружением и военными припасами. Они не скрыли, что принято решение о снабжении оружием и одеждой отрядов и единичных добровольцев, отъезду которых будет оказываться всякое содействие. На замечания представителей держав о незаконности таких действий они отвечали, что до начала войны Греции с Турцией они никого не будут отправлять с острова. А.Ф. Шебунин полагал, что такому всеобщему порыву критян может противостоять только очень большое число судов, но сопротивление критян будет отчаянным. Английское правительство, несмотря ни на что, настаивало на отправке на Крит военных судов для блокады острова великими державами [6. С. 339].

2(19) октября С.П. Урусов сообщал в Петербург: Венизелос предупреждает, что если верховный комиссар назначен не будет, его «правительство сочтет себя свободным от обязательств» [6. С. 338]. Приготовления к войне с Турцией велись балканскими государствами тайно, но что могло быть тайным на Балканах, где за этими приготовлениями наблюдали десятки глаз – дипломатов и военных агентов. Россия убеждала балканских руководителей, готовых к вооруженной борьбе, проявлять благоразумие и терпение. С первых же встреч российский посланник в Афинах уловил явное недоверие балканских дипломатов к позиции России, особенно в отношении болгаро-греческого соглашения. Здешний болгарский посланник, вслед за греческим, ни словом не обмолвился о заключенном между Болгарией и Грецией оборонительном союзе, сославшись на полную неосведомленность. Это свидетельствовало «о несколько более самостоятельном образе действий» балканских стран [2. Л. 137, 139, 139об.].

Российский посланник в Софии Анатолий Васильевич Неклюдов (1911–1914) в телеграмме в МИД России подчеркивал, что «хлопоча» о Балканском союзе, Россия «имела в виду мирную солидарность балканских государств, которая явилась бы подспорьем нашей вековой, благожелательной к ним политики, а не наоборот», что «война не отвечает российским интересам, [...] что болгары не могут рассчитывать на какое-либо содействие России, если начнут войну вопреки нашим категорическим советам» [6. С. 208–209].

Такое же предупреждение за несколько дней до начала войны получила и Греция. Поверенный в делах в Афинах Урусов говорил министру иностранных дел Греции Л. Коромиласу, что несмотря на то, что Россия питает к его стране лучшие чувства, Греция никоим образом не может, как и прочие балканские королевства, «рассчитывать в предпринятом ими выступлении на помощь России, которая все время надеялась добиться от Порты мирным путем проведения необходимых для христианских подданных Турции реформ». Коромилас отвечал, что «мирное сожительство и мирное сотрудничество христиан и мусульман в Турции немыслимо» [2. Л. 150об.; 6. С. 346]. Другие великие державы, также беспокоясь о возможности возникновения войны на Балканах, поддержали обращение России и Австро-Венгрии к балканским государствам, в котором они еще раз попытались удержать их от решительных действий, обещая заставить Турцию провести до конца все реформы, в том числе в Македонии. Даже Германия заявила, что нужна полная солидарность всех великих держав без всякого деления на группы [6. С. 355]. Демидов сомневался, что заявление России и других держав может остановить Грецию [2. Л. 155].

В середине сентября Урусов передал из Афин А.А. Нератову, что «обострившееся за последние недели положение дел на Балканском полуострове несомненно отразилось и на ходе военных приготовлений Греции. Несмотря на тщательно соблюдаемую всеми – и в том числе прессой – тайну и отсутствие каких бы то ни было точных сведений, кое-что выплывает, однако, наружу. Так, например, до сведения моего дошло, что в Фессалии приступили к частичной мобилизации и, что в церквах названной провинции читались списки призываемых на службу запасных. С другой стороны, здешний турецкий военный агент сообщил мне, что на северную границу постоянно отправляются поезда с военными припасами и что недавно туда же переведено несколько батарей» [6. С. 282]. Российский посол в Константинополе М.Н. Гирс передал А.А. Нератову, что Порта убеждена, что Греция спешно и тайно готовится к войне. «Пушки, военные снаряды и провизия ежедневно доставляются в города и стратегические пункты, лежащие близ турецко-греческой границы. Вследствие сего великий визирь поручил военному министру немедленно укрепить необходимые стратегические пункты, дабы не быть застигнутым врасплох» [6. С. 300]. Дипломатия великих держав пыталась образумить греков и другие народы Балкан и отговорить их от военных действий. В балканских столицах русские дипломаты постоянно напоминали, что Турция имеет готовую к отпору армию, которая снабжена всем необходимым. Но ответы балканских лидеров звучали уклончиво.

Демидов убеждал Коромиласа в том, что неверие балканских государств в мощь военных сил Турции является ошибочным. Кроме того, он указывал на чрезмерные для Греции расходы на войну – 350 тыс. драхм в день... Л. Коромилас, выслушав Демидова, ответил, что «хотя он осознает искренность, благожелательность наших увещеваний, и, понимая всю возложенную на него ответственность», считает, что невозможно далее довольствоваться обещаниями турок». Министр подчеркнул, что последние европейские события все более показывают «шаткость европейского единодушия». Турция приступит лишь к поверхностным реформам,– продолжал Коромилас,– но как только произойдет новый разлад великих держав или соперничество в Константинополе все благие начинания опять будут забыты, а «положение народностей будет еще хуже [...] Поэтому,– заключал он,– Греции надлежит воспользоваться исключительно теперешним благоприятным стечением обстоятельств и сплоченностью балканских государств, дабы общими их усилиями добиться осуществления реформ». Демидов считал, что дело зашло так далеко, что правительство уже не сможет отступить [6. С. 346].

Сложившаяся обстановка в очередной раз грозила громадными убытками для российских кредитных учреждений и торговли. 21 сентября (4 октября) российские биржевые комитеты обратились к правительству с жалобой на задержание Турцией греческих и болгарских пароходов, нагруженных хлебом, предназначенных в порты европейских государств, не участвовавших в нынешних осложнениях, а также судов, идущих в Россию через Проливы. А.А. Нератов предписал М.Н. Гирсу заявить о недопустимости таких действий, подчеркнув, что таким образом сама Порта берет на себя ответственность за враждебные действия Греции и Болгарии [6. С. 355–356].

4(17) октября Е.П. Демидов получил аудиенцию у греческого короля Георга I, который накануне прибыл из очередного турне по европейским столицам. Сказав несколько «милостивых слов», король быстро перешел к «жгучим политическим вопросам». В разговоре, как писал посланник, «король не пощадил великих держав» за их недоброжелательство и бездействие, которому он приписывал «настоящее острое положение на Балканах». Особенно он упрекал правительство сэра Эдуарда Грея, который в разрез с английским общественным мнением, задумал помешать Греции и другим державам осуществить их план, а критянам – принять участие в военных действиях. Георг I высказал полную уверенность, что Россия «заступится за попранные права балканских христианских народностей». Король сообщил, что император Вильгельм, свалив всю вину на Англию, и император Франц-Иосиф предоставили ему свободу действий. В Австро-Венгрии ставили лишь одно условие, чтобы она не была вовлечена в войну [6. С. 488].

Удивительно, что до начала Первой балканской войны в МИДе России все еще не знали, на каких условиях Балканский союз готовится к войне с Турцией, и министр С.Д. Сазонов просил Демидова «строго доверительным путем» постараться выяснить в Афинах, «на каких условиях Греция примкнула к балканским государствам», для того, чтобы «примирить их разумно понятые интересы с условиями общеполитической обстановки» [6. С. 489]. Но ведь считается, что за созданием Балканского союза стояла именно Россия, или это очередной миф? Отвечая на просьбу С.Д. Сазонова, Демидов писал: «К сожалению, задача эта представляется нелегкой, и те скудные и отрывочные сведения, которые мне пока удалось получить, едва ли в состоянии осветить наш путь к будущему согласованию общеевропейских интересов с частнобалканскими». Демидов полагал, что державам придется в конце концов вмешаться в предстоящую войну и «до некоторой степени принять во внимание умеренные требования балканских государств», о которых он, впрочем, сам был мало осведомлен и мог лишь догадываться. При этом посланник справедливо указывал, что «требования эти будут непомерно расти с удачным ходом военных действий», хотя в настоящее время «общим лозунгом является освобождение христианских братьев от турецкого гонения». Более того, Демидов был почти уверен, что «все они мечтают о соответствующих территориальных приобретениях на основании этнического подразделения округов» [6. С. 490]. Совсем недавно Венизелос уверял российского посланника, что, если державы найдут общее согласие и настоят на проведении настоящих реформ, Греция готова будет даже оттянуть войска от границы. Л. Коромилас был более откровенен и говорил Демидову об интересах балканских государств в Македонии и согласии оставить Турции лишь кусок в Европе. Демидова поражало «постоянное пренебрежение к воле держав и полное игнорирование общеевропейских условий». «При таких взглядах трудно надеяться на греческую умеренность»,– заключил Демидов. Но посланник совершенно не верил в возможность победы балканских государств в войне с Турцией. Он ошибался, говоря о том, что Венизелос и греки «льстят себя трудно осуществимыми надеждами». А ведь премьер-министр не раз говорил ему «о сплоченности балканских государств перед общим врагом», о том, что они уже представляют

нравственную и материальную силу. Он выражал уверенность, что «Россия всегда заступится против других держав за единоверную Грецию и в будущем станет верховной покровительницей не только славянства, но и всего православия». Конечно, он льстил! Венизелос конфиденциально сообщил Демидову, что между союзными балканскими государствами пока лишь общим образом затронут вопрос о разграничении областей, и, что «никакого подробного по этому вопросу сговора еще не состоялось». «В худшем случае он надеялся на присоединение Крита и на значительное исправление эпирской границы, помимо строгих гарантий осуществления реформ в Европейской Турции»,– передавал Е.П. Демидов. Посланник запоздало советовал российскому МИДу согласовать действия великих держав после первых же военных выступлений против Турции, чтобы «положить конец этому бесполезному кровопролитию». Кроме того, Демидов беспокоился о том, что при военных удачах балканские державы «не будут знать пределов» [6. С. 490].

Первой начала военные действия 25 сентября (8 октября) Черногория. Накануне российский и австрийский посланники были приняты королем Черногории Николой Негошем, который выслушав тест обращения держав сказал: «Я сожалею, что вмешательство держав несколько запоздало. Вот уже два месяца, как была вручена нота черногорского правительства, в которой оно ходатайствовало об этом вмешательстве: Европа молчала, и я считал, что обо мне забыли. Турция причинила нам столько обид в течение 34 лет и в особенности за эти последние годы. Турецкие войска заняли нашу территорию и укрепились на ней. Я протестовал несколько раз, но это был глас вопиющего в пустыне» [6. С. 402]. Через десять дней Болгария, Греция и Сербия присоединились к Черногории. На самом деле все еще мощная турецкая военная машина оказалась слабее совместных сил балканских держав. Турция могла выставить около 400 тыс. чел., а балканские силы превосходили их (Болгария имела свыше 600 тыс., Сербия – свыше 400 тыс., Греция – 210 тыс. чел.). Есть и другие цифры: Болгария – 300 тыс., чел., Греция – 150 тыс., Черногория – 22 тыс., Сербия – 160 тыс. человек; всего – 632 тыс. [7. С. 476; 8. С. 131–147].

Реакция российской дипломатии и ведущих политиков была почти единодушной: нужно оказать помощь, но избежать участия в конфликте. Российский посланник в Афинах Е.П. Демидов назвал первую Балканскую войну «каким-то несовременным крестовым походом против неверных». Он воздавал должное «удивительному чувству солидарности и патриотизма», проявленному греками в этой войне. Со всех концов земного шара – из Египта, Судана и даже из Трансвааля и США в Афины ежедневно прибывало множество греков-добровольцев, «покинувших свои занятия и заработок для защиты отечества» [2. Л. 215]. По его мнению, Европе придется считаться «с таким убежденным всеобщим подъемом» и было бы «крупною ошибкой игнорировать его чувственную силу или умалять его значение»; а лучше – «направить в нужную колею» [2. Л. 215об.].

Как сообщал М.Н. Гирс, 25 сентября (8 октября) начался перевоз морем анатолийских войск в Европейскую Турцию, что «несомненно усилит нашу возможность производить давление на Порту при восстановлении мира на Балканах» [6. С. 401]. В тот же день посол протестовал против задержания греческих судов, нагруженных российским хлебом. Порта обещала возместить убытки, но биржевые комитеты России настойчиво обращались с просьбой к министру финансов В.Н. Коковцову об освобождении задержанных Портой греческих судов, обещая до окончания конфликта не отправлять хлеб на судах под греческим флагом. А.А. Нератов сообщил М.Н. Гирсу в телеграмме: «Нам грозят огромные убытки, происходящие из того, что на греческих судах идет три четверти экспорта нашего хлеба» [6. С. 401].

26 сентября (9 октября) Е.П. Демидов писал в МИД С.Д. Сазонову: «К сожалению, никакие дружественные советы, благоразумные доводы, ни строго логичные аргументации на Коромиласа [...] не действуют. Он всецело поглощен мыслью о войне, и первый ее приветствует в душе, невзирая ни на опасности для Греции от подобной авантюры, ни на ее бесполезность в случае даже успехов греческого оружия». «Указывая министру на достигнутое полное единогласие держав и на твердое их намерение добиться от Порты осуществления реформ в духе 23-й статьи Берлинского трактата, я, вместе с тем, попытался убедить его в том, что раз Греция стремится не к каким-то территориальным приобретениям, а лишь к действительному проведению реформ, то таковые достигнуты будут несравненно вернее коллективным решительным воздействием держав на Порту [...], нежели путем вооруженного конфликта» [6. С. 406].

Демидов телеграфировал в МИД, что Греции следует еще раз указать, что ни на какую поддержку со стороны России в условиях венных действий против Турции она рассчитывать не должна, а грекам он запоздало говорил, что стоит хотя бы подождать переговоров великих держав с Портой о реформах. С.Д. Сазонов в тот же день телеграфировал российскому послу в Париже А.П. Извольскому, что Сербия в ближайшее время также решила начать военные действия против турок и что решимость балканских государств «едва ли оставляет какую-либо надежду на возможность предотвращения войны». Поэтому Сазонов справедливо считал совершенно неуместным великим державам хлопотать о реформах в условиях начала военных действий Черногории, вступившей в войну, и готовности других балканских стран со дня на день также начать военные действия [6. С. 406].

27 сентября (10 октября) 1912 г. временно управляющий МИД России А.А. Нератов телеграфировал М.Н. Гирсу в Константинополь, что Россия не считает возможным отказать славянским государствам, в случае их обращения, в защите их интересов в случае начала военных действий, тоже – и Греции. В тот же день он телеграфировал Е. Демидову: «Возможно ожидать, что греческое правительство обратится к нам в случае войны с просьбой принять на себя защиту в Турции ее интересов. Ввиду того, что наше посольство и консулы будут перегружены делами, [...] желательно, чтобы греки обратились с такой же просьбой к Франции и Англии» [6. С. 412]. Речь шла о совместных с другими великими державами действиях.

30 сентября (13 октября) Венизелос заявил Демидову (в ответ на укор, что поспешность лишает державы возможности согласованных действий в Константинополе), что они не намерены выжидать завершения турецких приготовлений к войне. Он лишь обещал, что декрет о присоединении Крита к Греции не последует ранее объявления войны [6. С. 444]. Сразу после начала военных действий Черногории против Турции Шебунин сообщил с Крита, что четыре английских крейсера (из них два броненосных) прибыли в Суду с заданием следить, чтобы Крит соблюдал строгий нейтралитет» [6. С. 432]. Греция, надеясь на помощь России, имела в критском вопросе также поддержку со стороны балканских государств [2. Л. 190–191об.].

1(14) октября 1912 г. открылась осенняя сессия греческого парламента. В связи с серьезностью момента и ожидаемых заявлений председателя Совета министров Э. Венизелоса все трибуны в парламенте были переполнены; перед парламентом собралась огромная толпа, а у входа по обеим сторонам были расставлены солдаты. Прибыли на заседание и были допущены в зал 60 критских депутатов, которые выделялись своими темно-синими национальными костюмами. Венизелос благоразумно приветствовал критских представителей как гостей. Однако он произнес историческую фразу о том, что «отныне существует один лишь парламент для Греции и для Крита» [6. С. 451]. Палата рукоплескала. Венизелос предложил критским

депутатам вернуться на остров и приступить к новым выборам уже по греческом законам. Демидов остроумно заметил: «Подобное “переходное решение” представляется мне весьма близким к окончательному» [2. Л. 175].

Речь Венизелоса на открытии сессии афинского парламента вызвала в Европе шок. Таким образом, писал Демидов, трехлетний революционный режим острова сменяется, с точки зрения греков, законным греческим управлением, хотя и не одобренным державами-покровительницами. «Окончательно же решение о судьбе Крита, т.е. о его присоединении к Греции,– писал Демидов,– воспоследует в зависимости от успехов греческого оружия» [6. С. 489–490]. Е.П. Демидов 4(17) октября 1912 г. сказал министру Коромиласу, что усматривает в этом «некоторое пренебрежительное отношение к державам-покровительницам», на что министр ответил, что не сомневается в благорасположении России и надеется на содействие императорского правительства, чтобы склонить Англию к принятию нового положения вещей на Крите. В тот же день российское правительство в ответ на английскую ноту в отношении блокады острова, уведомило посольство его британского величества в Афинах, что российскому генеральному консулу в Канеи посланы по телеграфу инструкции дать распоряжение останавливать все суда, направляющиеся в какой-либо порт Крита и разрешить им доступ к этим портам, взяв с капитана судна обязательство, что он не примет на борт критских милиционеров, которые стремились в Грецию для участия в войне. Однако, принимая во внимание тесную связь, существующую между Грецией и Критом, императорское правительство считает своим долгом обратить внимание британского правительства на неудобство полного запрета греческим судам заходить в порты Крита, изолируя полностью население острова, что неизбежно нанесло бы ущерб его торговле. Применение инструкций 1909 и 1911 гг. неприемлемо в новой обстановке, так как высадка морского десанта привела бы к восстанию критян [6. С. 484].

В связи с речью Венизелоса в парламенте С.Д. Сазонов телеграфировал А.П. Извольскому, что Россия не считает удобным пойти на предложение Англии запретить любой доступ на Крит греческим торговым судам. «На наш взгляд,– писал Сазонов,– нельзя совершенно запереть население острова, стесняя его даже в торговых и частных отношениях с Грецией, сближение с коей сами державы укрепляли долголетним режимом, так или иначе обособившим Крит от Турции. Решившись на участие в морской блокаде, мы не можем, однако, отнестись к этой мере с сочувствием». Демидов предвидел отчаянные действия критян против турок и держав. «Ни наша традиция, ни наше общественное мнение не дозволят нам во время предстоящей войны Турции с балканскими государствами прибегнуть к силе против христиан ради фикции турецкого суверенитета на Крите»,– писал он [6. С. 447]. По мнению С.Д. Сазонова, «лучшим выходом из положения для держав-покровительниц Крита было бы, в случае заявления критян о присоединении к Греции и желании участвовать в войне, ответить заявлением, что они предоставляют остров его собственной судьбе, не отвечая за последствия» [6. С. 447]. Российские дипломаты отмечали общий патриотический порыв в Греции и на Крите, откуда шесть тысяч «критских милиционеров уже готовы присоединиться к греческим ратникам». Коромилас также сообщил российским дипломатам, что слухи о том, что державы готовы снова оккупировать Крит, может вызвать вооруженное сопротивление критян. Критяне же сообщили российскому генеральному консулу на Крите А.Ф. Шебунину «о полнейшей независимости в решении критского вопроса от держав-покровительниц» [6. С. 451]. Критская Палата официально утвердила закон о мобилизации.

1 (14) октября греки потребовали от Порты в 24 часа снять эмбарго с восьми задержанных греческих судов с русским грузом. На следующий день 2(15) октября турецкое правительство решило выпустить захваченные греческие суда, если они не направятся в греческие порты, а также все суда под российским флагом, за исключением направлявшихся в Грецию.

5(18) октября войну Турции объявили Болгария и Сербия, а на следующий день к ним присоединилась Греция. Союзные войска балканских стран в течение месяца разбили турецкую армию. Сербские войска вышли к Адриатическому морю, а болгарские – к Чаталджинским высотам, находившимся в 45 км от Константинополя. Захват Константинополя болгарами, казалось, был неминуем. 6(19) октября 1912 г. Министерство иностранных дел Греции отправило вербальную ноту Российской императорской миссии в Афинах, сообщавшую, «что главнокомандующий морскими силами королевства, находящимся под его начальством в Ионическом море [...], объявил морскую блокаду побережью Оттоманской империи от порта Гуменитса до входа в залив Арты, со всеми его портами, реками, гаванями рейдами и бухтами. Нейтральным суднам предоставлялся 24-х часовой срок, для свободного выхода из блокированных местностей (давались точные координаты). В отношении судов, которые сделают попытку нарушить блокаду, будут приниматься меры согласно международному праву и трактатам с нейтральными державами». Греки просили посланника донести это до российского правительства [9. Л. 83].

Греция категорически отказала России в ее просьбе не переносить военные действия на зону Проливов и вскоре превратила о. Лемнос вблизи Дарданелл в военно-морскую базу. Целью греков в Эгейском море было, кроме затруднения провоза турецких азиатских подкреплений, создание постоянной угрозы Проливам вплоть до их форсирования. Греки были недовольны, что эта просьба России «связывает их по рукам и ногам», и «не России надлежит сдерживать христианское движение против неверных», тем более что это вопрос нескольких дней, после чего Проливы будут открыты для России навсегда [2. Л. 194]. Не действовало на греков и предупреждение, что Россия и нейтральные страны, чьи торговые интересы могут пострадать от закрытия Проливов, могут изменить свое отношение к грекам. Попытки Австро-Венгрии и Италии отговорить Грецию от операций в Дарданеллах также не имели успеха [2. Л. 195].

К началу Первой балканской войны в Константинополе собралась внушительная международная эскадра (до 21 единицы) под общим командованием французского адмирала с официальной целью защиты европейских посольств от погромов. От России в Константинополе находились бронепалубный крейсер «Ростислав» (под командованием капитана 1-го ранга М.П. Саблина), крейсер «Кагул» (бывший крейсер «Очаков», переименованный в 1907 г.), а также канонерские лодки «Кубанец» и «Донец», пароход Добровольного флота «Саратов» и уже находившаяся в Константинополе в качестве стационера яхта «Колхида». Командующий морскими силами Черного моря адмирал Андрей Августович Эбергард сообщал Морскому министру России адмиралу И.К. Григоровичу, что «Кагул» стоит в Босфоре у Золотого рога, а «Ростислав» второй день находится «под парами». «Ждут извещения послать. С командующим войсками сношения делается» [9. Л. 56]. Григорович просил ожидать распоряжений посла в Константинополе Гирса. 26 октября (8 ноября) в 1.30 ночи И.К. Григорович обратился к государю: «Всеподданнейше испрашиваю соизволения Вашего императорского величества разрешить командующему силами Черного моря иметь непосредственное сношение с нашим послом в Турции для высылки неограниченного числа боевых судов или даже всей эскадры, когда в этом встретится надобность по требованию гофмейстера Гирса.

Мера эта вызывается желанием ускорить выполнение распоряжений, не ожидая сношений с Петербургом» [9. Л. 56].

Сразу после вступления Греции в войну Демидов писал, что отошедший на второй план критский вопрос вновь возник из-за объявления блокады Крита международными отрядами. Морской министр адмирал И.К. Григорович давал инструкцию находящемуся стационеру на Крите: «Остров Крит должен быть изолирован от военных действий блокадой. Никакие нападения на его берега со стороны турок недопустимы. Частные пароходы пропускаются лишь после осмотра и после предоставления подписки о том, что они не повезут с острова милицию, за исполнением чего следует наблюдать. Организация блокады лежит на обязанности старшего командира международной эскадры, с которой нам следует согласоваться относительно нашего района действий. В случае надобности охранять жителей и порядок, можете высадить судовой десант» [9. Л. 18]. Но еще до начала военных действий в Афины прибыли более двух тысяч критских милиционеров при полном военном снаряжении и они уже были направлены на театр военных действий, к ним готовы были присоединиться еще четыре тысячи милиционеров. Демидов не располагал никакими сведениями об отряде международных сил на Крите, но писал, что «цель блокады не достигнута, так как присутствие усиленного отряда международных сил судов может лишь помешать дальнейшему отправлению людей на войну, но, главным образом, она должна обеспечить безопасность мусульманского населения Крита». «Во всяком случае возвращение к прежнему статусу кво Крита является едва ли желательным или даже возможным без крупных усилий и беспорядков», – писал Демидов. «Развертывающиеся ныне события представляют собой бесподобный [...] случай для своевременного установления державами-покровительницами согласованности действий в виду окончательного разрешения критской проблемы и присоединения острова к Греции» [2. Л. 198–199]. Временно командующий крейсером «Олег» капитан 1-го ранга Зеленецкий сообщал И.К. Григоровичу из Канеи: «Старший английский командир получил новую инструкцию о прекращении осмотра пароходов, могущих увезти с Крита милицию и о защите мусульман в случае крайней опасности и запросил меня о получении таковой же инструкции. Прошу указаний» [9. Л. 24].

21 октября (3 ноября) М.Н. Гирс передал в МИД России текст запоздалого султанского манифеста, в котором восхвалялась политика Турции в отношении христиан, что вызывало лишь недоумение – где же они были тридцать с лишним лет, когда Турция обязывалась осуществить реформы, указанные в берлинском трактате [6. С. 437]. Державы-покровительницы единодушно заявили о намерении не вмешиваться в дела Греции в отношении Турции. Попытки европейской, в том числе российской, дипломатии предотвратить военный конфликт на Балканах не увенчались успехом.

Большой проблемой стало начало Балканской войны для южнорусской торговли, особенно зерном, которой занимались греческие торговцы на греческих судах. Великие державы – Англия, Австро-Венгрия, Франция, Россия и Германия обратились через своих послов 29 октября (11 ноября) к султанскому правительству с просьбой пропустить в шестнадцатидневный срок греческие суда с грузом зерна, предназначенного для нейтральных портов. Османское правительство посчитало достаточной отсрочкой семь дней, в течение которых греческие суда могли пройти от одного военного поста в Проливах до другого у выхода [9. Л. 29].

Менее чем через месяц после начала военных действий против Турции 25 октября (7 ноября) 1912 г. греческая армия стояла у ворот Салоник – столицы Македонии, а после подписания Турцией капитуляции вошла в город. За три дня до этого исторического события С.Д. Сазонов телеграфировал морскому министру

И.К. Григоровичу, что по получаемым сведениям Англия, Австрия и Франция для охраны своих подданных в Салониках посылают по одному военному судну. Он просил дать распоряжение отправить туда же крейсер «Олег» и держать связь с российским послом в Константинополе и генеральными консулами в Салониках и Канеи [9. Л. 28]. Греческая королева Ольга, муж и дети которой находились на фронтах войны, писала в Петербург брату, великому князю Константину Константиновичу: «Вы, вероятно, все удивляетесь и любуетесь быстротой действий нашего войска и их храбростью. Они с самой Элассоны до Янины (где было большое сражение вчера) бьют турок и перед ничем не останавливаются. Никто, в сущности, такой храбрости не ожидал, и мы все в неописуемом восторге! Нам Господь Бог помогает и всем балканским православным народам (одни противные румыны смотрят, сложа руки, но они потомки римлян [...]). Это крестный поход! И как это все случилось неожиданно, негаданно нежданно, то, о чем я мечтала 45 лет, т.е. союз православных народов против ислама. И разве это не чудо Божие, как все сговорились и действуют заодно и как бьют турок повсюду, без единственной до сих пор неудачи. Помоги Бог выбросить этих извергов совсем вон из Европы, где присутствие их, срам и позор! Право, я не могу надивиться – вот 5 веков, что дипломатия не может решить Восточного вопроса – а балканские государства, соединившись, решили его в несколько недель! Европа разинула рот, и сама не понимает, что вдруг случилось и как это вековые задачи решаются без нее! Путала она, путала, да завязала такой гордиев узел, что его развязать стало немыслимо – а четыре народа, тайно сговорившись, взяли да разрубили его! Ура!» [10. С. 406–407].

Сокрушительное поражение османской армии поставило на повестку дня пересмотр Берлинского трактата 1878 г., в который были втянуты все подписавшие его в свое время страны. Турция обратилась к великим державам с просьбой о мирном посредничестве. Российское правительство приняло решение сдержать союзников Балканского блока от дальнейших действий. 8(21) декабря 1912 г. конференция послов великих европейских держав в Лондоне начала обсуждение балканского вопроса. Этим завершился начальный период Первой балканской войны, но не закончился балканский поединок в споре за Османское наследство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Jelavich B., Jelavich Ch.* The Establishment of the Balkan National States. Seattle, 1977; *Jelavich B.A.* Century of Russian Foreign Policy. Philadelphia; New York, 1964; *Hall R.C.* The Balkan Wars 1912–1913; Prelude to the First World War. London, 2000; Восточный вопрос во внешней политике России. М., 1978; История Балкан. М., 2018. Т. 4; *Рыбаченок И.С.* Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи и методы. М., 2012; Модернизация vs. Война Человек на Балканах накануне и во время Балканских войн (1912–1913). М., 2012; *Гусев Н.С.* Первая балканская война и русское общество // Славяноведение. 2015. № 5.
2. Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Политархив. Оп. 482. Д. 330.
3. *Соколовская О.В.* Греция: становление европейского государства / История Балкан. М., 2017. Т. 4.
4. *Писарев Ю.А.* Великие державы и Балканы накануне Первой мировой войны. М., 1986.
5. *Соколовская О.В.* Великий остров Средиземноморья, Греция и миротворческая Европа. 1897–1909 гг. М., 2013.
6. Международные отношения в эпоху империализма. М., 1939. Серия. II. Т. 20. Ч. 2.
7. *Петрунина О.Е.* Греческая нация и государство в XVIII–XX вв. М., 2010.
8. *Рябинин А.* Малые войны первой половины XX в. Балканы. М., 2003.
9. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 4244.
10. *Соколовская О.В.* О начале Первой балканской войны 1912 г. (Несколько писем королевы эллинов Ольги) // Славянский альманах 2009. М., 2010.

РАЗВИТИЕ ТЕМЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ СЛОВАЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ: ОТ ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЕЙ К ХУДОЖЕСТВЕННОЙ РЕФЛЕКСИИ

© 2019 г. Л.Ф. Широкова

Канд. филол. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
shirocco@mail.ru

Наиболее значительные произведения словацкой литературы, отразившие тему Первой мировой войны, были созданы писателями–участниками ее событий. Основанные на заметках, дневниковых записях и фактографических очерках, сделанных авторами на фронте и в плену, книги более зрелого периода их творчества отличаются глубиной художественного осмысления пережитого, психологизмом и достоверностью характеров.

Most significant works of Slovak literature, reflecting the theme of the First World War, were created by writers who had participated in those events. Based on their notes, diary entries and factual essays made by the authors at the front and in captivity, their books of the more mature period of their work are distinguished by the depth of artistic understanding of experience, psychologism and reliability of characters.

Ключевые слова: Первая мировая война, словацкая литература, дневники, воспоминания, сюжет, автор, герой.

Keywords: Second World War, Slovak literature, diaries, memoirs, storyline, author, hero.

DOI: 10.31857/S0869544X0006141-8

В годы Первой мировой войны Словакия, бывшая тогда частью Австро-Венгрии, избежала масштабных военных действий на своей территории, однако негативное воздействие войны на все сферы ее жизни было очевидно. «Фронт проходил лишь по небольшой части Словакии, но война затронула даже самые отдаленные ее уголки. Уже сама по себе мобилизация сотен тысяч человек, наиболее продуктивной рабочей силы, губительно сказалась на и без того бедной стране» [1. S. 55],– писал словацкий историк Л. Липтак. Вместе с массой новобранцев, крестьян и ремесленников, в окопах оказались и представители словацкой интеллигенции, в том числе известные и начинающие литераторы Йозеф Грегор-Тайовский, Янко Есенский, Ян Грушовский и др.

Писатели–участники Первой мировой войны фиксировали свои впечатления вначале по горячим следам событий в документальных заметках

и дневниковых записях; позднее их опыт увиденного и пережитого воплотился в художественных образах произведений, созданных в межвоенный период.

Йозеф Грегор-Тайовский (1874–1940) происходил из небогатой многодетной семьи. После окончания учительского Института и Торговой академии в Праге он работал учителем, затем сделал карьеру банковского служащего, одновременно занимаясь писательской и редакторской деятельностью. С конца 1890-х гг. в печати стали появляться его прозаические произведения, преимущественно рассказы и повести социально-бытового содержания, а также драмы и комедии из народной жизни, имевшие большой успех у публики. В 1915 г. его призвали в австро-венгерскую армию и отправили на восточный фронт. При первой же возможности он сдался в плен русским солдатам. После нескольких месяцев работ в лагере для военнопленных Грегор-Тайовский включился в ряды чехословацкого движения в России, был капитаном чехословацкого легиона и одновременно – редактором чехословацкой периодики, издававшейся в Киеве. Лишь в 1919 он вернулся домой, в недавно образованную Чехословацкую республику.

Вскоре Грегор-Тайовский опубликовал три книги, основанные на его личных впечатлениях о Первой мировой войне и пребывании в России: «Рассказы из России» (1919), «Рассказы о чехословацких легионах в России» (1920), «На фронт и другие рассказы» (1920).

Книги состоят из многочисленных, часто разноплановых по жанру главок, расположенных по временной последовательности описываемых событий. Их содержание – это, преимущественно, заметки и дневниковые записи самого автора, отражающие факты его военной биографии, переживания и рассуждения о службе в венгерской армии, жизни в плену, встречах в России, о пребывании в рядах чехословацкого легиона, охватывающие период с 1915 вплоть до 1919 г.

В сборнике «Рассказы о чехословацких легионах» семь глав, названия которых соответствуют этапам фронтового пути писателя: «Под венгерской пятой», «Мужики», «Дружина», «В легионах», «Революция», «Среди большевиков», «Новая родина».

Среди них выделяются три первых рассказа, близкие по жанру к очерку, которые объединены в общую главу «Под венгерской пятой». По времени повествования они относятся к началу Первой мировой войны; в них представлены социально-психологические портреты трех словацких солдат австро-венгерской армии, недавно отправленных на восточный фронт, в Галицию. По своему типу эти герои родственны характерным для довоенного творчества Грегора-Тайовского народным персонажам, реалистичность которых сочетается здесь с подчеркнуто выраженными национальными чертами, нередко усиленными публицистическими авторскими высказываниями. При этом сама роль автора-повествователя проявляется в каждом из рассказов по-разному. В первом («Янко Врабель»), где говорится о юном новобранце, в характеристике которого отчетливо выражено его национальное самосознание и симпатия к братьям-славянам, фигура повествователя скрыта за объективностью изложения от третьего лица. Во втором («Глухарь») – о пожилом глуховатом солдате, бывшем сельском пастухе – уже явственно звучит голос рассказчика от первого лица: «Недолго служил Юро. Но и я, и все, кто жил рядом с ним, сохранили о нем добрую память. Я вот сейчас пишу о ней, а другие, там, в окопах, хранят ее» [2].

В третьем рассказе («Повар Юрек»), в центре которого еще один тип – прижимистый солдат, смыслом существования которого на фронте стало

выживание, ради чего он постоянно раздобывал и прятал съестное, автор-повествователь появляется и как персонаж, взаимодействующий со своим героем. «Как-то раз Юрек угостил и меня [...], своего капрала, чтобы уж и я закрыл на все глаза и не ругал его» [2].

В этой части сборника сделанные на фронте писательские заметки, фрагменты личной хроники представлены уже в определенном художественном преломлении, хотя описательность и типажность преобладают над психологической глубиной характеров.

Художественная трансформация темы Первой мировой войны и образа словацкого солдата становится более очевидной в позднейшем творчестве Грегора-Тайовского. Это показывает, например, сопоставление его уже упомянутого очерка 1919 г. «Янко Врабель» и драмы «Герой», написанной в 1938 г.

«Янко Врабель» – это психологический портрет молодого восемнадцатилетнего призывника (по авторскому определению – это «молодец-словак») австро-венгерской армии, которого отправляют на передовую «стрелять в русских». На вокзале он по-детски плачет от страха, но при этом как сознательный словацкий патриот продумывает план действий, «понимает, что он – словак, славянин, и что русский и серб – его братья, а первый враг его – мадьяр» [2]. То же твердит ему и дядя, пришедший его проводить: «Ты стреляй повыше, в небо, в братьев стрелять не нужно» [2].

На фронте, в окопах, Янко терпит суровую муштру и издевательства венгерских офицеров, утешаясь тем, что «страдает за свои словацкие убеждения, за любовь к русским братьям» [2]. Он мечтает лишь о том, как бы поскорее сдаться в плен: «Ночью, стоя на посту, он глядит на небо, гадая, какие звезды могли бы привести его к русским. Уж ни о чем другом не думает, только – бежать, бежать, бежать. Там ему наверняка скажут: “Брат!”» [2]. И в сцене с русским аэропланом-разведчиком он стреляет лишь для видимости, в воздух, молясь, чтобы случайно не попасть. Улучив подходящий момент, Янко сдается в плен, крикнув по-русски: «Здравствуйте, братья, я – словак!». И дальше все произошло так, как он себе и представлял: «К нему подбежали три солдата, помогли выбросить патроны, и первые русские слова были – “закурить папиросы”» [2]. Несколько идеализированно описывается затем жизнь пленного в России – работа на лесозаготовках вместе с сотнями чехов и словаков: «Хлеба достаточно, еды достаточно, дров сверх меры, всем он доволен, вот только русский табак мелкий, как тмин» [2]. И в финале намечается перспектива дальнейшей судьбы Янко и других пленных – среди них пошли слухи о формировании «чехословацкого войска, чтобы бить венгров и немцев» [2].

В написанной почти спустя два десятилетия драме «Герой» основные события происходят в словацкой деревне в годы войны, только в III действии показана сцена столкновений на итальянском фронте. Основная сюжетная линия, намеченная в очерке «Янко Врабель», разработана более детально и уже по другому принципу, по законам драматургии. Однако благодаря развернутым авторским ремаркам, обстоятельным и содержательным репликам действующих лиц она прослеживается в тех же основных пунктах. В начале – это мобилизация и отправка на фронт сельского юноши Янко Мигалика, его изначальное стремление перебежать к русским братьям, которое горячо поддерживает его отец; затем в репликах родных обсуждаются слухи о его пленении и вступлении в ряды легионеров и, наконец, в финале показано его возвращение домой.

Характер Янко в пьесе «Герой» более сложен: славянское самосознание выражается в нем не столько в декларативной форме, сколько в таких приданных ему автором чертах, как идейная связь с патриотом-отцом, любовь к родному языку, к словацкой культуре. Так, вместе со скудными домашними припасами он берет с собой на фронт книги классиков словацкой литературы С. Халупки, Я. Ботто, С. Гурбана-Ваянского, «за которые его из школы выгнали» [2]. В то же время внутренний конфликт вызывает в нем вражда с соседом по деревне, «мадьяроном»[1] Шуриком, которого он убивает, столкнувшись с ним по разные стороны фронта. В финале пьесы Янко мучают угрызения совести, жалость к вдове и детям убитого им врага, и сомнения – «герой он или убийца?» [2]. Эти слова он вырезает на кресте, который сколотил для своей будущей могилы.

Тему Первой мировой войны отразил в своем творчестве и Янко Есенский (1874–1945), ровесник, близкий друг и соратник Й. Грегора-Тайовского. Выдающийся поэт и прозаик, переводчик русской поэзии, он происходил из старинной дворянской семьи Есениусов, получил юридическое образование, окончив юридическую академию в Прешове и докторантуру в Клуже, работал адвокатом. Однако карьеры сделать долго не мог, поскольку считался политически неблагонадежным «панславистом», за что подвергался гонениям со стороны властей. В начале Первой мировой войны Есенский, уже известный литератор, был арестован и в 1915 г. отправлен на восточный фронт, где вскоре перебежал к русским. Как и Грегор-Тайовский, он работал сначала в лагере для военнопленных, потом – в чехословацких газетах, издававшихся в России, вступил в чехословацкий легион. В Чехословакию вернулся также в 1919 г., занимал там видные государственные посты до 1939 г. и стал автором ряда стихотворных сборников, рассказов, двухтомного романа «Демократы» (1934, 1938) и мемуаров.

В 1915–1918 гг. Есенский, находясь в России, вел дневники, куда заносил не только свои заметки и наблюдения, но и рождавшиеся в столь сложных и драматических обстоятельствах стихи. Лирические и иронические, они выразили и внутренние переживания автора, и впечатления от наблюдаемых им картин и нравов на его нелегком пути новобранца, военнопленного, военного журналиста и начинающего политика. Этот своего рода поэтический дневник был опубликован Есенским уже в 1918 г. в виде сборника под общим названием «Из плена». Значительная часть стихотворений посвящена России, новой и уходящей, вызвавшей в душе поэта противоречивые чувства.

Так, в стихотворении «Земля Пушкина», датированном 18 июля 1915 г. с указанием на место написания – г. Харьков, есть такие строки:

Земля поэтов, Пушкина страна
и Лермонтова, выстроена словом,
в той комнатушке под родимым кровом
была во всем величии видна.
[...]
Теперь стена и пол – моя квартира,
в плену лишь лучик солнечный лови,

[1]«Мадьярон» – словак, сменивший свою национальную принадлежность на венгерскую в период проведения в Венгрии политики мадьяризации в конце XIX – начале XX в.

я здесь в тисках венгерского мундира,

и два поэта, русские певцы,

ни слова мне не скажут о любви:

молчат, как чопорные гордецы [3. С. 141][2].

А в стихотворении «”Что чувства добрые...” (у памятника Пушкину)», записанном в Екатеринославе 12 октября 1915 г., Есенский с горечью обращается к любимому поэту: «Твоя великая прекрасная Россия / подвластна своему лихому конвоиру, / и как шальная пуля твою пробила лиру, / так благодарный твой народ / крушит сейчас твой памятник / и твой роскошный стих, и чувства добрые / в кровавую со смехом превратил сатиру» [4].

В 1933 г. Я. Есенский издал книгу воспоминаний «На пути к свободе», во многом основанную на дневниковых записях военных лет. В пятнадцати главах, написанных от первого лица, прослеживается весь сложный путь писателя от месяцев накануне и в начале войны («Мое первое дело», «Война», «Плен»), полной бурных событий жизни в России («Харьков–Тамбов», «В Березовке за Байкалом», «Киев», «Челябинск» и др.) до завершения долгого пути в Словакию морем через Японию, Китай и Италию («Домой»).

В начале книги, рассказывая о пребывании под арестом в Братиславской тюрьме по обвинению в измене и панславизме, автор упоминает и маленькую хитрость, которая помогла ему сохранить свои заметки и стихи тех лет: «Ручку и маленький блокнот я с большой изобретательностью спрятал у себя так надежно, что их не нашли при досмотре» [4].

Воспоминания о событиях и людях перемежаются у него лирическими и ироническими отступлениями, образным переосмыслением давно пережитого: «Война – это главное лакомство для неумолимого, коварного, страшного коменданта: для смерти. От нее не дезертируешь, не спрячешься, не откупишься... Но не только смерть меня огорчает. Иной раз огорчает и жизнь» [4].

Подробно и живо описывает Есенский обстоятельства сдачи в плен русским солдатам, напоминающие схожую сцену у Грегора-Тайовского:

«Не стреляй! Я – славянин! – закричал я.

— Так брось винтовку! – он – мне.

Я швырнул свою “манлихерку”[3] ему под ноги.

И русский, который стрелял в меня, заулыбался и показал рукой на окоп, мол, спрячься. Меня окружили. Дали хлеба и сала. А я вынул из ранца сигары и шоколад и принялся раздавать, кому что достанется» [4].

Значительная часть книги посвящена воспоминаниям о России. И если поначалу, попав в плен в 1915 г., Есенский воспринимал русские реалии порой критически, но с неизменной симпатией и даже умилением, то революция 1917 г., а особенно – октябрьские события и то, что за ними последовало, стало для него настоящим потрясением.

Глава «В Петрограде» передает впечатления Есенского от увиденного: «Ветер дул нам в лицо и гнал вдоль грязных улиц мусор, пыль, клочки бумаги и рваные газеты. Витрины, вывески, фонарные столбы, окна домов, лепнина

---

[2] Перевод Наталии Шведовой.

[3] Винтовка Манлихера, которая была на вооружении в австро-венгерской армии.

на стенах – все было покрыто грязью и пылью. Улицы малолюдны. Больше всего солдат в скатанных шинелях через плечо» [4]. Давний поклонник русской культуры, великолепный переводчик классической поэзии, Есенский не узнал города своей мечты, настолько изменила его революция, изменив и само восприятие поэта: «Я ожидал увидеть нечто величественное, широкое, прекрасное, с аллеями из высоких деревьев и мощеными тротуарами – блеск, великолепие, роскошь. И вдруг – ничего. Как сотни других улиц в других городах» [4]. Во всем он увидел следы разрушения былого, некогда прекрасного, грязь и запустение: «Мы подошли к Неве. Грязная серая река с прогнившими, почернелыми лодками. За ней и возле нее дома, дома, дома. Пустота» [4]. А знаменитые скульптуры на Аничковом мосту навели его на размышления о вечной борьбе разумного с дикой стихией, представились метафорой русской революции: «Четыре бронзовых жеребца с бронзовым человеком на четырех углах моста. Жеребцы встают на дыбы, а человек хочет их укротить. Образ укрощения и каждый раз возобновляемой борьбы [...] Мне невольно на ум пришли большевики и противостояние им» [4].

К финалу книги, после описания многочисленных событий и встреч с русскими людьми, Есенский вновь возвращается к мягкой, ностальгической тональности в отношении к России, вспоминая долгое морское путешествие на пути к дому: «Часто нас охватывала “тоска” по России. Ее чувствовал каждый, кто покидал ее» [4]. В целом же мемуары Есенского отличает глубокая субъективность художественного высказывания, большая степень авторского самораскрытия, не характерная для других прозаических произведений писателя и встречающаяся только в его поэзии.

Еще один участник войны на восточном фронте, Ян Грушовский (1892–1975) – младший современник двух упомянутых писателей. В отличие от коллег он не был в русском плену; во время боев он тяжело заболел и лечился в госпитале. Грушовский получил финансовое образование, однако работал всю жизнь в журналистике, долгое время служил редактором в разных словацких периодических изданиях.

Свои заметки о войне Грушовский начал писать, а затем и публиковать в периодической печати в г. Мартин уже в конце 1914 – начале 1915 г. «Я был весьма горд,– писал он позднее,– когда выяснилось, что это была у нас, по сути дела, первая прозаическая литература, бравшая сюжеты из войны» [5. S. 215].

В 1919 г. Грушовский издал книгу «С мировой войны», написанную на основе своих автобиографических заметок. Это своего рода хроника жизни молодого офицера австро-венгерской императорской и королевской армии (автор выступает здесь под своим именем), в которой описываются события первых месяцев войны.

Полк, где служил Грушовский, направляют «на русские границы, на Львов, а оттуда прямо на Москву» [5. S. 26], и молодые офицеры испытывают перед отправкой на фронт отнюдь не воодушевление, а совсем другие чувства – растерянность, уныние: «Мы молимся всемилостивому богу о своем спасении, [...] стоим молча, склонив головы, с тяжелым сердцем. Мы обручаемся со смертью» [5. S. 27].

В дальнейшем повествовании события становятся все более драматическими. Военные действия разворачиваются уже «на вражеской территории», в Галиции. Автор, убежденный русофил, патетически восклицает: «Мы вошли на святую землю матушки России» [5. S. 28], при этом подмечая здесь и резкие

социальные контрасты, нищету деревни и пышность барских усадеб. Поражает его и национальная пестрота австрийской армии, и демагогия старших офицеров, которые призывают подчиненных к новым победам и лаврам накануне кровавых сражений и бесславного отступления. Меняются настроения молодых офицеров, наступает отрезвление: «Каждый представлял себе войну другой, более яркой, пусть и кровавой, но зато приправленной веселыми моментами, даже галантными историями. А сегодняшняя война не такая. В ней нет блеска белоснежных мундиров, сверкания сабель,– все серое, грязно-зеленое» [5. S. 87]. К тяжелым условиям военного быта добавляются болезни, эпидемия дизентерии, от которой чуть не погибает сам Грушовский. Записки завершаются картинами панического бегства славных зальцбургских полков, бросающих оружие и боеприпасы.

Заметки Грушовского, сделанные по горячим следам событий, при известной степени описательности не были чужды художественной образности, умения автора видеть и изображать не только события, но и характеры. Многие мотивы, фигуры, человеческие типы получили развитие в нескольких его последующих, более зрелых художественных произведениях – в повести «Человек с протезом» (1925), в романе «Петер Павел на пороге нового мира» (1930), в рассказах «Происшествие в воздухе», «Mamma mia» и др.

В романе «Петер Павел на пороге нового мира» Грушовский более глубоко представил картины военных бедствий и разрушений, не только материальных, но и нравственных.

Действие романа разворачивается вначале в Австрии, в окрестностях Зальцбурга, где базируется полк молодого офицера, словака Петера Павела, а затем – на итальянском фронте, об ужасах которого Петер узнает из рассказа своего однополчанина, офицера Блюмла. Тот описывает ему апокалиптические картины тяжелых боев, горы трупов и реки крови. Основу сюжета романа составляют злоключения Петера Павела, которому полковой командир дает опасное секретное задание – организовать в частях борьбу с подрывной «большевистской пропагандой». Ее активизацию связывают с притоком в армию бывших военнопленных, которые стали очевидцами революции в России: «Эти сто тысяч человек собственными глазами видели, как взбунтовалась армия, как свергли династию, как перебили почти весь офицерский корпус» [6. S. 26]. Особую опасность, по убеждению полковника, представляет «панславистская агитация среди рядовых в словацких полках». Услышав от него о существовании «вражеской организации» – Чехословацкого национального совета, Петер Павел, будучи горячим словацким патриотом, в душе ликует: «Что за потрясающая весть! Чехословацкий национальный совет! Независимое чехословацкое государство! Новая, свободная отчизна!» [6. S. 29]. Петеру Павелу вскоре приходится напрямую столкнуться с последствиями внутреннего разложения австро-венгерской армии, со стихийными солдатскими бунтами, насилием, убийством офицеров. Он и сочувствует солдатам как жертвам безжалостной военной машины, и в то же время видит в агрессивной массе враждебную своему миру разрушительную силу. Герой теряет в этой исторической мясорубке многое, видит гибель близких ему людей. Однако завершается роман все же на позитивной ноте – война заканчивается, на обломках Австро-Венгерской империи возникают новые государства, и войска расходятся по домам – по своим национальным территориям; перед Петером Павелом брезжит рассвет «нового мира».

В 1920–1930-е гг. Я. Грушовский становится одним из самых ярких представителей экспрессионизма в словацкой литературе – направления, возникновение которого было во многом связано с ужасами и потрясениями Первой мировой войны. Так масштабно тема войны в словацкой прозе 1920–1930-х гг. уже не рассматривалась – в литературе шли уже другие процессы, возникали другие художественные течения и явления.

Свежие, непосредственные впечатления, зафиксированные писателями-участниками войны в дневниковых записях, в заметках и кратких очерках, трансформировались затем в художественные образы в их дальнейшем творчестве. Литература о Первой мировой войне стала, таким образом, не только документальным свидетельством событий, но и важной частью словацкой культуры XX века.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Lipták Ľ.* Slovensko v 20. storočí. Bratislava, 2000.
2. *Gregor Tajovský J.* Rozprávky o československých legiach v Rusku. Zlatý fond denníka SME2018, [cit. 20. 4. 2019]. Доступно на: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/1944/GregorTajovsky_Rozpravky-o-ceskoslovenskych-legiach-v-Rusku
3. Голоса столетий. Антология словацкой поэзии от истоков до конца XX в. / Под ред. А.Г. Машковой. М., 2002.
4. *Jesenský J.* Cestou k slobode. Zlatý fond denníka SME2008, [cit. 20. 4. 2019]. Доступно на: http://zlatyfond.sme.sk/dielo/823/Jesensky_Cestou-k-slobode
5. *Hrušovský J.* Stála vojna, stála. Bratislava, 1971.
6. *Hrušovský J.* Peter Pavel na prahu nového sveta. Bratislava; Praha, 1930. Zv. II.

СОБЫТИЯ 1939 ГОДА В ЧЕХОСЛОВАЦКОЙ ИСТОРИИ ПО МАТЕРИАЛАМ НКИД

© 2019 г. Е.П. Серапионова

Д-р ист. наук, зав. отделом Института славяноведения РАН

serapionovae@mail.ru

Статья посвящена событиям 1939 г. в Чехословакии, ее разделу, провозглашению Словацкого государства и созданию протектората Богемия и Моравия, началу Второй мировой войны. В основном автор основывается на материалах Архива внешней политики Российской Федерации. В центре ее внимания внутренняя и внешняя политика Второй республики, протектората и Словацкого государства.

The article deals with the events of 1939 in Czechoslovakia, its partition, the proclamation of the Slovak state and creation of the Protectorate of Bohemia and Moravia, as well as the broke-out of World War Two. The author considers the materials from the Archives of Foreign Policy of the Russian Federation. The main object of research is the home and foreign policy of the Second Republic, Protectorate and Slovak state.

Ключевые слова: Вторая чехословацкая республика, провозглашение независимого Словацкого государства, протекторат Богемия и Моравия в 1939, Вторая мировая война, отношение к СССР.

Keywords: Second Czechoslovak Republic, proclamation of the independent Slovak state, Protectorate of Bohemia and Moravia in 1939, Second World War, relations with the USSR.

DOI: 10.31857/S0869544X0006143-0

В год 80-летия распада чехо-словацкой республики (март 1939 г.) и начала Второй мировой войны (сентябрь того же года) события 1939 г. неизбежно обращают на себя внимание и требуют тщательного разбора. Статья основана на материалах, присылаемых в НКИД из советского посольства в Праге, а затем генконсульства СССР. В основном это обзоры печати, дополненные комментариями советских дипломатов. Очевидно, что в послемюнхенской Чехословакии, а затем в протекторате Богемия и Моравия и в Словакии существовала жесткая цензура, но тем не менее представляется, что пресса в сочетании со свидетельствами очевидцев дает общее представление о ходе событий и происходивших в стране изменениях.

Так называемая Вторая чехословацкая республика принципиально отличалась от созданного Т.Г. Масариком в 1918 г. государства, причем как внутренней, так и внешней политикой[1]. Что касается внутренней политики, то еще

[1] Подробнее о «Второй республике» см. [1. С. 195–218; 2].

15 декабря 1938 г. парламент Чехословакии принял закон о чрезвычайных полномочиях на два года президента республики, которым стал Э. Гаха. Согласно этому документу, президент мог издавать декреты, меняющие законы или имеющие характер законов, в том числе и конституционных [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 26].

Несмотря на то, что в ноябре 1938 г. была введена автономия Словакии и Подкарпатской Руси[2], национальный вопрос еще больше обострился. «Národní Noviny» в декабре 1938 г. писали о преследовании чехов в Словакии, о лозунге «Чехи, вон из Словакии!», о том, что тысячи чешских служащих, рабочих и ремесленников высылаются из Словакии, закрываются «сокольские» спортивно-патриотические организации [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 27–28].

Началась «охота» на коммунистов и евреев. 28 декабря последовало постановление правительства о роспуске КПЧ Чехии и Моравии. В самом конце 1938 г. газета «Nádodní Listy» приветствовала роспуск компартии, так как тем самым устранялось препятствие на пути «лучших взаимоотношений с Германией» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 40]. Все коммунистические депутаты, сенаторы и члены самоуправлений потеряли свои мандаты. «Národní Noviny» и «Večer» сообщали, что еврейские профессора немецких высших и средних школ Чехословакии получили от Министерства школ и просвещения разрешение на предварительный отпуск и в ближайшем времени должен быть решен вопрос об их увольнении» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 40].

Печать Второй республики выступала за тесное сотрудничество с Германией, а орган словацкого правительства газета «Slovák» высказывалась за подписание Чехословакией антикоминтерновского пакта [3. Оп. 15. Д. 10. Папка 32 (январь–декабрь 1938). Л. 14]. В прессе вовсю критиковалась внешняя политика бывшего президента Э. Бенеша, ее ориентация на Францию, советско-чехословацкий и советско-французский союзные договоры. Бенеша называли учеником Т.Г. Масарика, заложником неправильной внешнеполитической доктрины, «основанной не на реальности, а на философских представлениях» [3. Оп. 15. Д. 10. Папка 32 (январь–декабрь 1938). Л. 73]. Министр К. Сидор изложил пражскому правительству следующие требования словаков: разрыв пакта с СССР; публичный отказ от проявления симпатий к республиканской Испании; отказ от всякого иностранного влияния на внутренние дела Чехословакии (имелась ввиду, безусловно, Франция); отход от «еврейского» духа Лиги Наций; включение 25% словаков в три объединенные (чехословацкие) министерства: финансов, национальной обороны и внешней политики; а также радикальное решение еврейского вопроса, по крайней мере в Словакии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 30–31].

1 января 1939 г. газеты сообщали об отстранении от руководства «Соколом» д-ра Клингера на том основании, что ранее он был членом Чешской национально-социалистической партии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 32]. В начале января последовало и постановление правительства об увольнении с госслужбы замужних женщин [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 33]. В прессе появилось до определенной степени пропагандистское сообщение, что германскому правительству в Судетонемецкой области удалось ликвидировать безработицу, а в Чехо-Словакии она уменьшилась незначительно [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 34].

---

[2] 22 ноября 1938 г. Национальное собрание приняло конституционные законы об автономии Словакии и Подкарпатской Руси, официальное название государства изменилось на ЧехоСловацкая республика [4. S. 189–195; 5. S. 141].

Газеты писали о фашизации и антисемитских настроениях в Немецком университете в Праге и отмечали, что большинство народа не вступает ни в партию Национального единства, объединившую все буржуазные партии, ни в партию Труда (в которой объединились рабочие социалистические партии). Большинство выжидало. «Фронт выжидающих» – самая большая партия народа. Лишь католики ратовали за национальное единение [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 37–38].

21 января 1939 г. газета «Slovák» в статье под заголовком «Путь из Москвы в Берлин» писала: «Основная ошибка политики Бенеша заключается в том, что в борьбе против Германии он не брезговал заключить союз с самим дьяволом (имелся ввиду СССР.– Е.С.). Всегда были на лицо предпосылки для улучшения взаимоотношений с Германией, но этому препятствовала недостаточная гибкость внешней политики» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 39–40]. А 25 января «České slovo» сообщало о роспуске всех демократических, социалистических и коммунистических организаций в Словакии по постановлению словацкого правительства [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 44].

Печать информировала читателей о поездке министра иностранных дел Ф. Хвалковского в Берлин и приеме его А. Гитлером. Обсуждался вопрос о положении немецкого меньшинства в Чехословакии и общие вопросы взаимоотношений Германии и Чехословакии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 41]. «Deutsche Post», выходившая в Судетах, пересказывала демагогические высказывания фюрера о его желании, чтобы Чехословакия нашла путь к новым европейским взаимоотношениям, при этом он давал понять, что все зависит от самих чешских государственных руководителей. «Ни одному германскому государственному деятелю не придет в голову диктовать что либо Праге,– заявлял Гитлер.– Чехи должны сами себе стелить постель, в которой будут спать. Никто не намерен принуждать чехов. Интересно, однако, проследить за тем, проявятся ли у чехов собственные инициативы» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 46]. 22 февраля 1939 г. газета «Národní Listy» приводила статистику внешнеторговых отношений Чехословакии и Германии за четвертый квартал 1938 г.: чехословацкий экспорт в Германию составлял 26%, а импорт 31%, таким образом торговый баланс для Чехословакии был пассивным (15 млн кр.ч.) [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 46].

В то же время пресса сообщала о докладе словацкого представителя д-ра Звершковиц в МИД на тему «Словакия в международных отношениях». В нем говорилось: «По отношению к Германии у чехов имеются две точки зрения. Одна из них рассматривает смысл чешской истории в борьбе с немцами, другая – подчеркивает необходимость германо-чешского сотрудничества. Мы, словаки, придерживаемся второго мнения. Мы не поддадимся политическим грезам, мы отстоим нашу независимость и построим новый тип государства Средней Европы, наподобие Швейцарии» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 47].

«Nationale Zeitung», выходившая в Эссене, в конце февраля 1939 г. сообщала, что тайная агитация в пользу Бенеша принимала все большие размеры и указывала, что определенные круги Национальной партии единства требуют публичного процесса против Бенеша, чтобы пресечь в корне эту агитацию. 23 февраля 1939 г. была опубликована речь министра иностранных дел Хвалковского, в которой он заявлял: «Наша цель – сохранить теперешние границы нашей страны и нашу национальную самостоятельность [...]. Дружеские отношения с Германией являются не только генеральной линией внешней

политики правительства, но и необходимы во внутренней политике» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 49].

Пожалуй единственная оппозиционная газета в Словакии, орган словацких евангелистов, «Národní Noviny» выступала против тоталитарных и сепаратистских тенденций словацкого правительства [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 49]. Что касается Подкарпатской Руси, то та же словацкая газета писала:«Украинцы живут в настоящее время в трех государствах. Поможем им объединиться в одном государстве с главным городом Киевом» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 50]. Очередной конфликт Хуста и Праги был вызван назначением генерала Прхалы карпаторусским министром внутренних дел, а политические деятели Закарпатья высказывали крайнее недовольство, что министром назначен чех [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 42–43].

Газета словацкого правительства«Slovenská politika» требовала разорвать союзнический договор с СССР и примкнуть к антикоминтерновскому пакту. Она писала: «Это бы не было подражанием Венгрии. Для нас должно быть ясно, что в скором времени вся Средняя Европа примкнет к этому пакту, а мы тогда опять окажемся последними из последних» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 55].

Но, как известно, даже такая прогерманская политика Второй республики не спасла ее от распада [4. S. 225–226] и создания 15 марта 1939 г. из Чехии и Моравии протектората [6. С. 419–421]. Министр иностранных дел Словакии Ф. Дюрчанский заявил, что согласие словаков на общее государство с чехами было ошибкой, и что теперь Словакия находится под охраной не только Германии, но и всей оси [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 79–80].

В конце апреля 1939 г. советский генконсул в Праге В.П. Яковлев отправил статью «Из Праги» в газету «Известия», в которой описывал настроения населения после 15 марта: «Безмолвно, с немым протестом встретила Прага оккупантов. Захватив без выстрела эту цветущую страну, немецкие солдаты с удивлением наблюдали спокойствие, порядок и дисциплину народа [...]. Свободолюбивый чешский народ, которому его правительство не позволило стрелять, всеми ему доступными формами и средствами, выражает свой протест перед актом насилия» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 8–10]. Далее в статье приводились примеры выражения протеста. Подвыпившая кампания немецких офицеров в пивной выкрикивает «Зик хайль!» (Да здравствует победа!). Чех вскакивает на стул, под его управлением оркестр играет национальный чешский гимн. Все присутствующие поют. Немцы спешно расплачиваются и уходят. Или – молодежь и студенты в кабачке «У Флека» выкрикивают «Ать жие СССР!» (Да здравствует СССР!). В г. Раковник (центре чешской мыловаренной промышленности) пасхальный вечер с танцами. Чешка отказалась танцевать с немецким офицером. Когда он попытался применить силу, вспыхнул скандал: три чеха убиты, 27 арестованы. На военных заводах Шкода в Пльзене происходила порча оборудования, в результате чего арестовано и уволено несколько сот рабочих-чехов. На всех заводах сидят немецкие комиссары, цеха наводнены гестапо. Задуманный как «триумфальный» приезд немецкого протектора в Прагу 5 апреля прошел по пустым улицам. На смену оккупационной армии в протекторат прибыли отряды гестапо и начали чинить расправу над антифашистами. Для помощи гестапо в Прагу прибыл полк штурмовиков СС, официальное назначение которых – личная охрана протектора Константина фон Нейрата. Наблюдались массовые аресты и репрессии в отношении демократов и, в первую очередь, коммунистов. В статье говорилось, что издевательства над евреями не знали границ. Все это вызвало волну эмиграции

чехов и евреев за границу. За разрешениями на выезд стояли тысячные очереди людей [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 11–12].

13 мая 1939 г. в протекторате был введен в действие (причем задним числом с 16 марта) Закон об обороне республики [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 87], дававший право неограниченной диктатуры германских властей. Этот закон и следовавшие одно за другим постановления германской администрации можно расценить как фактическую ликвидацию «протектората» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 128], но не прямым путем, а введением старого чехословацкого закона об обороне государства и повороте его острия против самих чехов. 23 мая государственный секретарь имперского Министерства внутренних дел Штуккарт в речи о конституционном положении протектората заявил, что с точки зрения государственного права он не обладает суверенитетом, а его автономия означает «возможность собственной творческой инициативы в правовых вопросах самоуправления, которые не были отнесены к компетенции Германии, под своим управлением и ответственностью развивать национальную чешскую жизнь» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 171]. Однако свобода «развивать национальную жизнь» являлась фикцией, о чем свидетельствует, например, публикация 26 мая газетой «Lidové Noviny» протеста Совета партии национального единства против вмешательства цензуры в дела искусства и литературы и против запрета на издания чешских классиков [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 172].

В июне в г. Находе произошло столкновение немецких и чешских полицейских, во время которого погиб чешский полицейский [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 67]. Столкновение чешских и немецких футбольных болельщиков повлекло за собой запрет всех спортивных мероприятий [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 81]. Все политические собрания запрещались, даже собрания партии Национального единства (содружества) [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 174].

Немецкие власти в протекторате стремились подавить чешский патриотизм. В Моравии было повсеместно запрещено ношение сокольской формы [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33 Л. 39; Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 74], в протекторате запрещались чешские патриотические значки. В конце мая Ставовский театр был передан немецкому управлению [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33 Л. 174]. После того как, несмотря на запрет аплодисментов, публика пять минут рукоплескала исполнителям оперы Б. Сметаны «Либуше» и пела национальный гимн [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 202], постановка этой чешской оперы в Национальном театре была отменена [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 75]. Югочешский национальный театр в Чешских Будеёвицах переименовали в немецкий городской театр в Будвезе [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 72], хотя немцы составляли лишь 10% населения города. В Брно земский театр передавался немцам: чехи могли ставить свои спектакли только десять дней в месяц, хотя чешское население составляло 75% [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 115]. Конфисковались здания чешских театров, чешские кинофильмы подлежали цензуре [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 336]. 18 июня введен официальный запрет властей петь и играть в ресторанах и кабачках чешские песни [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 77, 83].

В середине июня последовали правительственные законы о запрете стачек [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 77], о запрете выходить из дома после 21 часа, нарушители последнего подвергались аресту и штрафу в 10 тыс. кр.ч. [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 81]. Немецкими властями были закрыты границы Чехии и Моравии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 81].

В Остравской области в результате поджогов были уничтожены почти все еврейские синагоги [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 67]. Вводилась процентная норма для евреев в средних школах – 4%. Указом об исключении еврейского и масонского влияния из общественной жизни евреям было запрещено участвовать в чешских национальных постановках [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 71]. В конце июня был опубликован декрет имперского протектора о еврейской собственности. Евреям запрещалось иметь поместья, предприятия, ценные бумаги, брать собственность в аренду без письменного разрешения протектора. При этом запрещалась продажа и покупка поместий, ценных бумаг и пр. До 31 июля евреи должны были сообщить обо всех вещах в их собственности (золоте, платине, серебре, драгоценных камнях), причем их продажа и залог запрещались [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 36]. Имперский протектор мог назначить комиссаров на еврейские предприятия. Закон об обороне государства предусматривал возможность экспроприации земли, предприятий и рабочей силы в интересах обороны государства [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 37]. Закон о «еврейском имуществе» практически уничтожал всякие права евреев на собственность. В комментариях к материалу, направленному в Москву, говорилось: «Закон направлен не только против евреев, а в первую очередь против чехов. Фактически любое предприятие могло быть признано еврейским, конфисковано и передано в “арийские” немецкие руки [...], речь идет о германизации чешского хозяйства» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 88]. Позднее появилось постановление правительства об обязательной для всех регистрации драгоценных металлов, ценных бумаг и денежных счетов. Хозяйство и экономика протектората перестраивались по образцу фашистской Германии [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 144]. Но речь шла не только о германизации экономики, но и ассимиляции населения [8. С. 106–109]. Процесс усиленной германизации проводился под маской «аризации». В совете управления предприятий Шкода из 20 членов остались только девять чехов [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 180–181].

Германский наместник в Судетской области Конрад Генлейн в выступлении на митинге перед чешскими немцами в пражском парке Стромовка в конце июня 1939 г. заявил: «Чехи должны отделаться от своих патриотических иллюзий, ибо Германия раз и навсегда решила, что Чехия и Моравия будут на вечные времена в составе германской империи» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 134]. И призвал немецких фашистов в протекторате бороться за интересы Германии.

Все это рождало протест. В Йичине чехи уничтожили все немецкие надписи и вывески [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 72]. Распространялись антинемецкие прокламации, в которых содержались призывы: «Не покупайте в немецких магазинах, не ходите на немецкие фильмы, игнорируйте немецкую армию!» [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 75]. То там, то здесь проходили стихийные манифестации и митинги, например, в мае – у могилы историка Ф. Палацкого, в июне – при открытии памятника композитору Б. Сметане и монумента поэту Г. Махе в г. Бела над Бездецем [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 133]. 5 июля чешская печать писала о национальном герое Яне Гусе, выражая между строк протестные настроения, чехи отмечали годовщину сожжения на костре Я. Гуса возложением цветов к памятнику на Староместской площади в Праге [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 140]. Стали нелегально распространяться листовки и подпольные издания (газеты «V boj», «Rudé Pravo», «Vlastenec» и др.) [3. Оп. 19. Д. 6. Папка 34. Л. 2–3]. В Словакии запрещалось отмечать годовщину смерти Я. Гуса и короля Вацлава IV [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 136].

Временные газеты в протекторате не могли выходить из-за антинемецких публикаций. Для пресечения нелегальной пропаганды звучали даже требования запретить использование пишущих машинок [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 37].

Резкое недовольство властей вызвала публикация на первой странице журнала «Český filatelista» фотографии марок с портретом Бенеша с какими-то якобы интересными для филателистов дефектами. Немцы представили это агитацией за Бенеша и требовали снять редактора. Выходившая в Брно «Volksdeutsche Zeitung» характеризовала новую книгу бывшего министра иностранных дел К. Крофты как «робкую попытку» оправдания политики Бенеша [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 38].

В протекторате было официально введено два языка: чешский и немецкий [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 40], но в названиях мест в различных инстанциях могло использоваться только немецкое название [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 335]. Даже ограниченная автономия протектората со временем все больше урезалась. 7 июня Гитлер подписал закон о том, что германский «протектор» в Чехии и Моравии может своим решением изменять автономные права чехов, официально зафиксированные в статусе «протектората» от 16 марта 1939 г. В случае опасности германский «протектор» мог в срочном порядке издавать распоряжения любого характера [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 131]. 27 июня все газеты опубликовали имперский указ о праве протектора выпускать и изменять законы. Все мероприятия, законы и указы, исходящие от протектора, не подлежали контролю судов и учреждений чешской автономной администрации [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 39], а следовательно, этим указом чешская автономия фактически ликвидировалась.

В конце июня газеты сообщали о том, что в Германии уже работали 52 тыс. бывших безработных из Чехии и Моравии. И позднее все безработные протектората отправлялись на работу в Германию [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 40, 42]. В прессе сообщалось и о 50 тыс. словацких рабочих, отправленных для работы в рейх [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 82].

В начале июля последовал роспуск органов самоуправления в Брно, Чешских Будеёвицах, Иглаве, Моравской Остраве, Оломоуце, управление переходило к германским правительственным комиссарам. Города считались немецкими, хотя согласно переписи 1930 г. немцы в Брно составляли 21% населения, в Моравской Остраве – 17%, в Оломоуце – 23%, Йиглаве – 24%, Чешских Будеёвицах – 15% [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 138]. Все государственные служащие проходили проверку их арийского происхождения [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 49]. Многие чешские школы закрывались, и открывались немецкие. Газеты писали, что к осени 1939 г. было закрыто 32 чешские школы, а в чешских поселениях открывались немецкие школы, предназначавшиеся в том числе и для тех чешских детей, отцы которых работали в Германии. Немецкие высшие школы считались германскими и не подлежали управлению чешских органов, но протекторат должен был их содержать и финансировать. Археологические ценности увозились в Германию, чешские ученые не могли участвовать в международных конгрессах без разрешения властей и должны были выступать только на немецком языке. Ряд чешских профессоров были арестованы и посажены в тюрьму [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 336].

В августе было распущено Национальное объединение легионеров, а все его имущество (банк, типография) перешло к гестапо [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 18]. Почти вся чешская пресса Чехии и Моравии официально издавалась

правой партией «Национальное единство» под председательством Небеского и находилась под германским руководством. Вождь-президент Э. Гаха в интервью «Nationale Zeitung» заявил, что его задача – примирение немцев и чехов, а с чехами за границей (имелось в виду движение Сопротивления на Западе.– *Е.С.*) якобы никакой связи нет [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 242].

«České slovo» в передовой под названием «Вопросы словацкой ориентации» 13 июня 1939 г. писало, что в Словакии идет борьба двух направлений: одно – славянофильское, которое газета называла историческим, другое – германофильское, определявшееся в статье как реалистическое [3. Оп. 19. Д. 4. Л. 82]. Германофильская группа в лице В. Туки, А. Маха и К. Мургаша в каждом выступлении заявляла о необходимости самого тесного сотрудничества Словакии с Германией, о борьбе словацкого правительства против антигосударственных элементов, против панславизма, против симпатий словацкого народа к демократическим чехам и Советскому Союзу [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 43]. Было и третье словацкое направление[3], приверженцы которого либо наивно верили в возможность сохранить независимость, либо делали вид, что верят, но газета «Slovenská pravda» опубликовала речь генерального секретаря глинковской народной партии Словакии Й. Киршбаума, в которой он заявлял, что Словакия находится между двумя идеологическими глыбами: немецким национальным социализмом и советским большевизмом, поэтому ей следует идти своим словацким «средним» путем, «независящим ни от кого» [3. Оп.16. Д. 4. Папка 33. Л. 345].Тем не менее 18 августа Германия и Словакия подписали военный союз [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 2]. Закон от 23 августа 1939 г. вводил в Словакии на два года всеобщую трудовую повинность для мужчин от 16 лет [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 6].

Однако тон словацкой прессы резко изменился после заключения советско-германского пакта. Так, словацкий премьер-министр В. Тука в речи в парламенте заявлял: «Братский русский народ является субъектом или только предметом того огромного эксперимента [...] по строительству новой системы общественной жизни человечества [...], однако мы не можем следовать его примеру», ибо «огромная Россия» может перенести неудачу эксперимента, а Словакия «под давлением таких жертв была бы уничтожена» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 344].

Советско-немецкий пакт о ненападении приветствовал и премьер Элиаш, заявив, что «неисчерпаемые запасы сырья из СССР обогатили экономическую жизнь всей империи и протектората Богемии и Моравии» [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 7].

«České slovo» сообщало: «Теперь Словакия завязала дипломатические связи с Россией и то обстоятельство, что в Москву в качестве посла был направлен Франьо Тисо, имеющий экономический опыт, дает повод полагать, что связи с Россией будут развиваться главным образом в экономической сфере» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 346]. В характеристике словацкого посланника в СССР, направленной в Москву, отмечалось, что Ф. Тисо, родственник президента Й. Тисо, раньше был преподавателем средней школы, производит впечатление «разумного и разбирающегося в политике человека». Он прибыл в Москву в декабре 1939 г. [8. С. 84–86].

---

[3] О трех, но несколько иных направлениях словацких политиков сообщал в июне 1939 г. из Праги в НКИД В.П. Яковлев [8. С. 83].

Чуть позже эта же газета поместила корреспонденцию германского бюро печати в Праге о взаимоотношениях чехов и русских, где называла надежды чехов на русских как спасителей «чуждыми действительности и нежизненными»: «Германия и Россия счастливо дополняют друг друга. Оба государства при посредничестве прямого обмена взглядов своих руководителей договорились о жизненных основах для своих государств» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 342]. В комментариях к этому материалу советские представители в Праге отмечали: «Эта статья является тонкой попыткой повлиять на симпатию чехов к русским и СССР. Между строк следует читать: «Русские продали вас, как славянский народ, заключив с нами, немцами, вашими врагами, дружбу. Откажитесь от надежды на помощь СССР» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 341–342]. Действительно, 26 августа народный комиссар иностранных дел В.М. Молотов принял чехословацкого посланника в Москве З. Фирлингера[4] и сообщил ему, что советское правительство не признает чехословацкой республики[5], тем самым оно признавало новое устройство в Центральной Европе – Словацкое государство и протекторат [3. Оп. 19. Д. 5. Папка 33. Л. 12–15].

Летом было принято постановление о снижении заработной платы лицам на государственной службе и пособий пенсионерам в протекторате. Объяснялось это большим количеством беженцев из Судетской области, Словакии и Карпатской Украины, ликвидацией чехословацкой армии, а следовательно, возросшими расходами государства на содержание этих лиц [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 144]. В августе газеты писали о повышении цен на мясо и муку [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 79]. Позднее, уже после начала Второй мировой войны, была введена карточная система снабжения продуктами, нередко бывали перебои со снабжением жирами и мясом, последнее завозилось несвежим, наблюдались случаи отравления мясом [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 341].

В протекторате продолжалась антисемитская политика. В середине августа был введен запрет евреям посещать ряд гостиниц, кафе и ресторанов, а также театры и кино. Магазины, принадлежавшие евреям, должны были иметь вывеску «Еврейский магазин» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 116–117].

Августовскими указами Нейрата все чехи обязывались сдать оружие и взрывчатые вещества [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 114], были распущены все спортивные стрелковые организации и общества. В сентябре последовал запрет на выезд из протектората евреев, врачей и химиков [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 132].

Газеты «Večer» 6 сентября, а «Národní politika» 7 сентября в передовых статьях обрушились на Бенеша за то, что он заявил о солидарности с Англией в войне против Германии, и напомнили ему о мюнхенском предательстве Великобритании, потерявшей доверие чехов, также как и сам Бенеш.

Советское генконсульство в Праге сообщало в Москву о настроениях чешского народа: «Первая реакция при вступлении Красной Армии в Польшу была довольно путанная и преобладало чувство непонимания, а иногда и отпора. Но вскоре это было преодолено соображением, что Красная Армия стала к нам ближе» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 226]. Осенью 1939 г. Генконсульство

---

[4] 18 марта 1939 г. в газете «Известия» было опубликовано заявление посланника ЧСР в СССР: «Ввиду трагических событий в Чехословакии я счел нужным сложить мои полномочия» [6. С. 426].

[5] Как известно, в ноте послу Германии в СССР от 18 марта 1939 г. народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов от имени советского правительства заявлял о непризнании включения в состав Германии Чехии и изменения статуса Словакии [6. С. 426–428].

пересылало в столицу СССР в НКИД наивные письма и обращения чехов протектората: «Чешский народ желает и просит правительство Союза Советских Социалистических республик присоединить нас как самостоятельную республику к СССР [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 162]», «Вы, господин посол, своим влиянием на Ваше правительство посодействуйте взять нас под свою охрану и освободить наш народ от гитлеровских немецких разбойников» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 165], «Мы не верим, что нас СССР, в котором мы видели последнюю надежду, что нас освободит, нас чехов [...], чтобы он нас оставил» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 165].

В день образования Чехословакии 28 октября 1939 г. прошли демонстрации, в некоторых местах сопровождавшиеся беспорядками. Зачинщики были арестованы [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. 240]. Последовало новое ужесточение режима и ограничение какой бы то ни было самостоятельности и выборности. В декабре 1939 г. Франк распустил чешскую административную комиссию Праги, последовал декрет о роспуске городского муниципалитета. Руководство городом было передано правительственному комиссару Праги (бывшему городскому голове Клапке). Его заместителем назначался немец Пфимтцнер (и ранее занимавший пост заместителя городского головы). Все решения становились действительными лишь за двумя подписями [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 340]. Городское самоуправление заменялось авторитарной системой.

Усилился германизаторский курс в протекторате, проводимый с помощью террора, пропагандистских и административных мероприятий. Чешские газеты были вынуждены публиковать материалы против деятельности Э. Бенеша за границей [3. Оп. 19. Д. 4. Папка 33. Л. 243]. Так в газете «Venkov» появились статьи, направленные против Бенеша и нелояльной режиму интеллигенции, инициированные немецкими властями.

После студенческих демонстраций, прошедших в середине ноября, последовали репрессии: на три года закрывались чешские вузы, а ведущая часть чешской интеллигенции очутилась в концлагерях Германии. С 1 декабря в Чехии и Моравии была введена трудовая повинность. Немецкие оберландраты должны были привлекать для работы всех лиц от 15 до 70 лет (кроме матерей, имеющих детей до 15 лет, беременных женщин после шести месяцев беременности и женщин-рожениц) [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 337].

За любое, казалось бы, незначительное проявление протеста, следовало жесткое наказание. Так за отказ продать товар немецкой покупательнице директор магазина заводов Бати в Праге и провинившийся продавец подверглись аресту и отправке в концентрационный лагерь [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 337]. В связи с приездом в Прагу на открытие «Немецкого дома» К. Генлейна и заведующего орготделом германской фашистской партии Лея в центре Праги на Староместской площади состоялся митинг пражских немцев, на котором выступили Генлейн, Лей и государственный секретарь, заместитель протектора Карл Франк. Последний выступил с очень жесткой речью, которая была опубликована пражскими газетами 3 декабря 1939 г. и демонстрирует, как представляли себе протекторат немецкие власти. Франк заявил, что его речь еще раз ясно и четко откроет глаза чехам и чешскому правительству на следующее: 1. «С 16 марта 1939 г. Чехия и Моравия являются непосредственной частью Великогерманской империи», а «где реет знамя со свастикой, там оно реет навеки»,– хвастливо добавлял он. 2. Чехи имеют возможность получить «счастливую и спокойную жизнь» в большой и богатой германской империи, как жили их предки «под руководством немецких князей и королей», если наконец признают

реальную политическую действительность. Для этого, по его словам, чехам надо освободиться от лжи в чешской истории, иллюзий и легионерской идеологии, а также от влияния Парижа и Лондона, которое всегда приносило им вред. Он добавил: «Чехи должны отказаться от влияния своих эмигрировавших фантазёров, связанных с евреями». 3. Чешское правительство и чешские руководители должны оставить «двойную игру» и взять пример со словацкого правительства. 4. Чешский народ должен быть признателен «великодушию» Гитлера за то, что чешские города и деревни не уничтожены, как в соседней Польше, а сотни тысяч чехов не проливают кровь. 5. Немецкий народ и империя вместе с протекторатом находятся в состоянии войны, навязанной Англией, и которую Германия доведет до полнейшей победы. Он самонадеянно заявлял: «1918 г. с его последствиями [...] никогда уже не возвратится. Для немецкого народа уже никогда не будет протокола о примирении, на котором стоит подпись чешского эмигранта». 6. «Проведение аналогий с 1918 г. (правительство эмигрантов за границей и т.д.) было бы для чехов наибольшим самообманом, если бы они верили, что при помощи заграницы им было бы можно еще один раз создать Чехословакию, так бесславно погибшую». В заключении Франк подчеркнул, что национал-социалистическая империя – это не Австро-Венгрия времен мировой войны. А в самом конце его речи содержалась прямая угроза чехам: «Недопустимо [...] здесь еще терпеть подпольную подрывную деятельность, сопротивление или демократические действия. С сегодняшнего дня, без предупреждения будут приниматься наиострейшие меры. Кто не с нами, тот против нас. Кто против нас – будет уничтожен» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 338–339].

9 декабря пражская пресса опубликовала интервью с премьер-министром Элиашем, который повторил замечание Бисмарка о том, что кто является хозяином Чехии, тот господин Европы. Он подчеркнул, что восьмимиллионный чешский народ соседствует с 80-миллионным немецким народом. Ссылаясь на судьбу Польши, Элиаш отмечал, что чешский народ «вполне оценивает тот факт, что спокойным вчленением Чехии и Моравии в состав Германской империи он был сохранен от прямой угрозы самим основам национальной жизни» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 339]. По его словам, народ приветствовал «конец неправильно понимаемой демократии, которая не решила проблем, а их откладыванием только увеличила трудности их решения». От имени чешской общественности Элиаш признал необходимость авторитарной и «ответственной» системы руководства и значение руководящего положения германской империи для строительства Средней и Новой Европы. На вопросы о том, как чешское правительство относится к деятельности Э. Бенеша и его сторонников за границей, а также к созданию ими воинских частей, последовал ответ: «Отрицательно», так как эта деятельность безответственна и приводит к негативным последствиям для чешского народа. Он характеризовал ее как «частную акцию эмигрантов» [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 339–340]. По мнению советских дипломатов, слова Элиаша были продиктованы угрозой репрессий и являлись своеобразным ответом на угрожающую речь Франка от 3 декабря.

А теперь несколько слов в заключение.

Ранее протекторат трактовался чешскими историками как оккупация, позднее некоторые из них стали писать, что это не совсем так, что это нечто среднее между самостоятельностью и оккупацией. Дело в том, что 16 марта чешскому народу гарантировались автономное развитие и национальная жизнь. За протекторатом вождь признал целиком все атрибуты государства, в том числе и международную самостоятельность, которые позже были ликвидированы.

Постановлениями от 7 июля о законодательном праве в протекторате и организации управления и немецкой уголовной полиции от 1 августа 1939 г. автономия была ограничена, а протектору предоставлялась неограниченная законодательная власть. К компетенции немецких органов была отнесена экономическая жизнь, приняты законы о еврейском имуществе, обороне государства, введены немецкие суды, немецкая полиция.

На самом деле 15 марта была совершена аннексия, так как территория Чехии и Моравии была занята немецкими войсками и включена в германский рейх. Прибывшие в Германию для решения вопросов границ после объявления о независимости Словакии (14 марта 1939 г.) президент Э. Гаха и министр иностранных дел Ф. Хвалковский[6] были поставлены перед необходимостью подписать международный договор, по которому чешское государство отказывалось от своей государственной независимости (суверенитета), а Германия брала эту территорию под свое покровительство и давала гарантию автономного развития чешской национальной жизни и чешской самобытности. 16 марта 1939 г. имперский канцлер объявил по радио об учреждении протектората Богемия и Моравия и включении его территории в состав Германии. Оккупация проводилась в течение месяца, когда вся исполнительная власть принадлежала оккупационной армии. Вместе с германскими войсками на занятую территорию прибыли германские чиновники, которые были назначены «высшими областными советниками». 19 чиновников на территории протектората обладали своим служебным аппаратом. Затем административная власть сосредоточилась у имперского протектора – представителя имперского канцлера в протекторате. При нем имелось управление имперского протектора, объединявшее все отрасли администрации. Причем имперский протектор обладал правом абсолютного вето в отношении любого законодательного акта, административного либо судебного постановления. Протекторат Богемия и Моравия был наделен известной мерой самостоятельности, но не на территориальной основе, а на основе национальной. В территориальном отношении он всецело принадлежал германской империи. Чехи-граждане протектората пользовались автономным положением, а немцы являлись германскими гражданами и подлежали правомочию германского правосудия. Протекторат давал особое гражданство. Германские граждане пользовались всеми правами граждан протектората. Протекторат издавал собственные законы, причем на основе еще чехословацкого закона от 15 декабря 1938 г. эту функцию осуществляло правительство протектората. В протекторате продолжала действовать конституция бывшей Чехо-Словакии в той мере, в которой она не противоречила охране протектората рейхом. Внешней политикой ведал рейх. Собственного внешнеполитического представительства и права на самостоятельную армию протекторат не имел [10. S. 348]. С точки зрения международной протекторат Богемия и Моравия являлся составной частью рейха и не обладал юридическим суверенитетом [3. Оп. 16. Д. 4. Папка 33. Л. 255–261]. Это было достаточно оригинальное образование, и по своим отличительным признакам оно не соответствовало прежнему понятию протекторат.

Знакомство с документами этого периода дает основание говорить о том, что хотя официально сохранялась видимость автономии, но она все более и более ограничивалась, и на деле режим протектората стал мало чем отличаться от оккупационного.

---

[6] Сцена визита к Гитлеру подробно описана в [9. S. 36–39].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Чехия и Словакия в XX веке: очерки истории в 2 кн. / Отв. ред. В.В. Марьина. М., 2005. Кн. 1.
2. *Rataj J.* O autoritativní národní stát. Ideologické proměny české politiky v druhé republice 1938–1939. Praha, 1997.
3. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. 0138 Референтура по Чехословакии.
4. Dokumenty slovenskej národnej identity a štátnosti. II. Bratislava, 1998.
5. *Pop I.* Podkarpatská Rus. Praha, 2005.
6. Документы по истории мюнхенского сговора 1937–1939. М., 1979.
7. *Шевченко К.В.* Протекторат Богемия и Моравия в 1939–1945 годах: технологии германизации чешского народа // Вторая мировая война 1939–1945 гг. в истории СССР, Чехословакии и славянских народов / Под ред. Ю.А. Борисенка, А.Ю. Полунова, К.В. Шевченко. Минск, 2019.
8. *Марьина В.В.* СССР – Словакия 1939–1945: военно-политические аспекты. М., 2017.
9. *Tomášek D., Kvaček R.* Causa Emil Hácha. Praha, 1995.
10. *Pánek J., Tůma O. a kol.* Dějiny Českých zemí. Praha, 2008.

ГЕРМАНИЯ И СССР 1933–1939: ОТ ПРОГРАММНОЙ УСТАНОВКИ ДО ТАКТИЧЕСКОЙ УЛОВКИ

© 2019 г. С.З. Случ

Канд. ист. наук, старший научный сотрудник Института славяноведения РАН
sergejslutsch@gmail.com

В статье рассматриваются германо-советские отношения от прихода Гитлера к власти до заключения пакта Молотова–Риббентропа; их противоречивые тенденции: стремление советского руководства к сохранению и расширению сотрудничества с Германией, с одной стороны, и ставка нацистского руководства вплоть до середины лета 1939 г. на минимизацию отношений – с другой; а также особое место торгово-экономических отношений, входивших в противоречие с политическими целеустановками.

The article considers the German-Soviet relations from Hitler's rise to power till signing of the Molotov–Ribbentrop Pact, their contradictory tendencies: aspirations of the Soviet leadership of preserving and broadening of cooperation with Germany, on the one hand, and Nazi leadership's policy, up to the summer of 1939, of minimising contacts, on the other. It also explores trade and commercial relations, which were conflicting with the political goals.

Ключевые слова: СССР в программе и политике Гитлера; советские дипломаты, Сталин и отношения с Германией; миссия Д. Канделаки; М. Литвинов, В. Молотов, Я. Шахт, И. Риббентроп.

Keywords: USSR in the programme and policy of Hitler, Soviet diplomats, Stalin and relations with Germany, D. Kandelaki's mission, M. Litvinov, V. Molotov, H. Shacht, J. Ribbentrop

DOI: 10.31857/S0869544X0006144-1

Несмотря на всю значимость советско-германских отношений в период, предшествовавший началу Второй мировой войны, для понимания внешней политики обоих государств, не говоря уже об их влиянии на общую расстановку и баланс сил на международной арене в 1939 г., отношения эти до сих пор изучены недостаточно. Причина подобного положения – по-прежнему сохраняющиеся в России ограничения в доступе к документам, практика анализа двусторонних отношений, как правило, только через призму их политико-дипломатического аспекта, трактовка внешней политики государства без учета характера его политического режима, а также нарастающая политизация исторических работ. Осуществляемый в последние годы совместный российско-германский проект «Германия и Советский Союз 1933–1941. Документы из российских и германских архивов» [1] позволяет расширить представления

историков о сложных хитросплетениях двусторонних отношений во всем их многообразии. В данной статье отражены некоторые результаты этой работы.

1933 год стал переломным в развитии германо-советских отношений, что объяснялось исключительно внутриполитическими переменами в Германии. Тактика Гитлера в отношении СССР, не говоря уже о стратегии, представляла собой полный разрыв с политикой Веймарской республики. Спустя несколько дней после прихода к власти, 3 февраля 1933 г., Гитлер выступил с программной речью перед узким кругом генералов Рейхсвера, посвященной основополагающим целям правительства. Он заявил, что важнейшая цель его внешней политики, к реализации которой возможно будет перейти после создания соответствующих внутриполитических предпосылок через шесть-восемь лет,— это «расширение жизненного пространства немецкого народа», которая «будет также достигнута вооруженной рукой. Этой целью будет, вероятно, Восток. Однако германизация населения аннексированной или завоеванной страны невозможна. Можно германизировать только территорию» [1. Bd. 1. Dok. 8. S. 147—148]. Хотя, в отличие от внутриполитических, внешнеполитические цели оратора были сформулированы не очень четко, они являлись не чем иным, как беспрецедентным по своей откровенности не только целеполаганием будущей политики третьего рейха, но и методов ее осуществления. Отражая замыслы нового рейхсканцлера, эти внешнеполитические ориентиры, независимо от их возможного восприятия присутствовавшими как, скорее, агитационно-пропагандистского заявления, тем не менее не могли не стать своего рода отправной точкой тех кардинальных перемен, которые должны были претерпеть германо-советские отношения уже в самое ближайшее время.

Захват власти в Германии Национал-социалистической партией начался сразу же после назначения Гитлера рейхсканцлером. Он сопровождался вакханалией террора, бесчинств и репрессиями в отношении всех политических противников нацистов, особенно тех, кто занимал левый фланг политической арены. Под ударом оказались и находившиеся в Германии советские учреждения и организации, ставшие объектом дискриминации, бойкота, обысков и даже погромов, что серьезно нарушало их деятельность. Немалое число советских граждан при этом подвергались издевательствам, насилию, обыскам и арестам [1. Bd. 1. Dok. 324. S. 901—906]. Независимо от того, отдавались ли кем-то персонально из нацистской верхушки указания на этот счет или нет, общая антикоммунистическая истерия в Германии, особенно усилившаяся после поджога Рейхстага, организованного, как утверждала нацистская пропаганда, «по поручению русских и германских партийных инстанций» [1. Bd. 1. Dok. 14, 15, 18], несомненно, способствовала подобным эксцессам.

Какова была официальная реакция в СССР на происходившее в Германии в целом и на проблемы, с которыми столкнулись советские представительства, организации и отдельные граждане, в частности? Выделю несколько этапов. В руководстве Наркоминдела поначалу делали ставку на сотрудничество с правительством Гитлера. Причем это явствует не только из бесед с германским послом в СССР Г. фон Дирксеном, но и из служебной переписки с Полпредством в Берлине [1. Bd. 1. Dok. 14, 15, 18]. Бóльшую часть февраля советская печать сдержанно комментировала внутриполитические события в Германии, чем даже заслужила признательность Германского посольства [2. Ф. 082. Оп. 16. П. 72. Д. 3. Л. 73]. Ситуация изменилась после выступления Гитлера на многотысячном предвыборном митинге в Берлине 2 марта. Оно содержало не только антикоммунистические филиппики, но и антисоветские высказывания

[3. S. 1–2]. Это, несомненно, значительно усилило цепную реакцию враждебных выступлений и актов насилия против советских учреждений, организаций и граждан в Германии, превратив их в плохо и неохотно контролируемое явление, растянувшееся на многие месяцы [1. Bd. 1; 4. S. 43–135].

Ответными действиями советской стороны стали многочисленные протесты по дипломатической линии и массированная кампания в печати, наложившая серьезный отпечаток на атмосферу двусторонних отношений, но почти никак не повлиявшая на то, что происходило в Германии. Правда, в Наркоминделе были сторонники и более решительных мер, предусматривавших репрессалии в отношении германских граждан и учреждений в СССР [1.Bd. 1. Dok. 32. S. 209–211], но руководство НКИД их не поддержало и, замечу, не только оно.

Сталин избрал в тот момент иной путь, чтобы понудить правительство Гитлера к проведению традиционной в отношении СССР политики. С одной стороны, он был явно не склонен жестко реагировать (под жесткой реакцией имеется в виду не тональность нотной переписки и не публикации в центральных советских газетах) на эксцессы в Германии, даже в тех случаях, когда серьезно затрагивались экономические интересы СССР (резкое сокращение сбыта нефти и нефтепродуктов в Германии в результате дискриминационных и откровенно насильственных действий штурмовиков и полиции в отношении совместных компаний Дероп и Дерунафта). С другой – можно предположить, что Сталин, не без оснований считавший, что командование Рейхсвера по-прежнему заинтересовано в продолжении военно-технического сотрудничества с СССР[1], вполне мог попытаться использовать это обстоятельство в качестве давления на правительство Гитлера, чтобы принудить его к возобновлению прежней, дружественной СССР политики, приняв в мае 1933 г. решение о свертывании всех совместных проектов в этой сфере.

К середине октября 1933 г. ликвидация трех германских военно-испытательных объектов (Томка, Липецк, Казань) на территории СССР была полностью завершена. Однако это никак не повлияло на продолжавшие ухудшаться германо-советские отношения, что наглядно продемонстрировал разразившийся в сентябре 1933 г. журналистский конфликт [1. Bd. 1; 4. S. 108–124], вызванный недопуском двух советских журналистов на открывавшийся Лейпцигский процесс. Хотя его урегулирование растянулось более чем на месяц, очевидно, что жесткая реакция Москвы, отозвавшей всех советских журналистов из Германии и выславшей всех немецких журналистов из СССР, на действия руководства Германии и местных властей дала положительные результаты, выходившие за рамки требования о допуске советских журналистов на Лейпцигский процесс. Наряду с некоторыми другими факторами это сказалось на заметном сокращении числа противоправных действий в отношении советских учреждений и отдельных граждан в Германии, которые к концу 1933 г., согласно отчету Полпредства, почти прекратились [1. Bd. 1. Dok. 324. S. 901].

К сожалению, в Кремле из этого опыта, обретенного в ходе журналистского конфликта, не извлекли никаких уроков на будущее. И причиной тому было вовсе не бессилие СССР, как порой полагают историки [5. S. 190]. Ведь

---

[1] В отчете о почти трехнедельной ознакомительной поездке по СССР в мае 1933 г. начальник Управления вооружений сухопутных войск в Министерстве Рейхсвера генерал-лейтенант А. фон Воллард-Боккельберг резюмировал: «Сотрудничество с Красной армией и советской военной промышленностью при таком размахе русских планов и описанной энергии, направленной на их осуществление, является крайне желательным не только с военно-политической, но и с военно-технической точки зрения» [1. Bd. 1. Dok. 112. S. 446].

Германия в середине 1930-х годов еще не представляла собой того военно-политического фактора на международной арене, который должен был внушать серьезные опасения. Дело было совсем в другом. Именно в этот период в Кремле начинается формирование того внешнеполитического курса, в рамках которого отношения с национал-социалистической Германией обретали для Сталина особое значение. Мощный импульс этому процессу был дан в октябре 1933 г., когда Германия покинула Лигу Наций и Конференцию по разоружению. В условиях обозначившегося очередного противостояния в Европе для советского руководства уже не имели особого значения ни характер политического режима Третьего рейха[2], ни планируемое им резкое увеличение вооруженных сил. Главное – Германия опять противостояла Западу и, следовательно, рано или поздно ей будет нужен союзник на Востоке. С такой Германией Сталин готов был искать сотрудничества если и не любой ценой, то, несомненно, идя на очень многое. И здесь уже достаточно четко просматриваются все нараставшее непонимание высшим советским руководством места фактора СССР в политике Гитлера и производные от этого непонимания неадекватные решения Сталина, имевшие серьезные последствия.

Лейтмотивом двусторонних отношений, температура которых определялась теперь в Берлине, становится на многие годы принцип, сформулированный Гитлером на заседании правительства 26 сентября 1933 г.: «не разрывать с нашей стороны германо-русские отношения» и не давать «русским повода для такого разрыва» [7. Bd. I, 2. Dok. 457. S. 840]. В этом контексте ряд инициатив, предпринятых Наркоминделом по улучшению отношений путем включения Германии в систему многосторонних договорных соглашений (Балтийский гарантийный пакт, франко-советский проект Восточного пакта) [1], были изначально обречены на неудачу. Вместе с тем официальный меморандум германского правительства, переданный правительствам Великобритании, Италии, СССР и Франции 8 сентября 1934 г. [7. Bd. III, 1. Dok. 200. S. 385–390], содержащий de facto отказ Берлина от присоединения к Восточному пакту, по существу, ничего не менял в германо-советских отношениях, вектор развития которых был определен Гитлером еще годом ранее. Что касается внешних перемен, то их довольно быстро ощутили советские дипломаты в Берлине. Так, нанесший визит новому полпреду СССР в Берлине Я.З. Сурицу заведующий IV Отделом МИД Р. Майер без обиняков ему посоветовал «оставить политику в покое и попытаться достичь сближения в экономической сфере» [1. Bd. 1. Dok. 546. S. 1443]. Очевидно, что МИД вообще не был склонен к беседам с советскими дипломатами по политическим вопросам. Это, в частности, подтверждает вывод Сурица о двусторонних отношениях, как «зашедших в какой-то безнадежный тупик», когда «обе стороны не знают, о чем разговаривать» [1. Bd. 1. Dok. 542. S. 1427]. Советская «карта» (или советский фактор) на этом этапе внешней политики нацистского рейха была отыграна.

Но, несмотря на продолжавшие в целом ухудшаться германо-советские отношения, экономические контакты, хотя и в уменьшившемся объеме, продолжали играть важную роль в усилении военно-экономического потенциала обоих государств. Можно предположить, что этот фактор наряду с рядом других, связанных с внутриполитическим и международным положением Германии,

---

[2] Сталин в докладе на XVII съезде ВКП(б) явно не случайно заметил: «Конечно, мы далеки от того, чтобы восторгаться фашистским режимом в Германии. Но дело здесь не в фашизме, хотя бы потому, что фашизм, например, в Италии не помешал СССР установить наилучшие отношения с этой страной» [6. С. 13].

сложившимися осенью 1934 г., предопределил позицию Сталина в отношении Германии, ориентированную на достижение широкого политического соглашения с Гитлером посредством обоюдной экономической заинтересованности на фоне перманентных противоречий между Берлином и западными державами. Возникает вполне естественный вопрос: как это могло сочетаться с официальным курсом СССР, якобы направленным на создание системы коллективной безопасности в Европе, т.е. на противодействие потенциальной агрессии со стороны набирающей мощь нацистской Германии? Оказывается, что в рамках реально проводимой СССР в отношении третьего рейха «политики дуализма», это было вполне возможно. Она сводилась к сочетанию конфронтации на международной арене, аранжируемой резкой полемикой в печати, с постоянным стремлением не переходить некоей грани в отношениях, постоянно сохраняя возможность для наведения мостов при помощи неофициальной дипломатии [1. Bd. 2. Dok. 527. S. 1339]. Можно не без оснований предположить, что именно в этих целях Сталин в конце 1934 г. инициировал так называемую миссию Д.В. Канделаки, наделив нового торгпреда в Германии особыми полномочиями.

Начиная с января 1935 г., Канделаки регулярно встречался не только с высокопоставленными сотрудниками Министерства экономики, но и с его главой – Я. Шахтом. Как свидетельствуют документы, эти встречи, связанные с подготовкой и заключением ежегодных соглашений о товарообороте и платежах, проходили непросто. Они осложнялись как стремлением советской стороны погашать свои обязательства поставками сырья и продовольствия, не вся номенклатура и объемы которых в равной мере представляли интерес для немцев [1. Bd. 2. Dok. 61. S. 295], так и стремлением германской стороны получать значительную часть платежей золотом или валютой [1. Bd. 2. Dok. 51. S. 273–274]. Другим, не менее важным фактором переговоров стал вопрос о германском кредите и условиях его реализации. Добиваясь получения 200 млн кредита, Москва через Канделаки стремилась обеспечить не только наиболее благоприятные условия его погашения, но прежде всего гарантии германской стороны относительно выполнения высокотехнологичных заказов, значительная часть которых приходилась на продукцию военного назначения [8. Док. 51. С. 101–107]. Причем на безусловном одобрении Берлином прежде всего именно этой части своих заказов настаивали советские переговорщики как на необходимом условии заключения соглашения о 200 млн кредите [1. Bd. 2. Dok. 29. S. 235].

Несмотря на немалые трудности, возникавшие в ходе продолжавшихся почти год переговоров о кредите, они были успешно завершены, и 9 апреля 1935 г. было подписано соглашение, регулировавшее весь комплекс торгово-экономических и финансовых вопросов, связанных с предоставленным СССР на пятилетний срок кредитом [7. Bd. IV, 1. Dok. 21. S. 30–37; 9. Т. XVIII. Док. 172. С. 271–274].

Советская сторона была вполне удовлетворена достигнутым соглашением, особенно условиями реализации кредита, а также согласием Министерства экономики «оказывать содействие Торгпредству при размещении и осуществлении заказов». Этой стороне соглашения в Москве придавали особое значение, принимая во внимание номенклатуру «предполагаемых заказов, которые в известной части будут носить специальный характер», т.е. являлись продукцией военного назначения [1. Bd. 2. Dok. 133. S. 460, 461]. Не в меньшей степени были довольны соглашением и в Берлине, оно обеспечивало германской промышленности большой долгосрочный объем заказов и, что особенно было

важно, получение значительных объемов сырья, в том числе стратегического значения [7. Bd. IV, 1. Dok. 20. S. 29–30].

Таким образом, советское руководство делало упор на экономических отношениях с третьим рейхом, стремясь получать, прежде всего, продукцию и оборудование военного и смешанного назначения, составлявшие львиную долю заказов, прежде всего в рамках германских кредитов, которые должны были служить повышению обороноспособности СССР, в том числе для подготовки к его неизбежному столкновению с Германией. При этом речь шла о самых современных образцах тяжелых вооружений и в первую очередь об их электронно-оптическом оснащении. Руководство Германии было вынуждено, порой в условиях жесткого межведомственного противостояния, идти на уступки СССР, т.е. фактически на усиление его военно-экономической мощи, так как было очень заинтересовано в советском сырье для ускоренного наращивания вооружений, осуществления экспансионистской политики и в недалеком будущем – для войны с Советским Союзом. Такой вот своеобразный, хотя и кратковременный, симбиоз ярко выраженных антагонистических основополагающих целей и интересов.

При этом и в одной, и в другой стране были сторонники и противники этой политики. Так, в заключении Русского комитета германской промышленности от 17 января 1935 г. о представленном Торгпредством СССР списке заказов в рамках переговоров о 200-миллионном кредите акцентировалось внимание на следующем: «Германская промышленность не заинтересована в том, чтобы поставлять русским ту продукцию, оборудование или готовые технологии, которые будут способствовать полной индустриальной самостоятельности СССР, вызовут застой важных отраслей нашей промышленности и тем самым увеличение нашей безработицы» [1. Bd. 2. Dok. 9. S. 181]. Вполне реалистично оценивали ситуацию и советские дипломаты в Берлине, полагая, что, «судя по всему, у немцев серьезные сомнения в отношении того, допустимо ли для Германии столь плотное и столь глубокое содействие созданию военной промышленности в Советском Союзе» [1. Bd. 2. Dok. 18. S. 206]. Хотя подписанное 9 апреля экономическое соглашение позволило сторонам найти в целом приемлемое решение по многим вопросам на компромиссной основе, однако реализация принятых решений, особенно касающаяся номенклатуры советских военных заказов, наталкивалась зачастую на серьезные трудности. Как сообщал Канделаки Сталину 3 сентября 1935 г., Берлин ввел новые правила, согласно которым требуется «почти каждый серьезный заказ выдавать после переговоров не только с фирмами, но и с немецкими правительственными органами, поскольку немцы установили над своим экспортом, в особенности по интересующим нас объектам, жестокий контроль с военной точки зрения» [8. Док. 71. С. 128]. По мнению руководителя Экономического отдела МИД К. Риттера, «в Германии есть целый ряд вещей, которые ни при каких обстоятельствах не могут быть проданы в СССР, т.к. они в военном или техническом отношении представляют исключительную ценность и являются как бы монополией Германии». При этом в качестве примера он сослался на стремление СССР приобрести технологию изготовления аккумуляторных батарей. «Извините,– подчеркнул Риттер в беседе с советником Полпредства СССР в Германии С.А. Бессоновым,– продавать секрет производства батарей для подводных лодок стране, подводные лодки которой могут плавать в Балтийском море – мы не можем и не будем» [1. Bd. 2. Dok. 338. S. 944].

При решении данного конкретного вопроса произошло именно так, как и предвидел Риттер, но по ряду других «щекотливых» пунктов, касавшихся советских военных заказов, Берлин вынужден был пойти на серьезные уступки[3]. Возникает закономерный вопрос: почему? Ответ на него был дан на межведомственном совещании, состоявшемся в Рейхсминистерстве экономики 4 января 1936 г., при обсуждении информации о готовности Шахта предоставить СССР новый кредит, на этот раз в сумме 500 млн рейхсмарок на десять лет и начать переговоры о заключении соответствующего соглашения. Как отмечалось в протоколе совещания, «положение Германии с сырьем вследствие непоступления русского сырья угрожает приобрести катастрофический характер. Германия нуждается по меньшей мере в сырье из Советского Союза на сумму в 160 млн рейхсмарок, в особенности древесины, нефти, кормов, марганцевой руды. Положение с валютой в Германии также безотлагательно требует дальнейшего притока русского золота» [7. Bd. IV, 2. Dok. 483. S. 950].

На первый взгляд в правительстве СССР не должно было быть разных мнений по поводу официального курса, ориентированного на расширение торгово-экономических отношений с Германией, но тем не менее они были. Их выразил, в частности, нарком Литвинов, обративший внимание в одной из записок Сталину на следующее обстоятельство: «Ввиду совершенной безнадежности улучшения политических отношений, я считал бы неправильным передачу в Германию всех или львиной доли наших заграничных заказов на ближайшие годы. Это было бы неправильно потому, что мы этим оказали бы крупную поддержку германскому фашизму, испытывающему теперь величайшие затруднения в экономической области» [1. Bd. 2. Dok. 303. S. 864]. При обсуждении этого вопроса в Кремле Сталин поддержал позицию торгпреда Канделаки, активно лоббировавшего, явно, отнюдь не по собственной инициативе, всяческое расширение объема экономических отношений с Германией [1. Bd. 2. Dok. 310. S. 878]. Почему? Трудно представить, что он не понимал того значения, которое имеют для экономики Германии и наращивания ее военной мощи советские поставки сырья. Может быть, он рассчитывал на то, что при помощи военной продукции и технологий, полученных из Германии, экономический потенциал и военная мощь СССР в конечном счете как минимум не будут уступать таковым третьего рейха, и поэтому такая политика оправдана? Подобные соображения, разумеется, исключать нельзя, но были ли они основными и тем более единственными?

И здесь на первый план выдвигается то главное, что побудило Сталина наделить торгпреда Канделаки полномочиями, явно выходившими за рамки рутинных переговоров по торгово-экономическим вопросам, даже касавшихся лоббирования заказов военного назначения. Все, что в этой связи имело, несомненно, немалое значение для усиления военно-экономического потенциала СССР, было одновременно трамплином, который, по замыслу Сталина, позволил бы не просто нормализовать отношения с Германией, но и ввести их в рамки политического соглашения. Что дает основания для подобного рода вывода? Прежде всего, это те немногие письменные инструкции Канделаки, которые в настоящее время уже доступны исследователям.

---

[3] После длительных переговоров и вмешательства Г. Геринга Военное министерство разрешило германским фирмам поставку в СССР броневой стали, корабельных катапульт и приборов для осуществления слепой посадки самолетов [1. Bd. 2. Dok. 557. S. 1401].

В первой из таких инструкций – для беседы с Шахтом, составленной Литвиновым и отредактированной Сталиным через несколько дней после заключения советско-французского договора о взаимопомощи в мае 1935 г., фактически направленного против Германии, – подчеркивалась неизменная готовность советского правительства развивать с последней «наилучшие отношения, в особенности экономические, которые оно очень ценит». Более того, «заключенный пакт не только не должен мешать, а наоборот, может помочь установлению более спокойных и наилучших корректных отношений с Германией, а также дальнейшему развитию экономических отношений» [1. Bd. 2. Dok. 142. S. 487; 8. Док. 67. С. 125–126]. Однако из этой попытки, используя Шахта, повлиять на внешнюю политику третьего рейха в отношении СССР ничего не вышло [7. Bd. IV, 1.Dok. 211. S. 445].

Несмотря на подобный афронт, Сталин, по-видимому, продолжал питать иллюзии относительно возможности достижения политического сближения с нацистским рейхом, даже вопреки перманентной антисоветской кампании в германской печати, особенно усилившейся после начала Гражданской войны в Испании и осенью 1936 г. накануне очередного съезда НСДАП в Нюрнберге. На нем антисоветская кампания достигла невиданных масштабов, что побудило иностранных журналистов в Берлине даже обратиться с запросом в Полпредство СССР относительно вероятности разрыва советско-германских отношений после окончания партсъезда [2. Ф. 05. Оп. 16. П. 118. Д. 46. Л. 43]. В такой обстановке Литвинов вновь поставил вопрос перед Политбюро о необходимости направить ноту протеста Германии [1. Bd. 2. Dok. 511. S. 1309]. Тем не менее было «решено ноты не посылать» [10. Док. 819. С. 676]. Это представляется более чем странным, поскольку Гитлер в заключительной речи в Нюрнберге перешел уже к открытым угрозам в адрес СССР, заявив: «Никто не сомневается в том, что национал-социализм будет повсюду и при всех обстоятельствах защищаться против наступающего на него большевизма, разобьет и уничтожит его» [11. S. 305]. Объективно съезд Национал-социалистической партии в Нюрнберге продемонстрировал, что германо-советские политические отношения достигли предела с момента прихода Гитлера к власти [4. S. 420].

Поздней осенью 1936 г. ситуация еще больше обострилась после того, как в ходе набиравшей обороты в СССР кампании по борьбе со шпионами были произведены с санкции высших партийных и государственных инстанций[4] многочисленные аресты подданных Германии в Москве, Ленинграде и Новосибирске, якобы ставшие «результатом раскрытия фашистской организации, ведшей контрреволюционную и террористическую работу» [1. Bd. 2. Dok. 568. S. 1424]. Волна арестов приняла такие масштабы, что германский посол в СССР граф Ф. фон дер Шуленбург добился приема у председателя Совнаркома В.М. Молотова, заявив ему, что аресты носят зачастую провокационный характер, что в Советском Союзе никогда не было национал-социалистической организации и т.д. [1. Bd. 2. Dok. 616. S. 1528].

Закономерно возникает вопрос, чем объяснить столь не сочетаемые между собой действия Сталина – стремление к политическому урегулированию с Германией, с одной стороны, и провоцирование Берлина на дальнейшее обострение отношений – с другой? Можно предположить, что в этом случае,

[4] 5 января 1936 г. Политбюро приняло решение, согласно которому аресты иностранных граждан НКВД должны осуществляться исключительно с согласия главы правительства В.М. Молотова или Секретариата ЦК ВКП(б) [12. Док. 562. С. 723].

как и в ряде других, имело место сочетание тесно связанных внутри- и внешнеполитических соображений высшего советского руководства. В том числе тех, которые, приобретая доминирующее влияние на политику в целом, входили в противоречие с внешнеполитическими замыслами того же руководства. Многочисленные аресты германских подданных, обвинявшихся в «террористической, диверсионной и шпионской деятельности», якобы осуществлявшейся по заданиям гестапо на территории СССР [1. Bd. 2. Dok. 645. S. 1592–1596], стали частью новой волны массового террора, материализацией постулата высшего партийно-государственного руководства о том, что «пока существует капиталистическое окружение, будут существовать у нас вредители, шпионы, диверсанты и убийцы, засылаемые в наши тылы агентами иностранных государств» [13. С. 11]. Однако этим дело не ограничилось. Перед Берлином был поставлен вопрос об отзыве из СССР двух германских дипломатов (военного атташе генерала Э. Кёстринга и пресс-атташе посольства В. Баума) [1. Bd. 2. Dok. 650, 657, 664], которые фигурировали в показаниях подсудимых на так называемом процессе антисоветского троцкистского центра в Москве в январе 1937 г. [14. С. 58, 64]. Но, натолкнувшись на жесткие заявления посла Шулебурга [7. Bd. VI, 1. Dok. 213, 218, 221], в Кремле пришлось срочно «забыть» о своем первоначальном требовании отозвать генерала Кёстринга [7. Bd. VI, 1. Dok. 253. S. 543–544] и ради «сохранения лица» настаивать на отъезде только пресс-атташе Баума[5].

Тем временем в Берлине были приняты решения по поводу заявления советского руководства, переданного через Канделаки Шахту 29 января 1937 г., в котором, в частности, говорилось: «Советское правительство не отказывается и от прямых переговоров через официальных дипломатических представителей; оно согласно также считать конфиденциальными и не предавать огласке как наши последние беседы, так и дальнейшие разговоры, если германское правительство настаивает на этом» [1. Bd. 2. Dok. 620. S. 1534]. Германская сторона вовсе не настаивала на этом. Более того, выслушав Канделаки, Шахт заметил, что, хотя сделанное сообщение представляет несомненный интерес, но, как он, Шахт, говорил уже ранее, подобного рода заявления должны адресоваться полпредом непосредственно МИД [7. Bd. VI, 1. Dok. 195. S. 426]. 10 февраля 1937 г. министр иностранных дел К. фон Нейрат доложил Гитлеру о встречах Шахта с советским торгпредом, акцентировав внимание на последнем заявлении Канделаки, сделанном от имени Сталина и Молотова. Реакция Гитлера была вполне предсказуема, учитывая тональность его выступления в рейхстаге 30 января [15. Bd. I,2. S. 671–672]. Он сказал Нейрату, что не видит смысла в переговорах с советским правительством, поскольку «они не смогут привести ни к какому результату и, скорее всего, были бы использованы русскими для достижения желаемой цели – тесного военного союза с Францией и при возможности также еще дальнейшего сближения с Англией» [7. Bd. VI, 1. Dok. 195. S. 426].

Гитлер ошибался в оценке намерений противной стороны – устойчиво хорошие отношения с Берлином были для хозяина Кремля предпочтительнее всех прочих комбинаций. Однако в данной конкретной ситуации он не нуждался в каком-либо урегулировании отношений с СССР, состояние которых совершенно не зависело от тех или иных предложений советской стороны. Таким

---

[5] Несостоятельность позиции советской стороны в этом вопросе была настолько очевидна, что ее не могла даже скрыть запись Литвинова в служебном дневнике о его беседе с Шуленбургом 27 марта 1937 г. [1. Bd. 2. Dok. 676. S. 1647–1648].

образом, «миссия Канделаки», нацеленная на наведение политического моста между Москвой и Берлином завершилась полной неудачей [1. Bd. 2. Dok. 671. S. 1640–1641], а ее основной исполнитель был отозван в Москву и после непродолжительного пребывания на посту замнаркома внешней торговли арестован и расстрелян. Попытки некоторых историков представить «миссию Канделаки» как нацеленную Сталиным на обеспечение, прежде всего, важных поставок военного назначения, в то время как его «желание в целом улучшить отношения с Германией играло подчиненную роль» [8. С. 21; 16. С. 68] не подтверждается документами. Они не только не учитывают политическую составляющую этой миссии, нашедшую отражение как в немецких, так и в советских документах, но и полностью игнорируют причины ее неудачи, имевшие исключительно политическую подоплеку, как и политические последствия.

Минимизация отношений с Советским Союзом во всех сферах Гитлера вполне устраивала, позволяя ему наращивать вооружения Германии и при этом ссылаться на угрозу, которую представляет для всего Запада «варварская страна, управляемая методами Ивана Грозного» [17. S. 345]. Начался новый период в советско-германских отношениях, характеризующийся сведением до минимума дипломатических контактов[6], резким сокращением экономических связей (в 1938 г. германский экспорт в СССР сократился по сравнению с 1937 г. с 117 млн до 34 млн рейхсмарок, а импорт из СССР, соответственно, с 65 млн до 53 млн рейхсмарок) [18. S. 367. Anh. Tabelle I], беспрецедентным ростом числа арестов германских подданных в СССР[7], и все это на фоне острого противостояния в политической и идеологических сферах буквально по всем без исключения проблемам.

Это замораживание отношений продолжалось довольно долго, по крайней мере, до поздней осени 1938 г. Во многих работах отечественных историков, рассматривающих предвоенный политический кризис и принимающих за точку его отсчета Мюнхенское соглашение, советско-германские отношения, как правило, «начинаются» с последующего ему периода. Причем делается это без учета или в рамках более чем поверхностного описания их состояния в 1933–1938 гг., тогда как отношения эти в то время были наполнены немаловажными событиями. Именно тогда в Рейхсканцелярии и Кремле были заложены и апробированы базовые установки подходов к двусторонним отношениям, остававшиеся, несмотря на зигзаги, фактически неизменными на протяжении всего их конфронтационного развития. Отмеченный подход неизбежно приводит к односторонним выводам, даже в тех случаях, когда историки стараются анализировать происходившее между Берлином и Москвой и делать выводы, опираясь на факты и документы, а не ограничиваются противопоставлением одной импонирующей им оценки – другой, не импонирующей.

За полтора с лишним года, прошедших после фиаско «миссии Канделаки», положение обоих государств на международной арене претерпело серьезные изменения. Германия, перейдя к открытой экспансии на континенте,

---

[6] После ареста в сентябре 1937 г. пробывшего всего около двух месяцев на посту полпреда в Берлине К.К. Юренева, этот пост почти год оставался вакантным. В свою очередь, германские дипломаты выражали «сомнение в целесообразности существования в Москве Германского посольства, что ему, посольству, в сущности говоря, здесь нечего делать» [2. Ф. 082. Оп. 21. П. 88. Д. 2. Л. 37].

[7] 25 июля 1937 г. нарком внутренних дел СССР Н.И. Ежов издал приказ об аресте в пятидневный срок (начиная с 29 июля) всех германских подданных, работавших на военных заводах и заводах, имеющих оборонные цеха, железнодорожном транспорте, а также уволенных с этих заводов, но проживающих на территории республики, края, области [19. Док. 149. С. 270–272].

осуществила аншлюс Австрии и санкционированное на Мюнхенской конференции отторжение Судетской области Чехословакии. Стратегические позиции третьего рейха, его военная мощь и военно-экономический потенциал серьезно укрепились, представляя собой уже не гипотетическую, а вполне реальную угрозу для большинства европейских стран.

За это же время внутреннее положение СССР и его международные позиции резко ослабели. Страна переживала беспрецедентный по масштабам политический катаклизм, называемый часто «Большим террором»: в течение 1937–1938 гг. было арестовано более 1 млн 700 тыс. человек, из них почти 800 тыс. расстреляны. Красная армия была фактически обезглавлена, лишившись за два года более 35 тыс. человек командного состава, в том числе почти всего высшего руководства армии, авиации и флота, которому, как правило, инкриминировался шпионаж в пользу иностранных государств, преимущественно Германии, Японии и Польши, что не могло не наложить серьезный отпечаток на отношение к СССР его потенциальных или скорее гипотетических союзников. В результате возникли серьезные кадровые проблемы, а боеспособность советских вооруженных сил – важнейшего инструмента внешней политики была очень сильно подорвана. Обострились трудности и в промышленности, на транспорте, в сельском хозяйстве. Все это позволяет сделать вывод, что союзоспособность СССР в 1938 г., независимо от соотношения сил в Европе, была близка нулю, не только значительно ограничивая его активное участие в международных делах, но и фактически исключая возможность проведения активной внешней политики в условиях растущей агрессивности держав оси, что в полной мере проявилось в период чехословацкого кризиса 1938 г. [20]. Нараставшая на протяжении 1938 г. изоляция СССР на международной арене достигла своей кульминации в момент подписания Мюнхенского соглашения.

Означало ли подобное развитие событий, что СССР в послемюнхенский период остался пассивен на международной арене, не предпринимая никаких шагов и не развивая никаких инициатив? Такой вывод был бы совершенно неправомерен. «Политика дуализма» вовсе не была сдана в архив, и вскоре после Мюнхенского договора Сталин ее реанимировал. Однако, в отличие от предшествующего периода, сложившиеся отношения с Германией фактически исключали в той обстановке неофициальный зондаж, поэтому обе линии этой политики осуществлялись по официальным каналам, в том числе с привлечением прессы. Наркоминдел в лице Литвинова, в атмосфере «существенно скрытого ухудшения отношений» между СССР и западными державами [21. Т. 1. Док. 71. С. 127] занимал выжидательную позицию, тем не менее не исключал, что «Англия и Франция осознают опасность и начнут искать пути для противодействия дальнейшему гитлеровскому динамизму» и тогда «неизбежно обратятся к нам и заговорят с нами другим языком» [21. Т. 1. Док. 28. С. 67].

В качестве приоритетной задачи всей послемюнхенской политики Сталин наметил соглашение с Германией. Подобное решение, как можно предположить, было обусловлено политикой «умиротворения» агрессивных держав, которую западные державы продолжали проводить, и все бóльшим дистанцированием Лондона и Парижа от тоталитарного режима в СССР, а также обозначившейся общностью внешнеполитических интересов Москвы и Берлина, которую Сталин из-за ограниченности выбора вариантов поведения на международной арене «разглядел» значительно раньше, чем Гитлер. Сочетание прежде всего этих факторов в условиях резко обострившейся международной обстановки оказало большое влияние на формирование внешнеполитического курса СССР.

Путь к сближению СССР и Германии имел совершенно разные отправные точки, причем как по времени проявления тех или иных инициатив, так и по содержанию, не говоря уже об уровне их репрезентантов. Не вдаваясь в подробности этого процесса, который в значительной степени исследован историками разных стран, в том числе и на основе ставших доступными советских документов, кратко обозначу его основные этапы, события которых, прежде всего в российской историографии, по-прежнему не находят адекватного имеющемуся уровню знаний освещения.

Инициатива возобновления переговоров о предоставлении СССР кредита в 200 млн рейхсмарок, прерванных в марте 1938 г. из-за отказа германской стороны предоставить фирмам-поставщикам стопроцентные государственные гарантии и из-за требования довести советский экспорт в Германию в течение 1938 г. и 1939 г. до уровня в 150 млн рейхсмарок ежегодно [22. Т. 3. Док. 178. С. 265], исходила от Берлина. Обмен мнениями по этому поводу между посольством Германии в Москве и МИД начался еще в октябре 1938 г. [23. Bd. IV. Dok. 477, 478, 479], постепенно перейдя в обсуждения на межведомственном уровне [23. Bd. IV. Dok. 481. S. 538–539; 24. R. 105998. Bl. H000962-H000965], в ходе которых, в частности, отмечалось, что возобновление переговоров с СССР о кредите открывает возможность получения «дополнительно определенного, приобретаемого за валюту сырья». Неизбежно возникает вопрос: что побудило Берлин вернуться за стол переговоров с Москвой? И не просто вернуться, а пойти на уступки по ряду вопросов, из-за которых, собственно, они были прерваны весной 1938 г., причем сделав это в условиях значительного ухудшения отношений под влиянием экспансионистской политики Германии на континенте. Здесь просматривается непосредственная связь с решениями, принятыми Гитлером осенью 1938 г. о начале широкомасштабной материально-технической подготовки к войне против западных держав, в рамках которой Г. Герингом была поставлена задача пятикратного увеличения люфтваффе, до 19 тыс. самолетов к весне 1942 г. [25. Dok. 89. S. 211–212]. В записке заведующего политико-экономическим отделом МИД Э. Виля от 4 ноября 1938 г. отмечалось: «Положение Германии с сырьем таково, что штабы генерал-фельдмаршала Геринга и другие заинтересованные ведомства настойчиво требуют предпринять, по меньшей мере, еще раз попытку вновь активировать торговые операции с русскими, в особенности касающиеся импорта русского сырья» [23. Bd. IV. Dok. 479. S. 534].

При этом ни о каком упоминании политического фона, в условиях которого предполагалось значительно интенсифицировать экономические отношения, не было и речи, что, впрочем, неудивительно, принимая во внимание состав участников этих обсуждений, как правило, занимавших посты не выше руководителей профильных отделов ведомств и экспертов. Означало ли это, что роль СССР во внешней политике Третьего рейха была настолько инструментализирована, что не выходила за рамки дипломатически окрашенного определения статс-секретаря МИД Э. фон Вайцзеккера от 14 декабря 1938 г.: «Россия не представляет интереса ни в качестве друга, ни в качестве врага» [24. Botschaft Moskau, Nr. 558. Bl. 191237]. Разумеется, нет. Убедительным подтверждением чему являлось отнюдь не публичное выступление рейхсминистра иностранных дел Й. фон Риббентропа перед генералами и адмиралами Вермахта 24 января 1939 г., в котором, в частности, отмечалось: «В широких кругах порой все еще тешат себя мыслью, что рано или поздно можно будет достичь соглашения с Советской Россией». Однако подчеркнул Риббентроп: «Между

национал-социализмом и большевизмом никогда не могло и не может быть никакого компромисса [...]. Для Германии существует только одна политика, а именно та, что направлена против России» [26. RM 20/1637. Bl. 277]. Так, в общих чертах выглядело из Берлина на официальном уровне «сближение» с СССР, не претерпевшее каких-либо изменений вплоть до мая 1939 г.

Совсем иначе развивались события в Москве, связанные с германским направлением советской внешней политики, в которой экономическим вопросам отводилась немаловажное место, хотя и определенно вспомогательное. 29 ноября 1938 г. наркомом внешней торговли СССР был утвержден член Политбюро ЦК ВКП(б), заместитель председателя Совнаркома СССР А.И. Микоян [27. Ф. 17. Оп. 3. Д. 1004. Л. 6], что, как можно предположить, свидетельствовало о том, на какой уровень Сталин хотел поднять переговоры по торгово-экономическим вопросам с Германией, понимая, что немцы, интенсивно готовясь к войне, неизбежно упрутся в проблему нехватки стратегического сырья[8], т.е. в необходимость расширения торговых отношений с СССР. Спустя неделю в Кремле было принято решение о продлении соглашения о торгово-платежном обороте между государствами, заключенное в 1938 г., на 1939 г. [22. Т. 3. Док. 186. С. 271]. Это совершенно рутинное решение ничем не отличалось от аналогичных в предшествовавшие годы, вот только геополитическая обстановка в Европе существенно менялась в пользу Германии. И тем не менее реакция советской стороны на предложение немецких дипломатов возобновить прерванные в марте 1938 г. переговоры о предоставлении СССР крупного кредита на более выгодных, чем ранее, условиях [23. Bd. IV. Dok. 482. S. 540; 21. Т. 1. Док. 101. С. 167–168] была положительной и оперативной [21. Т. 1. Док. 104. С. 177].

Желание советского руководства провести переговоры с немецкими представителями в Москве указывает на то, что в Кремле придавали особое значение диалогу с Берлином (после прихода Гитлера к власти это был бы первый случай такого рода переговоров в советской столице), рассчитывая вести его с участием Микояна. В пользу подобного предположения свидетельствует та настойчивость, с которой полпред А.Ф. Мерекалов добивался «положительного решения этого вопроса от германского правительства» [21. Т. 1. Док. 109. С. 185; 23. Bd. IV. Dok. 483. S. 542–543]. Более того, 21 января 1939 г. Политбюро приняло решение, обязывающее руководителей наркоматов внешней торговли, путей сообщения, авиапромышленности, судостроительной промышленности, боеприпасов, вооружений и машиностроения к 24 января «представить список абсолютно необходимых станков и других видов оборудования, могущих быть заказанными по германскому кредиту» [22. Т. 3. Док. 188. С. 274]. Это решение отражало как очевидное намерение Кремля использовать предложенный немецкой стороной кредит для заказов преимущественно военного назначения, так и стремление установить на ближайшие годы тесные отношения с Берлином, принимая во внимание сроки выполнения предполагаемых заказов (от одного до трех лет).

Однако многообещающий раунд переговоров между Берлином и Москвой по торгово-экономическим вопросам был неожиданно и весьма недипломатично сорван германской стороной, так и не начавшись. Отмена визита ответственного сотрудника МИД К. Шнурре в Москву, по всей видимости, была

---

[8] В передовице «Правды» отмечалось: «Фашистская Германия бешено готовится к войне, для ведения которой ей нужны огромные добавочные ресурсы стратегического сырья [...] Вопрос о запасах сырья и продовольствия стоит с небывалой остротой» [28. С. 4].

продиктована нежеланием Гитлера создавать в тот момент впечатление о демонстративном обострении отношений с Польшей после очередного неудачного раунда двусторонних переговоров в Варшаве [29. С. 122–123]. В это время Польша занимала в замыслах Гитлера, ориентированных на антизападную стратегию, несопоставимое с СССР место, а посему экономический и даже военно-экономический интерес был временно принесен в жертву, оттесненный политическим целеполаганием [30. С. 320–331].

Несмотря на полученную, по оценке самого Шнурре, «пощечину» [31. Bl. 69], Москва не прекращала подавать разные сигналы Берлину (впрочем, не только ему), свидетельствовавшие о ее неизменном стремлении к сотрудничеству с нацистской Германией[9]. Здесь следует также упомянуть о таких фактах, как значительная сдержанность прессы, ускоренное решение дел о высылке арестованных в СССР (за «шпионаж» или участие в «контрреволюционных фашистских организациях») германских подданных (2. Ф. 082. Оп. 22. П. 92. Д. 6. Л. 2), и, конечно, согласие Кремля вести переговоры о условиях кредита даже на уровне посла и заведующего экономическим отделом посольства.

Что касается самих переговоров, начавшихся 10 февраля 1939 г., то они проходили непросто [18. S. 39–40]. Во-первых, советская сторона, при всей важности заказов военного назначения в рамках предложенного кредита [33. S. 185–186], стремилась, по-прежнему, использовать эти переговоры в качестве рычага для достижения политического соглашения с нацистской Германией. Поэтому Микоян вел переговоры достаточно жестко [21. Т. 1. Док. 155. С. 231], уступая немцам только тогда, когда становилось ясно, что переговоры приближаются к критической фазе [23. Bd. IV. Dok. 493. S. 550]. Во-вторых, высокопоставленные чиновники в Берлине, получив информацию об уступках Москвы на переговорах и изучив перечень советских заказов, констатировали на межведомственном совещании 11 марта 1939 г., что «незавершенные переговоры о кредите России необходимо подходящим образом сорвать», так как немецкая экономика не в состоянии будет выполнить в ближайшие один–два года требуемые советской стороной поставки. В итоге было принято решение переговоры с Москвой резко не прекращать, а затягивать их с тем, чтобы, если появятся возможности для выполнения заказов, их возобновить [23. Bd. IV. Dok. 495. S. 553]. Подобного рода решения, как отметил немецкий историк Г. Швендеман, свидетельствовали о том, что за предложением о предоставлении крупного кредита СССР не скрывалось намерение Гитлера что-то менять в германо-советских отношениях [33. S. 40], иначе, как это не раз случалось в истории третьего рейха, политические соображения оказались бы доминирующими.

Постепенно в Кремле осознали тот факт, что на данном этапе давление на Берлин в сфере экономики не дает практически никаких результатов и необходимо задействовать масштабный политический ресурс. В качестве своего рода «пробного шара» была опубликована (под псевдонимом) в главном партийном журнале «Большевик» статья замнаркома иностранных дел В.П. Потёмкина, посвященная международным проблемам [34]. Хотя ее основной пафос был

---

[9] Спустя всего несколько дней после отмены визита Шнурре в центральных советских газетах было опубликовано подробное изложение статьи из английской газеты «The News Cronicle», в которой без каких-либо комментариев утверждалось, что советско-германские «переговоры, которые, возможно, закончатся предоставлением в распоряжение Германии неисчерпаемых ресурсов продовольствия на случай войны, имеют также и политическое значение» [32. С. 5]. Проведенные исследования позволили установить, что статья в «The News Cronicle» была инспирирована Москвой [2. Ф. 06. Оп. 1. П. 4. Д. 34. Л. 1].

направлен против политики западных держав, которым-де не следует особенно рассчитывать на СССР, она содержала еще и весьма правдоподобный набросок политики Германии ближайшего времени, в основном отражавший послемюнхенское видение Сталиным развитие событий на континенте. Рассуждая об экспансионистских амбициях Гитлера на западноевропейском направлении, которому «нужно иметь на Востоке спокойный тыл», ради чего, – констатировал автор, – можно не только заверить Польшу в отсутствии враждебных намерений, но «еще важнее несколько успокоить большевиков: предложить им расширение торгового обмена с Германией; заговорить о кредитах под их заказы [...]. Быть может,– ставил многозначительный вопрос Потёмкин,– этим и удастся отвлечь внимание СССР от западных дел?» [34. С. 64]. В этой статье, бывшей только некоей прелюдией к последующим шагам Кремля на этом направлении, было сказано значительно больше, чем даже Сталиным в докладе на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г.

На сформулированные в этом докладе основные принципы и задачи советской внешней политики на ближайшие годы [35. С. 15], Сталин, хотя и с известными коррективами, ориентировался вплоть до 22 июня 1941 г., когда стала очевидна их полная изначальная несостоятельность. При этом, коснувшись уже основательно забытой темы о германских планах захвата советской Украины, активно обсуждавшейся мировой прессой поздней осенью 1938 г., он охарактеризовал ее как «подозрительный шум». Шум, который «имел своей целью поднять ярость Советского Союза против Германии, отравить атмосферу и спровоцировать конфликт с Германией без видимых на то оснований» [35. С. 13]. Молотов, вероятно, единственный, кто мог быть посвящен в сталинский замысел, направленный на достижение политического соглашения с Гитлером, спустя полгода, когда задуманное в Кремле уже осуществилось, разъяснял депутатам Верховного Совета СССР 31 августа 1939 г.: «Тов. Сталин [...] еще тогда (на партийном съезде.– *С.С.*) поставил вопрос о возможности других, невраждебных добрососедских отношений между Германией и СССР» [36. С. 1].

Однако утверждение Молотова, что «в Германии, в общем, правильно поняли эти заявления т. Сталина и сделали из этого практические выводы» [36. С. 1] применительно к весне 1939 г., не соответствовало действительности. В планы Гитлера соглашение с СССР в то время никак не входило. Это подтверждает, в частности, указание Рейхсминистерства пропаганды прессе от 13 марта, как освещать XVIII съезд ВКП(б): «Съезд коммунистов в Москве может комментироваться в том смысле, что он сводится к еще большему укреплению клики Сталина – Кагановича» [37. Dok. 775. S. 243]. Таким образом, выступление Сталина на съезде в тот момент основной цели не достигло. Однако это советского диктатора, уже сделавшего выбор в пользу безотлагательного сближения с Германией, не остановило, несмотря на ее очередные агрессивные акции – захват Чехии и аннексию Мемеля.

Во второй половине апреля Сталин, по всей видимости, уже располагал информацией о резко ухудшившихся германо-польских отношениях, особенно заметным проявлением чего стало заявление Гитлера в рейхстаге 28 апреля об отныне не существующем германо-польском соглашении (1934) о ненападении [15. Bd. 2.1. S. 1163]. Такая динамично развивавшаяся ситуация была чревата риском для втягивавшегося в переговоры с западными державами Советского Союза незаметно «вползти» в большую войну. Независимо от ее исхода, такой вариант никак не устраивал Сталина. Поэтому достижение соглашения

с нацистской Германией стало уже не только приоритетной, но и безотлагательной задачей советской внешней политики.

Резкая переориентация внешнеполитического курса требовала действий такого конфиденциального характера, выработку и осуществление которых Сталин мог провести совместно только с особо доверенным и близким ему лицом, каковым Литвинов не являлся [38. С. 98]. Одновременно отстранение Литвинова от дел должно было выполнить чрезвычайно важную знаковую функцию. Для патологического антисемита Гитлера важнейшим симптомом изменений в советской внешней политике могло стать не отстранение прозападно настроенного Литвинова, а смещение еврея с поста руководителя Наркоминдела. И Сталин использовал этот весомый аргумент для сближения с третьим рейхом. На этот раз его расчет оказался точным. Уже на следующий день после опубликования в прессе официального сообщения об отставке Литвинова [39. С. 4], 5 мая, редакциям всех периодических изданий Германии предписывалось «немедленно прекратить полемику против Советского Союза и большевизма [...]. И в любом случае до новых указаний не допускать каких-либо резких высказываний в адрес Советского Союза» [37. Dok. 1321. S. 423].

В течение первой половины мая Сталин получал из разных источников информацию, что он «услышан» в Берлине [21. Т. 1. Док. 334, 341, 349; 9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 280, 282, 292]. Хотя именно в это время перед немецкими дипломатами была поставлена задача – создать в очередной раз впечатление о политическом урегулировании с СССР, дабы не допустить формирования англо-франко-советской коалиции[10]. На основании имеющихся у историков очень ограниченных сведений о степени информированности Сталина касательно ближайших намерений Гитлера в отношении Советского Союза по состоянию на май 1939 г. можно констатировать следующее: в Кремле было известно о стремлении Берлина «при любых обстоятельствах добиться нейтралитета СССР» в ходе предстоящей войны с Польшей [40. Док. 1.27. С. 81–84]. Из этого следовало, что Гитлер не планировал воевать с СССР, по крайней мере в 1939 г., что соответствовало действительности. В какой мере Сталин в своих решениях учитывал эту информацию? На этот вопрос трудно ответить определенно. Вместе с тем дальнейшие решения Сталина на этом направлении подтверждают вывод о том, что сообщения о форсированной подготовке Германии к нападению на Польшу, завершение которой намечалось на июль – август 1939 г., с одной стороны, и донесения о намерении Берлина так или иначе обеспечить неучастие СССР в предстоящей кампании, с другой, были не просто приняты в Кремле во внимание, о чем свидетельствует резолюция Сталина на полях материала, направленного ему начальником 5-го (разведывательного) управления РККА И.И. Проскуровым [40. С. 84], но и побудили к изменению линии поведения на дипломатическом уровне.

Так, получив информацию из Берлина относительно зондирования германской стороной «возможности посылки в СССР комиссии промышленников и, возможно, представителя Министерства хозяйства для активизации переговоров по кредиту», Сталин дал указание «пока не реагировать никак на [это] предложение» [27. Ф. 84. Оп. 1. Д. 134. Л. 9]. Его определенно не устраивала и другая информация – о планируемом визите Шнурре в Москву [21. Т. 1.

---

[10] Как отмечал Вайцзеккер в памятной записке Риббентропу 25 мая: «Нашей целью должно быть воспрепятствование тому, чтобы русско-англо-французские отношения не стали еще более обязывающими и не развивались дальше» [23. Bd. VI. Dok. 437. S. 487].

Док. 349. С. 465–466]. Слишком много времени было упущено, чтобы начинать налаживание отношений с переговоров на невысоком уровне об условиях германского кредита, когда международная обстановка обрела совершенно новую динамику. В этой ситуации Сталин пришел к выводу, что диалог с Берлином необходимо перевести в иную плоскость, сделав определяющим политический аспект, а никоим образом не утратившие своего значения экономические переговоры, переместить в Берлин, поручив их торгпредству. Подобное смещение акцента неизбежно должно было вовлечь в переговорный процесс лиц, сопричастных к выработке внешнеполитических решений в третьем рейхе. Такова была подоплека принципиально важной, ключевой для дальнейшего развития советско-германских отношений фразы, произнесенной Молотовым 20 мая в беседе с Шуленбургом: «Мы пришли к выводу, что для успеха экономических переговоров должна быть создана соответствующая политическая база». Молотов не объяснил, что при этом конкретно имеется в виду, и на вопрос посла ответил уклончиво: «Об этом надо подумать и нам, и германскому правительству» [21. Т. 1. Док. 362. С. 482–483].

Больше двух месяцев в Кремле ждали ответа на вопрос, что же понимают в Рейхсканцелярии под подведением политической базы под германо-советские отношения, иными словами, что может Гитлер предложить Сталину. Конечно, это не означало, что ожидание было пассивным. Как отмечал Л.А. Безыменский, вероятно единственный, кому была предоставлена возможность ознакомиться с документами, относящимися к советско-германским отношениям в 1939 г. в Архиве президента Российской Федерации, именно тогда «советская дипломатия поставила своеобразный рекорд высшего политического пилотажа. Перед лицом европейской общественности СССР продолжал политику коллективной безопасности, не только ведя переговоры с Англией и Францией по поводу противостояния будущей нацистской агрессии, но и проявляя на них большую активность» [41. С. 13].

Действительно, переговоры СССР с западными державами занимали важное место в процессе сближения между Москвой и Берлином. Двойственный подход руководства Англии и Франции к этим переговорам, хотя и имевший свою мультифакторную мотивацию, не только не способствовал достижению ни одной из поставленных Лондоном и Парижем целей, но и чрезвычайно облегчал Сталину непростую задачу по перекладыванию ответственности за неудачу трехсторонних переговоров на западные державы. Этот умысел прослеживался уже в самом первом советском проекте соглашения между тремя державами [21. Т. 1. Док. 276. С. 386–387], о чем с предельной откровенностью упомянул полпред СССР во Франции Суриц в письме Молотову 6 мая 1939 г.: «Наш собственный проект безупречен, прежде всего, с тактической точки зрения. Мы им отрезаем всякую возможность подбросить нам в будущем упреки и обвинение, что СССР уклонялся от участия в борьбе с агрессором» [2. Ф. 06. Оп. 1. П. 19. Д. 207. Л. 91].

Можно предположить, что именно подобные соображения легли в основу дальнейшей линии поведения советской стороны, как в ходе 12 заседаний политических переговоров Молотова с уполномоченными представителями Англии и Франции с 15 июня по 2 августа, так и на трехсторонних переговорах военных миссий в Москве с 12 по 21 августа 1939 г. К сожалению, по целому ряду важных вопросов, касающихся политических переговоров, историки вынуждены оставаться на уровне предположений, поскольку связанные с ними советские документы по-прежнему не опубликованы и не доступны

для исследователей, в отличие от документов о переговорах военных миссий, протоколы которых не только полностью опубликованы [21. Т. 2. Док. 546–548, 551, 554, 559, 560, 566, 581], но опубликован даже их идеально реализованный сценарий, намеченный Сталиным в инструкции наркому обороны К.Е. Ворошилову [9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 453. С. 584].

Только во второй половине июля Гитлеру стало очевидно, что дипломатии третьего рейха не удалось добиться поставленной им задачи по изоляции Польши путем создания сколько-нибудь серьезных отвлекающих угроз, прежде всего Великобритании на периферии ее империи, т.е. Германия оказалась перед перспективой начать войну в Европе с необеспеченным тылом, не имея ни одного реального союзника [42. С. 71–81]. Тогда как двуединая сверхзадача заключалась в противоположном: начав войну с Польшей, во что бы то ни стало избежать борьбы на два фронта, т.е. длительной войны со многими противниками, и наносить им поражение поодиночке, добиваясь максимальной экономической неуязвимости Германии, не допустить ее блокады.

Не имея возможности решить эту проблему в рамках существовавших в середине лета 1939 г. условий, Гитлер попытался «приспособить условия» к ее решению, а именно: изменить расстановку сил на континенте. Поэтому во второй половине июля 1939 г. он пришел к выводу о необходимости добиться политического соглашения с СССР, обеспечивающего Германии благожелательный нейтралитет и экономическую поддержку в грядущей войне с его стороны. И только тогда Берлин представил свое понимание «политической базы» под советско-германскими отношениями. 2 августа Риббентроп впервые за полтора года своего министерства принял советского дипломата и в ходе состоявшейся беседы без обиняков заявил Астахову: «По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться» [9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 445. С. 568].

Трудно поверить, но то, чего Сталин добивался на протяжении многих лет, обрело мощный импульс из Берлина, попав на заблаговременно подготовленную почву. Получив карты в руки, Сталину оставалось только синхронизировать два важных процесса: во-первых, используя затруднительное положение, в котором оказалось нацистское руководство, так и не решившее проблему изоляции Польши, по возможности затягивать переговоры с Берлином, добиваясь максимальных уступок; во-вторых, используя слабые стороны в политике западных держав, исподволь, но неуклонно, с первого же дня трехсторонних переговоров военных миссий в Москве загонять их в тупик, согласно упомянутому сценарию. В итоге оба замысла были успешно реализованы – одни переговоры сорваны, другие увенчались успехом. Так, 23 августа 1939 г. появился на свет советско-германский договор о ненападении [9. Т. XXII. Кн. 1. Док. 484, 485], отнюдь не служивший делу укрепления мира[11], но тем не менее названный спустя год по результатам его реализации «одним из важнейших документов в истории международных отношений нашей эпохи..» [44. С. 1]. И с этой оценкой трудно не согласиться.

Сталин наконец-то осуществил свой давний замысел: добился политического соглашения с нацистской Германией. Более того, он достиг такой

[11] М.М. Литвинов прозорливо отмечал еще в 1934 г.: «Двусторонние пакты о ненападении не всегда служат делу мира. Самое заведомо агрессивное государство может заключать пакты о ненападении с одними государствами, чтобы развязать себе руки и обеспечить тыл или фланги для нападения на другие государства» [43. С. 1].

договоренности с Гитлером, о которой не мог ранее и мечтать – разграничения сферы интересов в Европе между двумя тоталитарными режимами, чего в то время советский диктатор ни при каких обстоятельствах не смог бы добиться от западных держав. Отныне и на протяжении почти двух лет не только отношения между Москвой и Берлином, но и вся внешняя политика СССР находилась под огромным влиянием заключенных 23 августа и 28 сентября 1939 г. советско-германских соглашений.

Гитлер, для которого соглашение с СССР, названное им «пактом с сатаной» [45. S. 38], хотя и было вынужденным шагом, не скрывал удовлетворения по поводу достигнутого: ведь договор был заключен именно тогда, когда ему это более всего требовалось, приведя к серьезному изменению соотношения сил не только на континенте, но и в мире. Как Гитлер оценивал советско-германский договор, видно из его выступления перед руководством Вермахта 23 ноября 1939 г.: «Произошло то, о чем мечтали, начиная с 1870 г., и что фактически считалось невозможным. Впервые в истории нам придется вести борьбу только на одном фронте, другой – в настоящее время не задействован» и «страхуется немногими дивизиями» [23. Bd. VIII, Dok. 384. S. 347].

Резюмируя исследование советско-германских отношений в 1933–1939 гг., в том числе на основе недавно опубликованных документов, подчеркну, что заинтересованность в улучшении политических отношений между двумя государствами на протяжении всего этого периода исходила от Сталина и его представителей – от наркома Литвинова и председателя Совнаркома Молотова до торгпреда Канделаки. Сделав ставку на Германию, Сталин рассматривал укрепление отношений с ней в качестве решающей гарантии безопасности СССР (так, как он ее понимал) и возможности дальнейшего наращивания военной мощи страны и ее политического влияния на международной арене. При этом его, по-видимому, совершенно не смущало то обстоятельство, что осуществление этих намерений было напрямую связано с военно-экономической, политической, а временами даже идеологической поддержкой агрессивной политики Гитлера. Только однажды, когда Гитлер в преддверии войны с Польшей оказался перед трудноразрешимой задачей – избежать борьбы на два фронта, т.е. во что бы то ни стало не допустить сближения гипотетических союзников, западных держав и СССР, он наконец-то отреагировал на сигналы Москвы. При этом поставленная им задача – заключение договора с СССР – была достигнута менее чем за месяц, будучи лишь тактической уловкой, пойдя на которую фюрер полностью переиграл Сталина на коротком историческом отрезке времени. Поскольку главная цель внешнеполитической программы Гитлера – разгром и завоевание Советского Союза – оставалась неизменной на протяжении всего периода действия этого de facto «пакта еще о ненападении» (Noch-Nichtangriffspakt) [46. S. 641], то и начало ее осуществления было ускорено, прежде всего, благодаря благоприятной возможности для Германии вести почти два года войну на одном фронте, созданной именно этим соглашением с СССР.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Deutschland und die Sowjetunion 1933–1941. Dokumente aus russischen und deutschen Archiven. / Hrsg. von S. Slutsch, C. Tischler. München, 2014, 2019. Bd. 1–2.
2. Архив внешней политики Российской Федерации.
3. Völkischer Beobachter vom 3. März 1933, Berliner Ausgabe, S. 1–2.
4. *Mcmurry D.S.* Deutschland und die Sowjetunion 1933–1936: Ideologie, Machtpolitik und Wirtschaftsbeziehungen. Köln; Wien, 1979.

5. *Altrichter H.* Sowjetische Reaktionen auf die nationalsozialistische Machtübernahme // Forum für osteuropäische Ideen- und Zeitgeschichte. 2014. H. 1.
6. XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января – 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934.
7. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. C. (1933–1937). Bd. I–VI. Göttingen, 1971–1981.
8. СССР – Германия 1933–1941 // Вестник Архива президента Российской Федерации. М., 2009.
9. Документы внешней политики СССР (ДВП СССР). М., 1970–1992. Т. XVI–XXII.
10. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк и др. М., 2001.
11. Der Parteitag der Ehre vom 8. bis 14. September 1936; offizieller Bericht über den Verlauf des Reichsparteitages mit sämtlichen Kongreßreden. München, 1936.
12. Лубянка. Сталин и ВЧК – ГПУ – ОГПУ – НКВД. Архив Сталина. Январь 1922 – декабрь 1936 / Сост. В.Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2003.
13. *Сталин И.* О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников. Доклад на пленуме ЦК ВКП(б) 3 марта 1937 г. М., 1937.
14. Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 23–30 января 1937 года. М., 1937.
15. *Domarus M.* Hitler. Reden und Proklamationen 1932–1945: Kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen. München, 1973.
16. От Версаля до «Барбароссы». Великое противостояние держав. 1920-е – начало 1940-х гг. М., 2017.
17. Die Tagebücher von Joseph Goebbels / Hrsg. von E. Fröhlich. München, 2001. Teil I, Bd.3 / II.
18. *Schwendemann H.* Die wirtschaftliche Zusammenarbeit zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion von 1939 bis 1941: Alternative zu Hitlers Ostprogramm? Berlin, 1993.
19. Лубянка. Сталин и Главное Управление госбезопасности НКВД / Сост. В.Н. Хаустов и др.; под ред. А.Н. Яковлева. М., 2004.
20. *Случ С.З.* Советский Союз и чехословацкий кризис 1938 г.: некоторые аспекты политики невмешательства // Мюнхенское соглашение 1938 года: История и современность. Материалы международной научной конференции. Москва, 15–16 октября 2008 г. / Под ред. Н.С. Лебедевой, М. Волоса. М., 2009.
21. Год кризиса 1938–1939. Документы и материалы. М. 1990. Т. 1–2.
22. Москва – Берлин: политика и дипломатия Кремля, 1920–1941. Сб. документов в 3 т. / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2011.
23. Akten zur deutschen auswärtigen Politik (ADAP). Ser. D (1937–1941). Baden-Baden u.a., 1950–1970. Bde. I–XIII.
24. Politisches Archiv des Auswärtigen Amtes (PA AA).
25. *Völker K.-H.* Dokumente und Dokumentarfotos zur Geschichte der deutschen Luftwaffe. Aus den Geheimakten des Reichswehrministeriums 1919–1933 und des Reichsluftfahrtministeriums 1933–1939. Stuttgart, 1968.
26. Bundesarchiv-Militärarchiv Freiburg (BA-MA).
27. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ).
28. *Лавров А.* Внутреннее бессилие фашистского режима в Германии // Правда. 1938. 22 XI.
29. Восточная Европа между Гитлером и Сталиным 1939–1941 гг. / Отв. ред. В.К. Волков, Л.Я. Гибианский. М, 1999.
30. *Случ С.З.* Польша в политике Третьего рейха накануне Второй мировой войны (1938–1939) // Россия, Польша, Германия в европейской и мировой политике XVI–XX вв. / Отв. ред. Б.В. Носов, Ю.Е. Ивонин. М., 2002.
31. Schnurre K. Aus einem bewegten Leben: Heiteres und Ernstes. Lebenserinnerungen. Manuskript im PA AA.
32. «Ньюс Кроникл» о советско-германском сближении // Правда. 1939. 31 I.
33. *Besymenski L.* Stalin und Hitler: Das Pokerspiel der Diktatoren. Berlin, 2002.
34. *Гальянов В.* Международная обстановка второй империалистической войны // Большевик. 1939. № 4.
35. XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). 10–21 марта 1939 года. Стенографический отчет. М., 1939.
36. Речь Председателя Совнаркома, наркома иностранных дел СССР Молотова на IV сессии Верховного Совета СССР 1-го созыва // Известия. 1939. 9 I.
37. NS-Presseanweisungen der Vorkriegszeit. Edition und Dokumentation / Bearb. von K. Peter; hrsg. von H. Bohrmann, G. Toepser-Ziegert. München, 2001. Bd. 7/ 1–3.

38. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым: Из дневника Ф. Чуева. М., 1991.
39. Известия. 1939. 5I V.
40. Военная разведка информирует. Документы Разведуправления Красной Армии. Январь 1939 – июнь 1941 г. / Сост. В. Гаврилов. М., 2008.
41. *Безыменский Л.А.* Советско-германские договоры 1939 г.: новые документы и старые проблемы // Новая и новейшая история. 1998. № 3.
42. *Случ С.З.* Внешнеполитическая стратегия Гитлера в 1939 году и Советский Союз // Международный кризис 1939–1941 гг.: от советско-германских договоров 1939 г. до нападения Германии на СССР. Материалы международной конференции, Москва, 3–4 февраля 2005 г. М., 2006.
43. Значение пактов о взаимопомощи как гарантий безопасности. Беседа Литвинова с французским журналистом Зауервейном // Известия. 1934. 29 VI.
44. Годовщина советско-германского пакта // Правда. 1940. 23 VIII.
45. *Halder F.* Kriegstagebuch. Tägliche Aufzeichnungen des Chefs des Generalstabes des Heeres 1939–1942 / Bearb. von H.-A. Jacobsen. Stuttgart, 1962. Bd. 1.
46. *Ahmann R.* Nichtangriffspakte: Entwicklung und operative Nutzung in Europa 1922–1939: Mit einem Ausblick auf die Renaissance des Nichtangriffsvertrages nach dem Zweiten Weltkrieg. Baden-Baden, 1988.

БЕСЕДА ЧЛЕНА ПОЛИТБЮРО ЦК КОМПАРТИИ КИТАЯ ПЭН ЧЖЭНЯ С К.Е. ВОРОШИЛОВЫМ О СИТУАЦИИ В ЮГОСЛАВИИ, АПРЕЛЬ 1957 ГОДА

© 2019 г. И.Н. Селиванов

Д-р ист. наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории Курского госуниверситета
ivan 13117@yandex.ru

Рассмотрен вопрос об оценках югославского опыта социалистического строительства мэром Пекина Пэн Чжэнем, посетившим Югославию в январе 1957 г. Публикуется документ из фондов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ) с изложением беседы с Пэн Чжэнем советского политического деятеля К.Е. Ворошилова, которая состоялась в апреле 1957 г. во время его посещения Китайской Народной Республики.

The article deals with the question of assessing the Yugoslav experience of Socialist construction by Beijing Mayor Peng Zhen, who visited Yugoslavia in January 1957. A document describing the conversation with Peng Zhen of the Soviet politician Kliment Voroshilov, which took place in April 1957 during his visit to the People's Republic of China, is published.

Ключевые слова: Югославская модель социализма, югославо-китайские отношения, история стран социализма, Пэн Чжэнь, Ворошилов, Тито.

Keywords: Yugoslav model of socialism, Yugoslav-Chinese relations, history of Socialist countries, Peng Zhen, Kliment Voroshilov, Josip Broz Tito.

DOI: 10.31857/S0869544X0006145-2

Отношения между коммунистическими руководителями Югославии, Советского Союза и Китая представляют несомненный интерес как в плане различного восприятия ими идей социализма, так и практики их воплощения в жизнь. В отечественной историографии основное место традиционно уделяется различным аспектам советско-югославских [1–5] и советско-китайских отношений [6; 7], а китайско-югославские в этом треугольнике пока остаются в тени.

Публикуемый ниже документ, на наш взгляд, дает наглядное представление о характере китайско-югославских отношений периода между XX съездом и июньским (1957 г.) пленумом ЦК КПСС на примере поездки в январе 1957 г. в Федеративную Народную Республику Югославию (ФНРЮ) делегации из Китайской Народной Республики (КНР) во главе с членом Политбюро ЦК Компартии Китая (КПК), председателя Народного комитета (мэра) Пекина

Пэн Чжэня[1]. Китайские представители находились в Белграде и других городах достаточно продолжительное время, и это был первый официальный контакт на таком уровне за весь период существования ФНРЮ и КНР. Достаточно сказать, что Пэн Чжэня и сопровождавших его лиц принял у себя в резиденции Президент страны и глава Союза коммунистов Югославии И.Б. Тито [8. 1957. 30 I], а также глава Союзной Скупщины М. Пьяде [9. 1957. 19 I] и другие официальные лица из высшего эшелона югославской политической элиты.

Поездка делегации широко освещалась в центральных и местных газетах, включая «Борбу» и «Политику», материалы которых по этому сюжету носили положительный или, в отдельных случаях, нейтральный характер [8. 1957. 18 I,19 I, 20 I, 29 I и др.; 9. 1957.18 I,19 I, 20 I и др.].

Если говорить о более раннем периоде, у китайских руководителей были достаточно негативные представления о Югославии и КПК, как известно, присоединилась к общему осуждению международным коммунистическим движением линии Тито в принципиальных для всех коммунистов того времени вопросах, главным интерпретатором которых являлся И.В. Сталин. Так, в феврале 1949 г. по заданию Сталина в северный Китай, где в тот момент находилась резиденция председателя КПК Мао Цзэдуна, приехал член Политбюро ЦК ВКП(б) А.И. Микоян, который специально поинтересовался у лидера китайских коммунистов его мнением о Тито. От ответа Мао Цзэдуна во многом зависело дальнейшее успешное развитие отношений ВКП(б) и КПК и, зная об этом, он сравнил Тито с одним популярным в прошлом китайским коммунистом Чжан Готао, в 1937 г. перешедшим на сторону главного противника КПК – лидера партии Гоминьдан и президента Китайской республики Чан Кайши[2] [10. С. 62]. Чжан Готао стал для коммунистов нарицательным именем ренегата и предателя, и такой ответ (Микоян, с большой долей вероятности, сообщил об этом по приезде в Москву Сталину) вполне мог устроить советское руководство.

Следующее «испытание» Мао Цзэдуну пришлось перенести уже в Москве, когда он там оказался с длительным визитом в декабре 1949 – феврале 1950 г. Во время одной из встреч Сталин, глядя в глаза уже в тот момент руководителю КНР, прямо спросил: уж не является ли тот «азиатским Тито»? Мао сохранил самообладание в очень трудный для себя момент и ответил отрицательно [11. С. 320]. Советско-китайские отношения после этого вышли на новый уровень, и между двумя странами в конце концов был подписан договор о дружбе, хотя Сталин, по утверждению Мао Цзэдуна, вначале не хотел этого делать [12. Ф. Р-5446. Оп. 98с. Д. 704. Л. 125].

Китайская пропаганда в 1950–1953 гг., солидарно с пропагандой советской (а также стран народной демократии и компартий стран Запада и Востока),

---

[1] Пэн Чжэнь (1902–1987) китайский политический деятель, активный участник борьбы КПК с Гоминьданом, отсидел в тюрьмах за свою деятельность более шести лет. До октября 1949 г. занимал ответственные должности в КПК и Народно-освободительной армии Китая (НОАК). В 1951 г. был назначен на должность председателя городского народного правительства Пекина. Во время «культурной революции» был смещен со всех постов, долгое время о нем не было ничего известно. Был реабилитирован в 1978 г., уже после смерти Мао Цзэдуна.

[2] Чжан Готао (1897–1979) – один из основателей КПК, кавалер советского ордена Красного знамени. Несколько лет представлял свою партию в Коминтерне. В апреле 1937 г., из-за разногласий с Мао Цзэдуном и опасаясь за собственную безопасность, перешел на сторону Чан Кайши, обнародовал по этому поводу официальное заявление. Жил в Чунцине, политикой не занимался, но после победы в 1949 г. коммунистов эмигрировал в Гонконг. В 1968 г. переехал в Канаду, где и скончался. Оставил воспоминания о своей жизни и деятельности.

не стесняясь в выражениях, клеймила «клику Тито», обвиняя югославское руководство во всех смертных грехах. По инерции эта тенденция сохранялась и позднее, вплоть до знаковой поездки советской правительственной делегации с участием Н.С. Хрущева и председателя Совета Министров СССР Н.А. Булганина в Белград в мае 1955 г. и последовавшей вслед за этим нормализации советско-югославских межгосударственных отношений. Таким шагом советское руководство поставило в очень неудобное положение своих союзников (включая и главного – коммунистический Китай), по сути признав, что все, о чем ранее говорилось ими о Тито,– это не более чем плод фантазии пропагандистов, выполнявших указания из Кремля.

Ситуация еще более осложнилась после разоблачения Н.С. Хрущевым в феврале 1956 г. на XX съезде КПСС культа личности Сталина, поскольку им был в том числе затронут вопрос о «неправильной» политике покойного советского лидера в отношении Югославии. Китайской пропагандистской машине пришлось подстраиваться под новые веяния из Москвы, при том что к Тито ни у Мао Цзэдуна, ни у его соратников никаких личных претензий не было. В редакционной статье главного партийного органа КПК газете «Жэньминь жибао» от 5 апреля 1956 г. прямо отмечалось, что Сталиным, в числе прочих, были «допущены некоторые ошибки в международном коммунистическом движении, в особенности принято ошибочное решение по югославскому вопросу»[3].

Когда в июне 1956 г. в СССР с подчеркнутым гостеприимством приняли делегацию ФНРЮ во главе с Тито, последние препятствия к установлению прямого диалога между Югославией и коммунистическим Китаем были устранены. Как раз «первой ласточкой» и стала поездка парламентской делегации КНР[4] во главе с Пэн Чжэнем в ФНРЮ в начале 1957 г. Как ожидали в Пекине, прибывшие в Белград китайские представители, по заведенной тогда в странах социализма традиции, должны были посетить образцовые югославские промышленные и сельскохозяйственные предприятия, пообщаться «напрямую» со специально подобранными по такому случаю представителями общественности, которые в один голос должны были заявить, как им хорошо живется при социализме и как они счастливы, что ими руководит «мудрый вождь» Тито, а также сколь компетентны в различных сложных вопросах социалистического строительства и другие югославские руководители. Но по какой-то причине Тито не стал реализовывать такой сценарий приема, и членам китайской делегации, к их большому неудовольствию, пришлось ограничить свое общение официальными партийными и государственными чиновниками, получившими сверху специальные инструкции о том, как надо себя вести с китайскими гостями.

Пэн Чжэнь, следуя китайским традициям поведения в подобных случаях (по русскому выражению, это можно сформулировать как «в чужой монастырь со своим уставом не суйся»), при каждой встрече тепло благодарил принимающую сторону за «гостеприимство» и 30 января отбыл на родину [8. 1957. 31 I], откуда отправил приветственную телеграмму М. Пьяде [8. 1957. 2 II]. Естественно, приехав домой, он не мог не доложить об увиденном и услышанном в Югославии Мао Цзэдуну и другим членам Политбюро ЦК КПК. Нам

---

[3] Русский перевод этой статьи был отправлен в Москву и 7 апреля 1956 г. опубликован в газете «Правда». Уточненный перевод появился в издававшейся в Пекине обществом китайско-советской дружбы газете «Дружба» 18 мая того же года.

[4] Согласно принятой в 1954 г. конституции, роль парламента в КНР выполняло Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП), депутатами которого являлись Пэн Чжэнь и другие члены делегации.

неизвестна их реакция, но Пэн Чжэнь в апреле 1957 г. поделился своими впечатлениями и с находившимся в Китае с официальным дружественным визитом членом Президиума ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР К.Е. Ворошиловым. Никогда не питая особой симпатии ни к Тито, ни к другим югославским руководителям, советский маршал мог и в этом, и во многих других вопросах найти поддержку у Мао Цзэдуна, назвавшего своего гостя не только «представителем великого советского народа», но ни много ни мало «самым близким другом китайского народа» [13. С. 8].

Тут стоит отметить одну особенность восприятия за пределами СССР, особенно в восточных странах, должности Первого секретаря ЦК КПСС, которую с сентября 1953 г. занимал Хрущев. В ее носителе там не видели реального главу государства, а таковым считали Председателя Президиума Верховного Совета СССР, который в советских реалиях того периода являлся скорее представительской фигурой. Этим в какой-то степени можно объяснить поездки Хрущева по миру вместе с главой правительства Булганиным с обязательным указанием: в качестве члена Президиума Верховного Совета СССР. Коммунистический Китай в этом отношении не являлся исключением, о чем наглядно свидетельствовала поездка Хрущева в КНР в 1954 г.

Сам Мао Цзэдун, помимо должности Председателя ЦК КПК (генеральным секретарем ЦК КПК являлся в то время Дэн Сяопин), был Председателем КНР[5]. Таким образом, Ворошилов и Мао Цзэдун занимали в неофициальной китайской «табели о рангах» формально равное положение. Именно с этим обстоятельством можно связать тот факт, что Мао Цзэдун лично встречал Ворошилова в Пекинском аэропорту и ему были оказаны беспрецедентно высокие почести.

К столь высокому должностному лицу по дипломатическому протоколу на время всего пребывания в стране прикреплялись специальные сопровождающие из числа высоких чинов партийно-государственной элиты, к числу которых относился и Пэн Чжэнь. По поручению Мао Цзэдуна он сопровождал Ворошилова во время его воздушного перелета из Пекина в Гуанчжоу, где члены советской делегации должны были принять участие в проводившихся там торжественных мероприятиях.

Полет занял несколько часов, которые Пэн Чжэнь использовал (явно не только по собственной инициативе) для рассказа о своих впечатлениях от поездки во главе парламентской делегации в некогда враждебную Югославию. Формальную инициативу проявил Ворошилов, которого, видимо, заранее проинформировали о поездке его собеседника в ФНРЮ. Судя по ответной реакции Пэн Чжэня, он был готов дать собеседнику достаточно подробную информацию. Как нельзя исключать, для того, чтобы создать у Ворошилова негативное впечатление о Тито, занявшего в конце 1956 г. критическую в отношении политики СССР в ходе событий в Венгрии позицию, после чего советско-югославские отношения начали серьезно ухудшаться. Причем Пэн Чжэнь явно преувеличивал реальную роль и авторитет своего собеседника в руководстве СССР.

Весьма интересными выглядят высказывания Пэн Чжэня о том, что в Югославии «народ неплохой», а вот руководство якобы там заражено «национализмом». Лидеры страны, по его мнению, «беспринципны», поскольку пытаются получать для себя выгоды как от сотрудничества со странами социализма, так

[5] Должность была введена в конституции 1954 г., аналог Президента страны.

и с империалистическим державами, но опасаться их полного перехода в стан противника не стоит, поскольку там понимают, что после такого «перехода» США перестанут давать им деньги.

Весьма интересны изложение Пэн Чжэнем дискуссии с сопровождавшим его в поездке югославским представителем о понятии «лагерь социализма» и о том, может ли КНР этот лагерь возглавить[6], равно как и его критические оценки состояния югославской экономики, критика культа личности Тито и др.

По мнению Пэн Чжэня, главной гарантией того, что Югославия будет продолжать идти по пути социализма, выступают «народ и низовые кадры». Судя по представленному ниже документу, Ворошилов в ходе беседы выражал согласие со всем сказанным ему собеседником.

Отношения КНР и ФНРЮ переживали весной 1957 г. пока еще свой розовый период, однако разыгравшийся ровно через год новый конфликт, связанный с принятием весной 1958 г. Программы СКЮ, признанной в СССР и мировом коммунистическом движении ревизионистской, привел к их резкому ухудшению, причем в своей критике югославов в новых условиях Пекин зашел значительно дальше Москвы, что нашло отражение и в ходе подготовки и проведения большого московского Совещания компартий 1960 г. Однако это уже тема другого исследования.

Сов[ершенно] секретно

ЗАПИСЬ БЕСЕДЫ

с членом Политбюро ЦК КПК товарищем Пын Чженем[7]
в самолете по пути в Кантон[8] 28/IV-57 г.

Во время беседы на общие темы К.Е. Ворошилов задал тов. Пын Чженю вопрос, какое впечатление произвела на него поездка в Югославию? Как понравились ему страна, люди, руководство? Пын Чжень сказал, если не будет возражений, то он может подробно сообщить о своей поездке в Югославию и рассказал следующее:

Югославские руководители так организовали поездку Китайской парламентской делегации по их стране, что встреч с народом у нас совсем не было. Всюду мы виделись только с партийным активом. И когда в конце поездки югославские руководители спросили нас, как понравился вам югославский народ, то, говорит Пын Чжень, мы ответили, что югославского народа делегация совершенно не видела.

Как реагировали югославы на ваш ответ? – спросил К.Е. Ворошилов.– Просто отмолчались,– ответил тов. Пын Чжень.

---

[6] Это зондирование мнения Пэн Чжэня со стороны Тито выглядит не случайным. Так, во время визита в ФНРЮ Президента ДРВ Хо Ши Мина, которому был оказан весьма пышный прием, его югославский коллега достаточно резко критиковал СССР, но лидер Северного Вьетнама не стал на эти выпады реагировать, а потом сообщил о случившемся послу СССР в своей стране.

[7] Так в тексте документа. Другая русская транскрипция его имени, использовавшаяся в СССР в середине 1950-х годов.

[8] Использовано английское название этого города в Южном Китае. Китайское, сегодня более распространенное, название– Гуанчжоу.

Югославия, продолжал Пын Чжень, страна социалистическая, но верхушка кадров, руководство настроены националистически[9], и этот национализм руководства, видимо, не скоро еще будет изжит.

Югославские руководители так поставили дело, что получают деньги и от империалистических держав, и от социалистических стран. Поэтому они и ведут себя так подло, лавируют. При всем этом они вряд ли перейдут целиком в лагерь американцев. Они понимают, что если полностью перейдут на сторону США, то американцы перестанут им деньги давать.

Югославское руководство не имеет последовательной марксистской линии в развитии хозяйства и в политике. Они живут только сегодняшним днем, только бы свести концы с концами сегодня, а что будет завтра – они не знают.

Народ там неплохой, сказал далее Пын Чжень, все дело в руководителях, а с ними у нас все время шли споры в период пребывания в Югославии. По каким вопросам спорили? Прежде всего по вопросу о социалистическом лагере. Сопровождавший нас Бегович[10] категорически возражал против понятия «социалистический лагерь». Он аргументировал так: социалистический лагерь – это военное понятие и ведет к войне, а югославы, де мол, стоят за мир.

Пын Чжень ответил ему: первая мировая война началась, когда нигде не только лагеря, а ни одной социалистической страны не было; вторая мировая война началась, когда тоже социалистического лагеря не было, а был лишь один Советский Союз; наконец, войну в Египте[11] начали государства отнюдь не социалистического лагеря. Так на каких же фактах югославские руководители строят свои утверждения, что существование лагеря социализма ведет к войне? Ни Бегович, ни другие югославы не могли сказать ничего убедительного против этих фактов.

Югославы утверждали также, говорил Пын Чжень, что если призывать к сплочению лагеря социализма, то это оттолкнет те народы, у которых еще сильны настроения быть независимыми.

Пын Чжень ответил им, что участие народов в лагере социализма никак не означает утраты их независимости, наоборот, единство социалистических стран является лучшей гарантией независимости каждой из них.

Много спорили, сказал Пын Чжень, по поводу положения, что во главе лагеря социализма – это Советский Союз. Против этого югославы решительно возражают, говоря, что это означает подчинение СССР. Им отвечали, что признание того бесспорного факта, что Советский Союз стоит во главе социалистических стран благодаря своему огромному опыту и заслугам не означает подчинения других стран Советскому Союзу. Мы, китайцы, постоянно подчеркивали руководящую роль СССР в лагере социализма, но никак нельзя сказать, что наша страна утратила свою самостоятельность.

---

[9] Трудно определенно сказать, что имел в виду Пэн Чжэнь, учитывая, что И.Б. Тито был хорватом, М. Пьяде – евреем, А. Ранкович – сербом, Э. Кардель – словенцем. Может быть, имелась в виду единая югославская политическая нация, которую мечтал сформировать Тито.

[10] Бегович Влайко (1905–1989) – известный югославский политический деятель, генерал, член ЦК СКЮ. После прихода Тито к власти занимал различные ответственные должности, в том числе являлся председателем Комиссии по федеральному планированию, директором федерального Института планирования экономики, директором Института международной политики и экономики, главным редактором газеты «Борба» и др.

[11] Вероятнее всего, имелась в виду англо-франко-израильская акция осенью 1956 г. против Египта из-за национализации Суэцкого канала.

Югославские руководители и прежде всего Бегович говорили: становитесь вы, Китай, во главе лагеря социализма. Пын Чжень ответил, что мы не можем быть во главе лагеря социализма, да и не хотим этого. В свою очередь задали югославам вопрос: может быть, вы претендуете на эту роль? Бегович сказал, нет, мы не можем.

Пын Чжень далее сказал, что им не понятна организация хозяйства в Югославии. Нам так и не ответили, как же сочетаются планы предприятий с планом развития хозяйства всей страны. Мы, продолжал Пын Чжень, написали в своем отчете о поездке, что не узнали, как преодолевается анархо-синдикализм в Югославии. Югославский посол в Китае Попович[12] на одном из приемов заявил в связи с этим мне, что мы, китайцы, оскорбили Югославию.

Пын Чжень ответил Поповичу, что о непорядках в организации югославского хозяйства говорили Тито, что же, он также хотел обидеть югославов? А если ваши югославские руководители каждую попытку анализировать хозяйство Югославии рассматривают как оскорбление, то нечего и призывать к изучению югославского опыта.

Судя по всему, продолжал Пын Чжень, югославские руководители еще долго будут шататься и путать в идеологии. Наша задача поправлять их и постепенно приближать к нам, не отталкивать их. Но и рассматривать их как настоящих коммунистов нельзя, ибо это собьет с толку братские компартии.

Югославы без конца кричат о демократии, демократизации, а у них в Югославии самая жестокая диктатура руководства. Тито – это самый настоящий культ, с той лишь разницей, что культ личности товарища Сталина имел основание в виде большой положительной деятельности, а у Тито нет этого основания.

Далее, все посты в центре и на местах в Югославии держат в своих руках коммунисты, беспартийных ни в какие органы власти не допускают. А венграм советуют распустить партию и ликвидировать диктатуру[13].

Мы думали, сказал Пын Чжень, что югославы будут спорить о статье «Еще раз об историческом опыте диктатуры пролетариата»[14]. Однако, утверждая, что статья им не нравится, югославы уклонились от рассмотрения ее по существу. Тито сказал, что хотя с этой статьей они не согласны, но считают ее рациональной, последовательно выражающей определенные позиции.

В беседе с нами, говорит Пын Чжень, Тито сказал, что он поехал бы в Китай. Однако, добавил Пын Чжень, товарищ Мао Цзэдун его еще не приглашал[15].

Югославские руководители не смогли опровергнуть нашу точку зрения по трем вопросам:

---

[12] Попович Владимир (1914–1972) – югославский политический деятель и дипломат, член ЦК СКЮ, генерал. Первый посол ФНРЮ в СССР, затем в США, где сумел добиться значительных объемов помощи Югославии в условиях противостояния с Советским Союзом. С 1955 г.– посол в КНР.

[13] Вероятнее всего, имелась в виду официальная позиция Югославии по событиям осени 1956 г. в Венгрии, когда подобного рода рекомендации местному руководству давал И.Б. Тито. О позиции КНР в событиях в Венгрии подробнее см: [14. С. 257–286].

[14] Статья была опубликована в центральном органе КПК «Жэньминь жибао» 5 апреля 1956 г. и являлась китайским ответом на критику в СССР культа личности Сталина.

[15] Тито смог единственный раз посетить с официальным визитом КНР в 1977 г. уже после смерти Мао Цзэдуна по приглашению его преемника Хуа Гофэна.

а) об интернационализме;

б) о социалистическом лагере;

в) о руководящей роли СССР в этом лагере.

При отъезде мы сделали югославам несколько замечаний и пожеланий:

1) все руководители социалистических стран должны быть скромными[16];

2) надо ко всему подходить с позиций марксизма-ленинизма;

3) делайте все, чтобы укреплять сплоченность социалистических стран, и не делайте ничего, что могло бы ослабить социалистический лагерь.

В одной из бесед мы подчеркнули, что нельзя не видеть успехов той генеральной линии», которой держится социалистический лагерь с Советским Союзом во главе.

В общем, заключил Пын Чжень, хотя югославские руководители националисты, народ и низовые кадры не позволят им отойти от позиций социализма.

Пын Чжень добавил, что обо всем сказанном здесь он письменно доложил своему Центральному Комитету партии.

На этом беседа закончилась. По ходу беседы К.Е. Ворошилов кратко отмечал свое согласие с теми выводами, которые сделал Пын Чжень в отношении Югославии.

Беседу записал Помощник Председателя Президиума Верховного Совета СССР Морозов.

ГАРФ. Ф. 7523. Оп. 107. Д. 607. Л. 52–56.

Машинописный подлинник

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Аникеев А.С.* Как Тито от Сталина ушел. М., 2002.
2. *Гибианский Л.Я.* Советский Союз и новая Югославия, 1941–1947 гг. М., 1987.
3. *Гиренко Ю.С.* Сталин–Тито. М., 1991.
4. *Едемский А.Б.* Советско-югославские отношения: от конфронтации к нормализации. 1953–1956. М., 2008.
5. *Рахманин О.Б.* К истории отношений России-СССР с Китаем в XX веке. 3-е изд. М., 2002.
6. *Кулик Б.Т.* Советско-китайский раскол; причины и последствия. М., 2000.
7. Русско-китайские отношения в XX веке. Т. 5. Кн. 2. М., 2005.
8. Борба (Белград).
9. Политика (Белград).
10. *Стыкалин А.С.* Венгерский кризис 1956 года в исторической ретроспективе. М., 2016.
11. Панцов А.В. Мао Цзэдун. М., 2007.
12. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).
13. Пребывание К.Е. Ворошилова в Китае, Индонезии, Вьетнаме и Монголии 15 апреля – 30 мая 1957 года: Сборник материалов. М., 1957.
14. *Стыкалин А.С.* Секретная миссия Ю.В. Андропова и Б.Н. Пономарева в Белград в октябре 1957 г. (к истории подготовки большого московского совещания компартий) // Славянский альманах. 2015. № 3–4.

[16] Очевидный намек на роскошную жизнь Тито, особенно на знаменитую резиденцию на острове Бриониии в Хорватии.

ВОСПРИЯТИЕ СТРАНЫ ПРЕБЫВАНИЯ В УСЛОВИЯХ КОНФЛИКТА: ЧЕХОСЛОВАКИЯ 1968 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВЕТСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ

© 2019 г. Е.В. Каменская

Канд. ист. наук, доцент Уральского федерального университета,
г. Екатеринбург
ekam82@yandex.ru:

Исследование выполнено в рамках гранта Российского научного фонда (проект № 18-18-00216).

В статье анализируется образ Чехословакии, сформировавшийся у советских военнослужащих в ходе проведения операции «Дунай» в Чехословакии в 1968 г. на основе воспоминаний и интервью с военными. Проводится источниковедческий анализ текстов, выявляется их специфика при изучении образа другой страны. Рассматриваются представления о военной службе в Чехословакии, впечатления об окружающей действительности и повседневной жизни в стране, национальных взаимоотношениях.

The article analyses the image of Czechoslovakia, which was formed by the Soviet soldiers and officers during the Operation «Danube» in Czechoslovakia in 1968, on the basis of memories and interview with them. The other suggest content analysis of the texts, paying attention to their specific features for the reconstruction of the image of the counterpart. In the article, impressions from the military service in Czechoslovakia, surrounding, everyday life, national relations are considered.

Ключевые слова: Чехословакия, СССР, операция «Дунай», воспоминания, интервью, образ страны, повседневность.

Keywords: Czechoslovakia, USSR, Operation «Danube», memoires, interview, image of the country, everyday life.

DOI: 10.31857/S0869544X0006146-3

Изучение образов регионов и стран, сформированных при непосредственном соприкосновении с «другим миром», в значительной мере происходит на материалах источников личного происхождения. Авторы соответствующих текстов находились на территории какого-либо иностранного государства достаточное время, чтобы иметь возможность составить представление о жителях, обычаях, повседневных практиках и т.д. Объектом исследования становятся в основном письма, дневники, заметки, воспоминания деятелей искусства, журналистов, путешественников, дипломатов. Отдельную категорию авторов

составляют те, кто побывал за границей в качестве туристов или командированных специалистов. Кроме представителей «мирных профессий» длительное время в других странах находились военнослужащие – в условиях оккупационного режима, миротворческих миссий, размещения военных частей и пр. В этом случае специфичны как сама социальная группа, закрытая жизнь которой четко упорядочена, так и условия попадания в страну и пребывания в ней. Военнослужащие «пришли и остались надолго», они должны выстраивать отношения с местным населением, привыкать к новым обстоятельствам, образу жизни и т.д. Примером масштабной военной операции второй половины XX в., после которой войска остались в другой стране на длительный срок, является операция «Дунай» – вооруженная стадия конфликта между Чехословакией и СССР, а также его союзниками по ОВД, который изначально развивался в идеологическом поле.

Чехословацкому кризису 1968 г. и операции «Дунай» посвящено значительное количество литературы. В работах В.В. Марьиной, Г.П. Мурашко, В.Л. Мусатова, И.И. Орлика и других рассмотрены причины кризиса, его развитие, реакция отдельных стран на ситуацию в Чехословакии и операцию стран ОВД, последствия данной операции для СССР и социалистической системы в целом [1–8]. Одним из направлений в исследовании этой темы является изучение восприятия чехословацких событий населением СССР. В ряде случаев это общие обзоры отношения советских граждан к вводу войск ОВД. Другим вариантом исследования является выделение отдельных групп (по географическому принципу, роду деятельности и т.д.). В частности, большое внимание уделено реакции идеологических работников, интеллигенции, участников диссидентского движения [9–14]. При этом взгляд советских военнослужащих, участвовавших в операции «Дунай», отдельно рассматривается редко.

На сегодняшний день существует достаточно много подобных воспоминаний. Одними из первых стали вышедшие в 1998 г. мемуары командарма А.М. Майорова «Вторжение. Чехословакия 1968 г.» [15]. В 2000-е годы авторы-военные стали активно публиковаться в исторических и военно-исторических журналах. В печати (в том числе электронной) начали появляться интервью, часто «привязанные» к круглым датам. С развитием интернета оформились специализированные сайты, посвященные военной истории СССР и конкретно чехословацким событиям, на которых выкладывается литература по теме, фотоматериалы и воспоминания участников операции «Дунай».

Однако в исследовательском поле данные воспоминания представлены слабо. Стабильно упоминаются лишь воспоминания А.М. Майорова, а остальные книги, статьи, интервью используются в основном только авторами–военными специалистами [16; 17]. В качестве исключения стоит выделить работу Л. Шинкарева «Я это все почти забыл...», в которой среди других сюжетов проведен и анализ восприятия советскими военнослужащими ввода войск ОВД [18]. Основой его стали интервью, взятые автором у участников операции «Дунай» в 1989 г. Также отмечу работу под редакцией Й. Поздерки, опубликованную в 2016 г. на русском языке, где «дано слово» не только представителям СМИ, диссидентам, но и военным [19]. Ю.М. Кузьмин, являвшийся участником ввода войск ОВД в Чехословакию, а позднее ставший историком, при перечислении дискуссионных и не до конца исследованных вопросов относительно операции «Дунай» пришел к выводу: «Пережитое советскими солдатами в августе 1968 г. в Чехословакии все еще ждет честного, пристального изучения и анализа с широким привлечением документов и воспоминаний» [17. С. 37].

Воспоминания участников операции «Дунай», с одной стороны, важны при изучении военно-политической истории чехословацкого конфликта 1968 г. (ход событий, выбор способа разрешения конфликта, детали проведения военной операции и т.д.). Именно с этой позиции исследователи в подавляющем большинстве случаев и подходят к ним. Но с другой стороны, тексты воспоминаний могут быть использованы в более широком ракурсе как источник для исследования образа Чехословакии конца 1960-х годов глазами военнослужащих Советской армии.

В предлагаемой статье рассматриваются восприятие советскими военнослужащими реалий повседневной жизни Чехословакии, образ «другого мира», формировавшийся в специфических условиях проведения военной операции. В ходе исследования сделана попытка ответить на следующие вопросы: какие характеристики бытовой жизни встречаются в воспоминаниях, какие явления авторы считали важным упомянуть, что удивляло, восхищало, раздражало советских военнослужащих в чехословацкой повседневности; какие виды и формы воспоминаний наиболее располагают к исследованию на их основе процесса формирования представлений о других странах и народах?

В связи с поставленными вопросами возникает проблема более общего характера: возможно ли (а если да, то в какой мере) полноценно реконструировать образ другого мира, используя воспоминания участников военных операций, либо данные источники информативны исключительно для изучения проблем военной истории.

Источниковую базу исследования составили тексты воспоминаний и интервью. Формы публикаций различны: монографии, статьи в сборниках и журналах, а также на специализированных сайтах [15; 19–35]. Необходимо уточнить, что анализировались воспоминания военнослужащих, которые участвовали именно в операции «Дунай» (август – октябрь 1968 г.), а не прибыли в Чехословакию позднее. Это связано с разницей условий пребывания в первые месяцы после ввода войск ОВД в Чехословакию и в дальнейший период нахождения на ее территории советских войск.

Прежде всего следует выявить специфику анализируемых источников с точки зрения изучения на их основе восприятия повседневной жизни другой страны. При создании текстов авторы стремились описать саму военную операцию, показать свое участие в ней, в ряде случаев воспроизвести свои чувства, вспомнить боевых товарищей, зафиксировать свой взгляд на конкретном историческом событии. В.В. Шевченко так описывает причину появления своих воспоминаний: «Одним словом можно выразить – память! Память о службе в рядах самой авторитетной армии мира – Советской армии. Память и гордость о времени выполнения интернационального долга на территории другой страны, где при ее освобождении в период Второй мировой войны погибли 150 тысяч солдат и офицеров Советской Армии. Память об однополчанах, которые погибли в период “Пражской весны”» [35. С. 22].

При этом мемуаристы не ставят специальную задачу рассказать о повседневной жизни в Чехословакии в конце 1960-х годов, об отношениях между чехами и словаками и т.д. Эти сюжеты являются фоном, «вторичным продуктом», что, несомненно, усложняет анализ восприятия страны пребывания и ее населения. Однако рассказанные «вскользь» бытовые истории зачастую имеют бóльшую ценность, чем целенаправленное изложение в воспоминаниях, априори крайне субъективных текстах.

В рамках данного исследования более информативными являются именно авторские тексты, а не интервью. В последних логику повествования задают вопросы интервьюеров, которых в подавляющем большинстве случаев интересуют стандартные темы: формы сопротивления со стороны гражданского населения ЧССР и чехословацкой армии, инциденты, происходившие по пути следования воинских частей, отношение интервьюируемых к вводу войск ОВД в Чехословакию в 1968 г. и сейчас, т.е. военная сторона конфликта. В опубликованных текстах интервью имеются лишь косвенные данные советских военных о чехословацкой действительности. Можно предположить, что в ходе беседы военнослужащие упоминали какие-либо свои впечатления о повседневной жизни в Чехословакии, давали характеристику ее жителей, однако это не вошло в публикацию интервью. В воспоминаниях, оформленных в виде статей и книг, содержится значительно больше сюжетов, отражающих восприятие бытовых особенностей жизни в Чехословакии, отношение местного населения к советским гражданам и гражданам других стран и т.д. Наглядным примером различий в изложении материала в виде статьи и в интервью являются воспоминания Э. Воробьева [19. С. 56–71; 21].

Важно иметь в виду, что на содержание воспоминаний оказывал влияние статус авторов в 1968 г. В воспоминаниях военнослужащих, которые к 1968 г. уже продвинулись в армейской иерархии, значительная часть текста посвящена описанию процесса принятия и исполнения решений (о вводе войск в Чехословакию, организации самой операции и т.д.). Приводятся разговоры в верхах, свидетелями которых были авторы, осуществляется попытка раскрыть причины основных событий чехословацкого кризиса. Ярким примером подобного повествования являются мемуары А.М. Майорова, с октября 1968 г. командующего образованной на территории Чехословакии Центральной группой войск. Книга «Вторжение. Чехословакия. 1968. Свидетельство командарма» содержит многочисленные диалоги автора с сослуживцами, а также с политическими деятелями Чехословакии и СССР, включая Л.И. Брежнева, А. Дубчека [15]. В воспоминаниях же военнослужащих-срочников, особенно тех, чья дальнейшая судьба не была связана с армией, значительно больше именно бытовых подробностей, детального описания отдельных эпизодов, случившихся во время нахождения в ЧССР.

Тексты воспоминаний отличаются и стилем изложения. Одни более формализованы, тяготеют к разряду «книг памяти», в которых представлены не только биографические данные, но и общие сведения о действиях военных частей на территории ЧССР в период операции, воспоминания о сослуживцах. Так, в книге «Они защищали мир в Европе», где собраны воспоминания разных авторов, а также в работе В.В. Шевченко для текстов характерна устойчивая структура [28; 35]. Основной аудиторией таких мемуаров являются сами участники ввода войск ОВД в Чехословакию, их родственники. В других воспоминаниях события излагаются в более свободной форме, приводится много курьезных случаев из жизни советских солдат в Чехословакии. Примерами подобного изложения являются тексты Ю.А. Галушко, Э. Михайлова и др. [22; 27]. Такие воспоминания и интервью рассчитаны на достаточно широкую аудиторию.

Говоря о специфике источника, следует также заметить, что на содержание воспоминаний, несомненно, влияют объем и форма, в которой они были обнародованы. В рамках небольших статей авторы в основном кратко описывают свое перемещение по Чехословакии, место службы и наиболее запомнившиеся

случаи. В большие по объему публикации (особенно это касается электронных изданий) мемуаристы включают дополнительные материалы – фотографии, документы, газетные статьи и т.д. [15; 29; 31; 35]. Таким образом, рассматриваемые тексты с источниковедческой точки зрения имеют не только свою специфику, но и строго определенные ограничения.

Приступая к анализу текстов, важно иметь в виду, что наличие представлений о стране еще до непосредственного знакомства с ней является важным элементом восприятия новой страны. В мемуарах, особенно оформленных в виде небольших статей, сведения об изначальных образах фактически отсутствуют. Больше информации содержится в интервью. Й. Поздерка, беседуя с Б. Шмелевым, задал вопрос: «Что вы знали о Чехословакии до августа 1968-го? Как вы себе ее представляли?» – и получил развернутый ответ, поразивший самого интервьюера. Шмелев упомянул оставшиеся от средней школы знания по истории и географии: Гуситские войны и Ян Гус, Татры и Прага, «один из прекраснейших городов мира» [19. С. 74]. Главные ассоциации интервьюируемого с Чехословакией – восстание чехословацких легионеров в 1918 г. и освобождение Праги советскими войсками в мае 1945 г. По словам бывшего десантника, эти два исторических события знали даже те военнослужащие, кто имел крайне туманное представление о ЧССР. Описывает Б. Шмелев и «вещественные», повседневные образы Чехословакии, существовавшие у советских граждан: качественная чехословацкая обувь, хрусталь, мотоциклы «Ява», отличное пиво, солдат Швейк и хоккей. «Общее впечатление было следующее: Чехословакия – экономически и культурно развитая страна, расположенная в центре Европы, братский и дружественный народ» [19. С. 74]. Конечно, изначальные представления о Чехословакии не у всех совпадали с теми, что указал Б. Шмелев, получивший среднее образование в хорошей московской школе. Однако в текстах имеются многочисленные косвенные подтверждения того, что его перечень являлся фундаментом, на котором строился образ Чехословакии и ее жителей у значительной массы советских военнослужащих и советских граждан в целом.

Представление о стране, существующем в ней внутреннем климате во многом складывается в ходе общения с местным населением. Советские военнослужащие жили достаточно обособленно. С одной стороны, это предопределялось самой спецификой армейской службы. С другой стороны, сказывалось отрицательное либо настороженное отношение части населения Чехословакии к войскам стран ОВД. Однако общение с местными жителями на разных уровнях являлось естественным процессом.

Советские солдаты и офицеры закономерно контактировали с военнослужащими Чехословацкой народной армии (ЧНА). Необходимо кратко остановиться на интенсивности и характере этого взаимодействия. В начале операции «Дунай» отношения между армиями двух стран складывались чрезвычайно сложно. Не оказывая прямого сопротивления войскам ОВД, военнослужащие ЧНА сводили контакты к минимуму. А. Майоров указывает, что у чехословацких военных существовал запрет на общение с советскими частями [15. С. 265–266]. Вместе с тем в рассмотренных воспоминаниях встречаются разные оценки восприятия военными Чехословакии ввода в их страну войск ОВД. Э. Михайлов говорит о существовавшем безразличии к данной акции со стороны представителей ЧНА: «Многие чешские офицеры закрывали в три часа дня свои кабинеты в Министерстве обороны и шли пить пиво. Им было все равно, кто пришел в Чехословакию – русские, китайцы, немцы» [27].

С ним полемизирует Э. Воробьев (в 1968 г. капитан, а позже генерал-полковник): «Нельзя согласиться с утверждением Эдуарда Михайлова, что чехословацкие военнослужащие безразлично отнеслись к появлению в своей стране войск Варшавского Договора. Дескать, “им было все равно, кто пришел в Чехословакию – русские, китайцы, немцы”. Почти круглосуточно в полку шли собрания офицеров или партийные собрания. Вторжение войск Варшавского Договора в ЧССР резко осуждалось. Те же, кто придерживался иного мнения (находились и такие люди), просто изгонялись» [21]. Автор пришел к выводу, что ввод войск ОВД в страну был воспринят многими чехословацкими военнослужащими как ущемление национальной независимости.

Но, несмотря на сложные отношения, взаимодействие армий было неизбежным. Практически во всех воспоминаниях говорится о постепенном налаживании связи с местными военнослужащими, проведении совместных мероприятий, существовании взаимопомощи. Е. Чеботарев, В. Шевченко и другие привели факты установления приятельских отношений с чешскими военными [28. С. 19; 34. С. 98; 35. С. 149]. В. Толстых указал на их сохранение и после окончания службы в Чехословакии: «Почему-то принято считать, что после ввода войск чехи видели в нас лишь оккупантов и каждого советского человека ненавидели лютой ненавистью. Это далеко не так. Военнослужащие 10 отб[1], в течение нескольких месяцев выполнявшие боевую задачу в Праге, успели обзавестись за это время множеством друзей среди местного населения. После возвращения 10 отб из Чехословакии эта дружба не только не угасла, но наоборот окрепла. Чехи, подружившиеся в Праге с нашими офицерами, неоднократно потом приезжали в Берлин в гости со своими семьями. Так впоследствии и дружили семьями долгие годы» [33].

Анализ восприятия советскими военнослужащими чехословацкой повседневной жизни может в основном базироваться на описаниях и оценках бытовой жизни чехословацкой армии. Это вполне естественно, поскольку жизнь именно этой социальной среды советские военнослужащие узнали лучше всего. Практически во всех воспоминаниях впечатления о быте, образе жизни представлены в сравнении с советской реальностью. Особое внимание солдат и офицеров привлекало то, что сильно отличалось от привычной им действительности.

Наблюдая за жизнью чехословацких военных, советские военнослужащие неизбежно сопоставляли условия их службы со своими. Общим местом во всех текстах является указание на более комфортную службу в Чехословакии. Многие вещи крайне удивляли: служба шла до 15.00, жили военнослужащие дома, на обед давали пиво и т.д. [22. С. 149]. Е. Чеботарев так описал впечатления о быте чехословацкой армии: «В их казармах чистота, порядок. В кубриках 6–8 человек, отделение. В выходные дни обязательное увольнение домой, к маме. Мебель: шкафы, столы, тумбочки – любая наша хозяйка позавидует. В лабораториях ТЭЧ, на стоянках эскадрилий, на старте никакой кустарщины – все фабрично-заводского производства, ничего лишнего. В инженерном отделе предусмотрена комната для гостей [...], даже внешне чехословацкие солдаты отличались от советских: форма была больше похожа на офицерскую, а вели они себя более раскованно» [34. С. 99]. Авторы регулярно отмечали, что зарплата у чешских офицеров была выше, чем у советских, лучше социальное обеспечение. По словам Э. Михайлова, чехи «немало удивились, когда узнали, что

[1] Отдельный танковый батальон Группы советских войск в Германии.

я, старший офицер, подполковник, живу в Москве с семьей в комнате площадью 12 кв. м в коммунальной квартире» [27].

При этом советские военные удивленно и даже скептически воспринимали порядки, принятые в чехословацких войсках, не могли представить их в своих частях и в целом не понимали местную военную систему. Почти во всех текстах подчеркивается низкая, по сравнению с советской, дисциплина в ЧНА. Контраст отечественной и чехословацкой армейской действительности вызывал отторжение у советских военных. Чеботарев отметил, что «и многие вольности, и комфорт чехословацкой армейской жизни были чуждыми и чужими для нас» [34. С. 99], Галушко высказал крайне критическую оценку, назвав чехословацкую армию «бутафорской армией» [22. С. 152].

В воспоминаниях регулярно упоминаются и контакты с гражданским населением. Несомненно, самым частым сюжетом стали дискуссии в первые дни операции между советскими военнослужащими и жителями Праги, Братиславы, а также других городов и сел Чехословакии о смысле и необходимости ввода войск ОВД. Однако общение не сводилось целиком к политическим спорам. Авторы специально подчеркивают, что разговаривали с местными жителями и «на отвлеченные, никак не касавшиеся ситуации в стране темы». Особенно это стало характерным с сентября 1968 г. [26. С. 53]. У советских военных завязывались личные отношения с местными жительницами. Подобные истории присутствуют в воспоминаниях военных разного ранга. Как на распространенное явление указал на это Э. Михайлов [27], в мемуарах А. Майорова приведен рассказ об использовании подобных связей в служебных целях [15. С. 317–318].

Воспоминания содержат заметки об уровне жизни гражданского населения ЧССР. Как и описания армейского быта, эти впечатления представлены, отталкиваясь от советской жизни. Авторы указывали, что люди в Чехословакии лучше одевались, в магазинах отсутствовал дефицит, качество дорог было хорошим. Подчеркивалась высокая, по сравнению с СССР, стоимость бензина. Отмечались вещи, которые в Советском Союзе встречались редко либо отсутствовали совсем. Подобных примеров много в воспоминаниях Ю. Галушко: от водометной машины до порнографической продукции [22. С. 162, 171].

В текстах воспоминаний и тем более интервью мало характеристик распространенных в ЧССР повседневных практик. Одним из редких исключений является описание Э. Михайловым специфики ведения торговых дел в Чехословакии, которая не была характерна для СССР. «В Чехословакии [...], так же как и в других европейских странах, отношения “продавец–покупатель” строились, прежде всего, на взаимном доверии и порядочности [...]. Достаточно было отпечатать заявку на приобретение каких-то материалов, оборудования, поставить гербовую печать – и покупай практически все» [27]. Автор рассказал о случаях злоупотребления данной системой со стороны советских военных, приведших армейское руководство впоследствии к вынужденным значительным тратам. Присутствие в воспоминаниях Михайлова развернутой характеристики данной традиции торговых соглашений напрямую связано с его профессиональной деятельностью. Автор являлся начальником квартирно-эксплуатационной части в Миловице, занимался обустройством быта советских военнослужащих в ЧССР и постоянно сталкивался с финансовой отчетностью.

В контексте проводимого исследования представляет важность и анализ редко встречающихся описаний мест, в которых пришлось побывать авторам воспоминаний в ходе службы в ЧССР. В первые дни осуществления операции

«Дунай» (с 21 августа до 10–12 сентября) многие из авторов находились в крупных городах, в основном в Праге и Братиславе, осуществляя контроль над правительственными учреждениями, органами СМИ и т.д. При описании городов Чехии и Словакии в текстах выделяется осознание их культурно-исторического значения. Военные подчеркивают нежелание наносить ущерб облику городов. Б. Шмелев в ходе интервью сравнил Прагу с Москвой. Чешская столица, по его мнению, выглядела в тот момент более цветной и яркой: «Дома чистые и ухоженные, многие из них казались новыми, хотя и простояли десятки лет. Дворики были в хорошем состоянии, улицы опрятные» [19. С. 83].

Описание городских строений и кварталов проводится и с военной точки зрения. Л.Н. Горелов, рассказывая в интервью о подготовке к проведению операции, в частности, в Праге, сказал: «Там такие дома, литературные дома. Вот такой толщиной стены. Вековые дома, вы представляете, в какие века они построены» [23]. Данное обстоятельство, по его мнению, крайне осложняло положение в случае возможных боев. В целом нахождение большого количества военной техники в центре крупных городов вызывало дискомфорт у самих советских солдат и оценивается в воспоминаниях негативно. Передислокация в сельскую местность осенью 1968 г. была воспринята авторами положительно, с облегчением.

Сельских описаний немного. Авторы подчеркивают те особенности, которые непосредственно влияли на их жизнь, К примеру, в начале операции военнослужащие постоянно перемещались по чехословацкой территории. При описании маршрута часто встречается указание на сложный рельеф Чехословакии, большой перепад высот: «Дороги там очень сложные: проходят они в горной местности, на трассах много мостов, тоннелей, высоких насыпей и подъемов» [28. С. 93]. Присутствуют общие зарисовки пейзажей, которые иногда переплетаются с описанием переживаемых автором чувств. Приведу краткий фрагмент из воспоминаний Е. Чеботарева: «С тихой грустью мы смотрели вдаль, на Богемские горы, густо покрытые сосной, елью, дубом, буком, на мирные добротные дома под красно-коричневой черепичной крышей и думали: зачем вся эта канитель им и нам?» [34. С. 99–100].

Одной из распространенных тем в воспоминаниях является «национальный вопрос». В ряде проанализированных текстов авторы дают общую характеристику жителей Чехословакии (в основном чехов). Указанные черты касаются различных сфер. А. Майоров отметил говорливость и нерешительность местного населения, склонность к постоянным обсуждениям проблем [15. С. 345]. У Э. Михайлова чехи характеризуются как «техническая нация», которую сложно было чем-то удивить в технологическом отношении [27]. Распространенным в воспоминаниях и интервью является наименование чехов «швейками» [20]. Это вполне объяснимо, исходя из популярности в СССР романа Я. Гашека и превращения имени главного героя к 1960-м годам уже в имя нарицательное. Однако применительно к чешским военнослужащим в воспоминаниях это обращение получало двоякий смысл. Особенно в контексте указания на расслабленность прохождения службы и мнимое безразличие к вводу иностранных войск в страну.

Отдельным сюжетом в воспоминаниях представляются наблюдения о внутреннем климате в отношениях между чехами и словаками. Общим местом является указание на натянутые отношения титульных наций. Главной причиной этого, по мнению советских военных, была разница в экономическом развитии – уровень жизни в Чехии был заметно выше, чем в Словакии.

Э. Михайлов написал: «Словаки жили хуже, чем чехи, существовала негласная дискриминация. Бывая в наших гарнизонах Зволин, Ружомберок [...], мы видели, что дома и дороги здесь хуже, чем в Чехии» [27]. В воспоминаниях Ю. Галушко указывается на приниженное положение словаков в ЧНА и в целом пренебрежительное отношение чехов к словакам. По его наблюдениям, дослужиться в армии словаки, как правило, могли только до звания капитана, что, впрочем, не соответствовало реальности. Исключением он считал военно-воздушные силы, в связи с чем там было много словаков [22. С. 202–203].

Ю. Кузьмин привел своеобразное объяснение августовской акции стран ОВД в ключе словацко-чешских противоречий, которое он услышал от жителей Братиславы: «Словакия – колония Чехии, мы хотим большей самостоятельности и наш Дубчек это осуществляет. А вы пришли, чтобы сохранить нашу зависимость от чехов» [25. С. 584]. Часто встречается упоминание о том, что словаки в целом спокойнее отнеслись к вводу войск ОВД, чем чехи, и в общем лучше относились к советским военнослужащим. Авторы, оказавшиеся во время операции «Дунай» на словацкой территории, приводят меньше фактов противостояния со стороны местных жителей. Ю. Кузьмин считает, что «несмотря на бурные споры, отношение к нам, солдатам, было хорошее, даже где-то доброжелательное, словаки угощали нас сигаретами, жали руки, улыбались» [25. С. 584]. Идентичные воспоминания содержатся в тексте Э. Михайлова, который добавил, что «в беседах словаки не раз говорили, что они поддерживают ввод советских войск и даже выступают за вхождение Словакии в состав Украины» [27]. А. Майоров написал, что в целом ситуация для войск ОВД в Словакии была легче, чем в Чехии [15. С. 256].

В воспоминаниях упоминается и отношение граждан Чехословакии к представителям других стран ОВД–участниц ввода войск. Чаще всего в воспоминаниях подчеркивается крайне негативное отношение к немецким военнослужащим. Ю. Синельщиков писал, что не раз слышал высказывания чехов: «Ну ладно, сами пришли, но немцев-то зачем привели с собой?» [32. С. 75]. Автор подчеркнул, что немецкие военнослужащие были самыми дисциплинированными, четко выполняли инструкции и не допускали каких-либо экстренных ситуаций на контролируемой ими территории. Практически идентичную фразу относительно восприятия немецких войск в ЧССР привел в воспоминаниях Э. Воробьев [21]. При этом он охарактеризовал поведение военнослужащих ГДР как суровое.

Стоит, однако, указать, что отзывы о поведении солдат ГДР находятся в некотором противоречии с фактами, свидетельствующими об их очень ограниченном участии в акции. В. Толстых вообще отрицает нахождение на территории Чехословакии немецких частей: «Надо отметить следующее: вопреки всем слухам армия ГДР не входила в Чехословакию, хотя в состав боевой группы Центрального фронта были включены 7 танковая и 11 мотострелковая дивизии ННА ГДР, а также 12 пограничная бригада. Немцы очень хотели поучаствовать, но им просто не разрешили» [33]. В подтверждение своих слов автор сослался на интервью В. Ярузельского. Отмечу, что в научной литературе указывается, что немецкие военнослужащие, хотя и были продвинуты к границе двух стран, лишь косвенно участвовали в операции «Дунай», а часто упоминаемые 11-я мотострелковая и 7-я танковая дивизии ННА в августе – октябре 1968 г. не пересекли восточногерманско-чехословацкую границу [36. С. 393–404]. На территории ЧССР находились главным образом военнослужащие войск ГДР, выполнявшие функции коммуникации.

А. Майоров привел в мемуарах свое донесение министру обороны СССР, главкому вооруженных сил стран Варшавского договора и главкому группой «Север», в котором, кроме прочего, говорилось: «Следует также считаться с некоторой исторически сложившейся неприязнью словаков к венграм. Население Словакии быстрее поймет пребывание на их территории советских войск, нежели войск ВНР» [15. С. 260]. По указанной причине он предлагал убрать венгерские части с территории Словакии. В свою очередь, Ю. Синельщиков указал, что чехи лучше шли на контакт с польскими и венгерскими войсками, чем с советскими и тем более немецкими [32. С. 75].

Подводя итоги, попытаемся дать ответ на поставленные в начале работы вопросы. На основе рассмотренных воспоминаний можно составить образ Чехословакии в 1968 г. глазами советских военнослужащих – участников операции «Дунай». Наиболее полно в текстах охарактеризованы чехословацкая армия и особенности прохождения службы. При описании окружающей действительности, быта подчеркивалось именно то, что заметно отличалось от привычной жизни в СССР. Авторы часто останавливались на описании межнациональных отношений в стране.

На формирование образа другой страны, несомненно, влияли условия, при которых советские военные оказались в Чехословакии. Отрицательное восприятие чехословацким населением ввода войск ОВД вполне естественно отразилось на отношениях между местным населением (военным и гражданским) и советскими военнослужащими, особенно в первые месяцы военной операции. Данная ситуация предопределила появление негативных черт в описании страны и ее населения. При этом открытым остается вопрос, что больше влияло на формирование образа Чехословакии в условиях конфликта – сама окружающая действительность или материалы средств массовой информации и пропаганды, с которыми соприкасались военнослужащие и до начала операции «Дунай», и в ходе ее проведения.

Основной материал для анализа восприятия военнослужащими другого мира содержится в текстах воспоминаний, а не интервью. Особый интерес в этом плане представляют части текстов, не относящиеся напрямую к военным действиям и содержащие много второстепенных сведений. Подбор материала, изложенного в воспоминаниях, напрямую зависит от цели автора: собрать как можно больше фактов, вписать свои воспоминания в «большую историю», где главным будет политическая составляющая и принятие решений, или же красочно рассказать о прохождении военной службы, вспомнить интересные истории из повседневной жизни. При сходстве или близости структур текстов оценки описываемых событий, мнения авторов относительно восприятия населением Чехословакии ввода войск ОВД сильно отличаются. Интервью при рассмотрении заявленной проблемы слабо информативны, поскольку их целью являлось изучение иного предмета, интервьюируемый имел мало возможностей отклониться от основной темы.

Таким образом, воспоминания советских солдат и офицеров, вступивших на чехословацкую землю в августе 1968 г., являются заслуживающим внимания источником при исследовании не только истории чехословацкого конфликта, условий службы за границей, но и процесса взаимодействия с населением Чехословакии, знакомства со страной в условиях, сильно отличающихся от туристических поездок и встреч партийных делегаций. Данный источник имеет свою специфику и, как любой источник личного происхождения, нуждается в сопоставлении и дополнении. Проведение целевых интервью, в рамках

которых основное внимание будет уделено особенностям повседневной жизни Чехословакии 1968 г., специфике формирования образа этой страны в ходе проведения военной операции, явится в перспективе важным составляющим при исследовании обозначенных проблем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): сб. ст. / под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
2. Латыш М.А. «Пражская весна» и реакция Кремля // Политические кризисы и конфликты 50–60-х годов в Восточной Европе. М., 1993.
3. *Марьина В.В.* Пражская весна 1968 года: к вопросу о международном резонансе // Славяноведение. 2008. № 3.
4. *Мусатов В.Л.* О «Пражской весне» 1968 года // Духовное наследие. 1994. № 12–13 URL: http://www.pseudology.org/chtivo/Prazhskaya_vesna1968.htm (дата обращения 2. 10. 2012).
5. *Мусатов В.Л.* Россия и Восточная Европа: связь времен. М., 2008.
6. *Орлик И.И.* «Пражское лето» 68-го // Свободная мысль. 2008. № 7.
7. *Орлик И.И.* Мировое сообщество и события в Чехословакии в 1968 г. // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
8. *Стыкалин А.С.* Кризис в советско-румынских отношениях в августе 1968 г. и его влияние на контакты граждан двух стран (по материалам архивов Москвы и Кишинева) // Международные отношения в XX веке. Киров, 2016.
9. *Гланц Т.* Позор: о восприятии ввода войск в Чехословакию в литературных и гуманитарных кругах // Новое литературное обозрение. 2011. № 5.
10. *Едемский А.Б.* Жизнь в режиме двоемыслия: реакция советского экспертного сообщества на вторжение в Чехословакию в августе 1968 г. // Imagines MUNDI: альманах исследований всеобщей истории XVI–XX вв. 2016. Т. 9. № 3.
11. *Каменская Е.В.* Советская интеллигенция в условиях чехословацкого кризиса 1968 г.: образ в прессе и жизненные реалии // Костромской гуманитарный вестник. 2016. № 1.
12. *Мурашко Г.П.* «Пражская весна» и советская интеллигенция: к вопросу о формировании «внутрисистемной оппозиции» неосталинизму // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
13. *Поселягин Н.* Конец прекрасной эпохи: восприятие советскими интеллектуалами ввода советских войск в Чехословакию // Новое литературное обозрение. 2012. № 4.
14. *Раскатова Е.М.* 1968 год и проблема исторического самоопределения советской художественной интеллигенции // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2008. № 3.
15. *Майоров А.М.* Вторжение. Чехословакия. 1968. Свидетельство командарма. М., 1998.
16. *Булгаков В.В., Шевченко В.В., Байлов А.В.* Еще раз о «Пражской весне», операции «Дунай» и угрозе большой войны в Европе в 1968-м // Южнороссийский адвокат. 2015. № 3.
17. *Кузьмин Ю.М.* Взгляд советского солдата на «пражскую весну» и на ее подавление // Европа, Россия, Азия: сотрудничество, противоречия, конфликты. Материалы II международной научно-практической конференции. Рязань, 2017.
18. *Шинкарев Л.И.* Я это все почти забыл...: Опыт психологических очерков событий в Чехословакии в 1968 году. М., 2008.
19. Вторжение: взгляд из России. Чехословакия, август 1968 / Сост. Й. Поздерка. М., 2016.
20. Виртуоз воздушной дипломатии (Интервью Н. Пороскова с И. Пстыго) URL: http://nvo.ng.ru/notes/2016–06–24/16_virtuoz.html (дата обращения 19. 02. 2018).
21. *Воробьев Э.* Незваные гости // Независимое военное обозрение. 2002. 20 декабря. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002–12–20/5_czechoslovakia.html (дата обращения 19. 08. 2012).
22. *Галушко Ю.А.* Чехословакия-68. Взгляд советского офицера из прошлого в будущее. Минск, 2015.
23. *Горелов Л.* Прага, 1968 г. URL: http://artofwar.ru/s/shejnin_a/text_0170.shtml (интервью 2006 г.). http://nvo.ng.ru/history/2002–09–13/5_autumn.html (дата обращения 31. 05. 2017).
24. *Козырев А.* «Пражская весна» глазами советского солдата // Уральский следопыт. 2010. № 11.

25. *Кузьмин Ю.М.* Чехословакия 1968 года глазами советского солдата, ставшего историком // 1968 год. «Пражская весна» (Историческая ретроспектива): Сб. ст. / Под ред. Т.В. Волокитиной, Г.П. Мурашко, А.С. Стыкалина. М., 2010.
26. *Ларченков В.В.* Мы выполняли интернациональный долг: интервью с доктором военных наук, профессором, генералом армии В.Н. Лобовым // Военный академический журнал. 2018. № 1.
27. *Михайлов Э.* Чешская осень // Независимое военное обозрение. 2002. 20 декабря. URL: http://nvo.ng.ru/history/2002–09–13/5_autumn.html (дата обращения 21. 03. 2013).
28. Они защищали мир в Европе. Сборник воспоминаний и архивных документов. Житомир, 2003.
29. Операция «Дунай». Сайт В.П. Сунцева URL: http://www.dunay1968.ru/history.html (дата обращения 8. 12. 2012).
30. *Павлов А.П.* Чехословакия, август 1968 года // Военно-исторический журнал. 2007. № 7.
31. Рассвет 21-го. Сайт В.В. Шевченко. URL: http://rassvet21-go.ru/ (дата обращения 6.04.2018).
32. *Синельщиков Ю.П.* Чехословацкие события 1968 года глазами советского сержанта // Военно-исторический журнал. 2012. № 8.
33. *Толстых В.* Прага, год 1968-й. URL: http://10otb.ru/content/praga1968.html#p04 (дата обращения 26. 02. 1203).
34. *Чеботарев Е.М.* Выполняли интернациональный долг // Военно-исторический архив. 2015. № 7.
35. *Шевченко В.В.* Навстречу рассвету. Ростов-на-Дону, 2011.
36. *Венцке Р.* Национальная народная армия ГДР в Праге не задействована // «Пражская весна» и международный кризис 1968 года: Статьи, исследования, документы. М., 2010.

Д.И. СЕМИЗ — СЕРБСКИЙ ПАТРИОТ И РУССКИЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДЕЯТЕЛЬ

© 2019 г. А.Н. Горяинов

Канд. ист.наук

andrejgorainov01317@gmail.com

Статья посвящена судьбе сербского-эмигранта Д.И. Семиза, рассматриваются его общественная деятельность, политические взгляды и выступления в период Балканских войн.

The article is dedicated to the destiny of Serbian émigré D. I. Semeiz, it considers his public activity, political views and speeches during the Balkan Wars.

Ключевые слова: славянская идея, югославизм, Балканские войны, «Сербская Голгофа».

Keywords: Slavic idea, Yugoslavism, Balkan Wards, «Serbian Golgota»

DOI: 10.31857/S0869544X0006206-9

В 2001 г. я впервые оказался в небольшом райцентре Ярославской области Мышкине и, осматривая удивительный научный центр, созданный местными краеведами, наткнулся на мемориальную доску, из которой узнал о кончине в этом городе Д.И. Семиза. Его имя было известно по ряду публицистических и популярных работ. О его жизни известно очень мало. Разрозненные и крайне немногочисленные сведения я нашел только в статьях М.В. Рождественской и Д.К. Рогова, опубликованных в Мышкинских изданиях. Мы теперь знаем, что Душан Иванович родился в 1884 г. на западе Герцеговины, в Мостаре [1–2] (см. также новейшую публикацию [3]). Он учился в родном городе, с ранних лет участвовал в антиправительственных организациях и в конце XIX в. вынужден был уехать в Россию, где его приютил и воспитал родственник по материнской линии, ректор Полтавской духовной семинарии протоиерей Иоанн Пичета [4. С. 86], отец одного из основоположников советского славяноведения академика В.И. Пичеты. В 1901/1902 учебном году Д.И. Семиз учился в шестом, выпускном классе Полтавской духовной семинарии [4. С. 89, 93]. Окончив семинарию, он поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского университета, после завершения курса которого занялся юридической практикой [1. С. 28–29].

В 1914 г. Семиз упоминается в газете «Новое время» как присяжный поверенный, т.е. полноправный защитник, принадлежавший к адвокатской корпорации. Но это, возможно, ошибка, во всяком случае, в справочнике «Весь

Петербург» за 1909–1913 гг. он фигурирует лишь как помощник присяжного поверенного. Д.И. Семиз занимался также работой в общественных организациях, изучавших славянские страны и способствовавших развитию политических и культурных связей между ними и Россией. Он был членом «Группы прогрессивных общественных деятелей», начавшей деятельность в октябре 1912 г. и поставившей целью обсуждение вопросов политики России на Балканах, а также пропаганду в русском обществе идей помощи южным славянам, выступившим против Турции [5. С. 3–5]. Семиз являлся также секретарем «Общества славянского научного единения», созданного в ноябре 1912 г. замечательным русским ученым академиком В.М. Бехтеревым [6]. Видный земский и судебный деятель дореволюционной России В.Н. Челищев, через несколько лет, находясь в эмиграции, вспоминал об этих организациях: «В Петербурге, в доме А.А. Брянчанинова[1], происходили заседания группы лиц, интересующихся внешней политикой. Там читались доклады, велись по ним прения и делались интересные сообщения информационного характера. В группу входили дипломаты, профессора, члены Думы и Государственного совета, представители торгово-промышленных кругов и многие другие [...]. Славянская идея в этом обществе (славянского научного единения.– *А.Г.*) – продолжил он,– освобождалась от монополии правых кругов, внесших в нее так много нежелательного, что против нее давно создалось известное предубеждение как среди русских, так и среди славян. Новое общество отреклось от намерения что-либо диктовать славянам, отреклось от мысли подчинить славян России. Тесный братский союз славян, а, прежде всего, широкое сближение их на почве науки и культуры – вот что ставило общество своей целью» [7. С. 37–39].

Незадолго до начала мировой войны Д.И. Семиз совершил поездку по оккупированной Сербией в результате Второй балканской войны части Македонии. В газете «Новое время» от 11 июля 1914 г. сообщалось, что от посещения присоединенных территорий «впечатление он вынес очень благоприятное», одобрил «твердую и гуманную» политику там сербского правительства и отметил благоприятное отношение к «новому отечеству местного населения».

15 июля 1914 г. Австро-Венгрия объявила войну Сербии, на следующий день сербское посольство в России начало запись для отправки в Сербию добровольцев. 16 июля вечерний выпуск газеты «Биржевые ведомости» сообщал: «До настоящего времени добровольцев насчитывается свыше 100 человек [...]. Завтра с очередной партией сербских офицеров добровольцем на войну едет секретарь Славянского общества научного единения присяжный поверенный Д.И. Семиз» [8].

По сообщению газеты «Новое время», Семиз действительно выехал из Петербурга 17 июля 1914 г. Газета отметила, что в день отъезда он выступил на очередной, 128-й «славянской трапезе», организуемой славянскими обществами Петербурга, с известием «об аресте всех сербских депутатов сейма Боснии и Герцеговины, родины Семиза» [9].

Некоторое представление о службе Душана Ивановича в сербской армии дает его публикация «Сербская Голгофа» [10]. Она основана на личных впечатлениях автора о пребывании на театре боевых действий и содержит, в частности, краткие сведения об отступлении сербской армии, ее разгроме австро-венгерскими войсками, расчленении сербских вооруженных сил, пребывании

---

[1] Брянчанинов Анатолий Александрович (1839–1918), судебный деятель и писатель, один из деятелей славянских обществ.

автора в Кладово (на Дунае), переходе им румынской границы, поездке в Албанию и возвращении в Восточную Сербию, в г. Заечар, где находилась сербская главная квартира. Автор упоминает о каких-то поручениях командования, которые он выполнял во время своих поездок, но ни слова не говорит, в чем они состояли. Впрочем, сам маршрут Д.И. Семиза позволяет предполагать, что эти поручения имели государственное значение.

Душан Иванович Семиз пробыл в Сербии до ее полной оккупации в 1916 г. державами Тройственного союза. В брошюре он упоминает об эвакуации вместе с сербскими войсками в Грецию – на о. Корфу и пребывании в Салониках, о плавании во французский порт Марсель, рассказывает об остановке по пути в Россию в Лондоне, где его ознакомили с деятельностью созданного в 1915 г. и базировавшегося в Великобритании влиятельного политического органа южнославянской эмиграции – Югославянского комитета.

В целом работа «Сербская Голгофа» оставляет двойственное впечатление. Это – публицистическое сочинение, подавляющая часть которого повествует о трагических событиях войны и страданиях, выпавших в этой войне на долю сербского народа. Автор излагает различные эпизоды, рисующие жестокость завоевателей. Он глубоко скорбит о случившемся, призывает к борьбе с оккупантами. Видно, что Душан Иванович глубоко переживал страдания соотечественников. В то же время его эмоции часто перехлестывают через край, что вредит убедительности и стройности изложения. Возможно, что на подачу материала повлияла и необходимость поторопиться с выпуском брошюры. В результате, факты в работе зачастую оказались подмененными негативно окрашенными высказываниями и рассуждениями о зверствах и издевательствах в отношении сербов со стороны немцев и болгар. Как мы увидим дальше, в «Сербской Голгофе» явственно отразились уже полностью сложившиеся к тому времени взгляды автора на славян, «славянский вопрос» и так называемую «великосербскую идею».

Как видно из статьи М.В. Рождественской, которая в свое время знакомилась с архивными материалами Д.И. Семиза, до октября 1917 г. он написал ряд книг и статей, посвященных истории югославянских земель. Некоторые из них удалось обнаружить в московских библиотеках, но подавляющее большинство разыскать пока не удалось. Наибольшую популярность получила книга Д.И. Семиза, «Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру», написанная в соавторстве с профессором М. Вукичевичем [11]. Она сохраняла свое информационно-познавательное значение вплоть до середины XX в., и я помню, что в мои студенческие годы этот краткий сопоставительный очерк политической и культурной истории двух славянских государств и народов служил одним из основных пособий для изучения студентами-славистами.

Работая в славянских обществах, Семиз поддерживал контакты с широким кругом политических, общественных и научных деятелей начала XX в. Вместе с ним в «Группе прогрессивных общественных деятелей» и «Обществе славянского научного единения» работали крупные ученые В.И. Вернадский, Н.И. Кареев, М.М. Ковалевский, Н.П. Кондаков, П.А. Лавров, С.Ф. Ольденбург, П.А. Ровинский, М.М. Ростовцев, А.А. Шахматов, А.И. Яцимирский и другие, писатели и публицисты С.А. Адрианов, А.А. Брянчанинов, А.В. Васильев, А.А. Тихонов (Луговой) и др. [5. С. 39]. Особенно тесно сотрудничал Семиз с вице-президентом общества профессором М.П. Чубинским, которому впоследствии посвятил статью в одном из югославских журналов. Из иностранных славистов Душан Иванович сблизился с академиками хорватом

И.В. Ягичем и болгарином И. Младеновым [1. С. 29], сотрудничал с южнославянским профессором М. Вукичевичем. Не подлежит также сомнению, что он был знаком с находившимися в России сербскими дипломатами, от которых зависела его отправка в Сербию, осуществленная вне всякой очереди.

Некоторые установившиеся до революции связи Душана Ивановича принесли ему пользу в тяжелые, видимо, для него первые годы после Октябрьской революции. Д.И. Семиз пишет об этом времени в процитированном М.В. Рождественской заявлении от 9 июня 1950 г., что он работал «не покладая рук с первого дня Октябрьской революции» [1. С. 28]. О его занятиях в это время известно очень мало. М.В. Рождественская отмечает, что в 1917 г. Семиз жил в родном городе своей супруги Натальи Дмитриевны Роговой Мышкине и редактировал местную газету «Вестник земства» [1. С. 30] и что в 1918 г. вышла его книга о сербских добровольцах, создавших в годы Первой мировой войны в России воинские части для борьбы с немецкими и австро-венгерскими войсками [12]. В Российской государственной библиотеке сохранился изданный в 1926 г. справочник «Спутник управдома», на титульном листе которого указана должность его редактора Д.И. Семиза – юрисконсульта административного отдела Ленинградского губисполкома.

В конце 1920-х годов Душан Иванович работал в бюро Ленинградской секции научных работников отдела массовой политико-культурно-просветительной работы Ленсовета. Его рекомендовал на это место один из бывших участников «Группы прогрессивных общественных деятелей» академик Н.С. Державин [12. С. 27]. В одном из документов Державин аттестовал Семиза как «серьезного специалиста по истории и культуре южных славян» (цит. по [1. С. 27]). По свидетельству М.В. Рождественской, Д.И. Семиз был членом культурно-просветительского и научного общества «Матица Сербская» [1. С. 29]. Упомянутая нами выше статья Семиза о Чубинском и сообщение М.В. Рождественской о его активной работе в журнале «Нова Европа» [1. С. 29] указывают на сотрудничество Душана Ивановича в югославских журналах 1920-х годов.

В 1929 г. Душан Иванович Семиз был арестован и отправлен в лагерь, заключенные которого строили Беломорско-Балтийский канал [1. С. 28]. Из статей М.В. Рождественской и А.Д. Рогова видно, что это был лишь один из эпизодов репрессий, которым подвергся Семиз. В 1938 г. он находился в заключении в ленинградской тюрьме «Кресты» [2. С. 30], в 1949 г. проживал в Мышкине, но здесь его вновь арестовали и отправили в ссылку в Казахстан [1. С. 27]. В годы заключений и ссылок Душан Иванович продолжал, по мере возможности, заниматься литературной деятельностью. Он сотрудничал в газете Белбалтлага «Перековка», а в казахстанской ссылке занимался переводом сербского эпоса [1. С. 29].

Осенью 1953 г. Д.И. Семиз был освобожден и вернулся к семье в Мышкин [1. С. 28]. Здесь в 1955 г. он скончался [1. С. 27].

Серб из Герцеговины, в России Д.И. Семиз стал сербским патриотом. Его мировоззрение сложилось, с одной стороны, под влиянием либеральных взглядов, а с другой, было пронизано славянской идеей. Семиз выступал за единство славян, основанное на принципах автономии, равноправия и федерализма славянских народов. Вместе с тем он мечтал о «Великой Сербии», исконными противниками которой были, по его мнению, немцы.

Наиболее отчетливо взгляды Душана Ивановича проявились в его выступлениях на собраниях «Группы прогрессивных общественных деятелей» и «Общества славянского научного единения», проходивших во время Первой балканской войны.

Война (9 октября 1912 – 30 мая 1913) велась Болгарией, Грецией, Сербией и Черногорией за национальную независимость от феодальной Турции. Однако, разгромив Османскую империю, Сербия и Болгария не смогли поделить отошедшие к ним бывшие турецкие территории, в частности Македонию, что привело ко Второй балканской войне (29 июня – 10 августа 1913 г.) между Болгарией и коалицией бывших противников (Турция, Сербия, Греция, Черногория), в которую вошла также Румыния.

Противоречия между Болгарией и ее союзниками по Первой балканской войне проявились еще в ходе этой войны. Они обусловили радикальное изменение на протяжении 1912–1913 гг. ориентации политических высказываний Душана Ивановича. В конце 1912 г., выступая на заседании «Общества славянского научного единения», Семиз называл неоспоримым фактом существование «югославизма, который в религиозном отношении означает полную терпимость и равноправие, а в политике – автономию и федерализм» и утверждал, что «в Сербии и Болгарии с самых высоких мест увидели убийственность розни» [13. С. 57]. Он выступал также против предоставления автономии Албании, обосновывая это тем, что албанцы – «немногочисленный, полудикий разбойничий народ [...], который автономией пользоваться не сможет» [13. С. 57] и критиковал Россию за усилия, в результате которых к вновь возникшему на Балканском полуострове в ходе Первой балканской войны Албанскому государству отошел г. Шкодер (по-турецки Скутари) [14], на который претендовала Сербия. В конце войны Семиз резко выступил против бывших союзников Сербии – болгар. В речи на заседании Общества, посвященной попыткам примирения научных организаций Болгарии и Сербии, обосновывавших претензии своих правительств на Македонию, он подверг резкой критике заключительную часть заявления Болгарской академии наук от 28 марта 1913 г., в которой сербские власти были обвинены в насилии над болгарами на оккупированных сербами македонских территориях. Используя такие сомнительные доказательства, как сложенные в последнее время македонские народные песни и высказывания отдельных представителей македонского населения, он утверждал, что никакого насилия над македонскими болгарами не осуществлялось, что в действительности Болгарская академия называет гонениями «желание болгарских властей обеспечить своим новым гражданам личную и имущественную безопасность и возможность в условиях мирной и свободной жизни начать пользоваться благами культуры» [15]. Антинемецкий характер имеет брошюра Д.И. Семиза «Австрийские сербо-хорваты и Сербия», изданная в годы Первой мировой войны [16].

Деятельность Д.И. Семиза в начале XX в. показывает, что он был, прежде всего, политическим и общественным деятелем просербской ориентации. Ему не чужды были националистические перекосы, но вместе с тем его высказывания свидетельствуют о либерализме автора. Пока неясно, как трансформировались взгляды Душана Ивановича после октября 1917 г., но, судя по его сотрудничеству в этот период в югославской печати, он не порвал своих связей с Сербией, которую, видимо, горячо любил.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз: «Сербская голгофа» // Опочининские чтения. Мышкин, 1998. Вып. 6.
2. *Рогов Д.К.* Из истории одной российской семьи // Опочининские чтения. Мышкин, 1998. Вып. 6.
3. *Рождественская М.В.* Из истории сербско-русских историко-культурных связей: Душан Иванович Семиз (1884–1955) и его семья. Заметки к материалам петербургских и московских архивов // Slověne=Словѣне. 2017. № 2.
4. *Рождественская М.В.* Душан Иванович Семиз... С. 28; Горяинов А.Н. Протоиерей Иоанн Пичета и его потомки: (из родственных связей Душана Семиза) // Учемский сборник. Мышкин, 2003. Вып. 4/5.
5. Интересы на Балканах и правительственное сообщение: Статьи. СПб., 1913.
6. *Бехтерев В.М.* О сближении славянских народов на почве науки // Вестник Европы. М., 1909. Т. 4. Кн. 7; Славянский вопрос в его современном значении: Речи и статьи члена Государственной Думы А.М. Александрова, академика В.М. Бехтерева, профессора М.М. Ковалевского, Янко И. Лаврика, Д.И. Семиза и профессора М.П. Чубинского. СПб., 1913.
7. *Челищев В.Н.* М.П. Чубинский как общественный деятель // Профессор М.П. Чубинский и 35-летие его научной, литературной и общественной деятельности: (Юбилейный сборник). [Белград], 1930.
8. Биржевые ведомости. 1914. 16 VII.
9. Славянская трапеза // Новое время. СПб., 1914. 18 VII.
10. *Семиз Д.И.* Сербская Голгофа. М., 1916.
11. *Вукичевич М.М., Семиз Д.И.* Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру: Исторические параллели с XIV века до 1878 г. СПб., 1913.
12. *Семиз Д.И.* Дрина – Добруджа – Мурманск. [?], 1918.
13. *Семиз Д.И.* Сербский вопрос накануне войны // Славянский вопрос в его современном значении. Речи и статьи. СПб., 1913.
14. *Семиз Д.И.* Скутари и наша дипломатия: (историческая правда и правительственная декларация). [Речь на заседании Группы прогрессивных общественных деятелей 29 марта 1913 г.] // Интересы на Балканах и правительственное сообщение: Статьи. СПб., 1913.
15. Сербо-болгарский спор за обладание Македонией: оценка событий, предшествовавших сербо-балканской войне 1913 года в изложении заинтересованных сторон и членов Общества [славянского научного единения]. Пг., 1915.
16. *Семиз Д.И.* Австрийские сербо-хорваты и Сербия. М., 1916.

Публикация настоящей статьи приурочена к 90-летию А.Н. Горяинова, одного из видных специалистов по истории отечественного славяноведения, снискавшего своими многочисленными работами уважение в профессиональном сообществе. Дирекция и коллектив Института славяноведения РАН, которому Андрей Николаевич отдал несколько десятилетий жизни, поздравляет его со славным юбилеем, желает ему здоровья и реализации замыслов. К поздравлениям присоединяется редакция журнала «Славяноведение», с которым А.Н. Горяинов плодотворно сотрудничает, начиная с 1970-х годов.

ПОЖЕРТВОВАНИЯ В ПОЛЬЗУ СЕРБИИ 1915 ГОДА: СИМБИРСКОЕ УЧАСТИЕ

© 2019 г. С.Н. Серягин

Краевед, член Союза краеведов Ульяновской области.

seryagin_sergei@mail.ru

Первая мировая война вновь напомнила населению Российской империи о терпящих бедствия братьях-славянах. Естественно, российская провинция не могла остаться в стороне. Об одном из благотворительных сборов на примере конкретной губернии рассказывается в настоящем материале.

World War One reminded the population of the Russian Empire about their Slavic brothers suffering from disasters. The victory on the Serbian front caused one more way of patriotic outrage. The Russian province indeed could not stay away. The article tells about a charity collections campaign on the example of a particular governorate.

Ключевые слова: Первая мировая война, Сербия, денежная помощь, провинция, Симбирская губерния.

Keywords: World War One, Serbia, monetary aid, province, Simbirsk governorate.

DOI: 10.31857/S0869544X0006212-6

Сербия, несмотря ни на что, все-таки оказала влияние на ход Первой мировой войны. И речь не только о сараевском убийстве. Малочисленная, плохо вооруженная сербская армия под командованием Радомира Путника измотала и в декабре 1914 г. разбила балканскую группировку австро-венгерской армии. Это вызвало новый прилив патриотизма в России и Петроградский городской комитет по оказанию помощи Сербии, находящийся под покровительством княгини Елены Петровны, организовал сбор пожертвований.

Не осталась в стороне и Симбирская губерния. 7 апреля здесь было получено отношение об открытии всероссийской подписки с приложением пяти подписных листов, а 21 апреля симбирский губернатор А.С. Ключарев выступил с воззванием, в тот же день растиражированным местными газетами. В нем, в частности, говорилось: «Каждому из нас известно, что мировая война вспыхнула из-за Сербии и Сербии же приходится испытывать на себе жестокие ее удары [...]. Сербская армия нечеловеческими усилиями сдерживает тевтонский натиск на ближний восток. И пока в соседней, освобожденной кровью русского народа, Болгарии правительство всячески облегчает врагам славянства натиск на истекающую кровью Сербию (как известно, по ряду причин Болгария выступила в войне на стороне Германии.– *С.С.*), долг всего русского общества,

без различия партий и направлений, протянуть братскую руку беззаветно мужественной славянской стране, являющейся передовым оплотом русского влияния на обильно политых русской кровью Балканах. Не останемся же в долгу перед многострадальным сербским народом, придем к нему на помощь своей посильной лептой» [1. Ед.хр. 1971. Л. 2].

За неделю до этого, 15 апреля, губернатор разослал подписные листы (четыре из пяти, один лист остался в губернском центре) по уездам. В послании Сызранскому городскому голове (ныне Сызрань – центр городского округа и муниципального района в Самарской губернии.– *С.С.*) А.С. Ключарёв просил «взять на себя труд по привлечению состоятельных сызранских граждан к денежным пожертвованиям на помощь родственной всем нам Сербии» [1. Ед.хр. 1971. Л. 4]. И далее, полагаясь на авторитет градоначальника, губернатор выразил надежду, что сумма пожертвований будет значительной. К сожалению, чаяния его не оправдались, один из богатейших уездов прислал на благие нужды всего 100 рублей.

Аналогичная просьба «принять на себя труд по сбору пожертвований среди зажиточного класса» была направлена исправнику Алатырского уезда (ныне Алатырь – райцентр Чувашской республики.– *С.С.*). В послании помимо всего прочего сказано: «Зная, что Алатырь не беден добрыми людьми, имеющими залежную копейку, я во всяком случае рассчитываю, что приток денежных пожертвований выразится вероятно в сумме не менее одной тысячи рублей» [1. Ед.хр. 1971. Л. 5]. Снова расчет губернатора оказался ошибочным – сумма пожертвований по Алатырскому уезду составила 522 руб. 40 коп.

Еще одно прошение с подписным листом было направлено исправнику Курмышского уезда (ныне Курмыш – село в Нижегородской области.– *С.С.*): «Я глубоко уверен, что при достаточной с Вашей стороны энергии, удастся собрать не менее 500 (дописано поверх строки, в которой зачеркнуто 1000.– *С.С.*) рублей» [1. Ед.хр. 1971. Л. 7]. На этот раз задача оказалась выполненной – небольшой уезд прислал 601 руб. 70 коп. Еще 525 руб. 66 коп. были получены от Сенгилеевского исправника (ныне Сенгилей – райцентр Ульяновской области.– *С.С.*). Сбором пожертвований в этот раз не были охвачены крупнейшие уезды губернии Карсунский и Симбирский, однако, обусловлено это, очевидно, их задействованностью в иных военных расходах.

Не остался в стороне и губернский центр. В музыкальной школе А.И. Каблуковой в пользу Сербии был проведен утренник (музыкально-вокально-патриотическое утро), исполнялись гимны России, Франции, Великобритании, Бельгии, Сербии, Черногории, а также Болгарии и Японии. Благотворительный сбор составил 20 рублей [1. Ед.хр. 1971. Л. 19]. Губернатор А.С. Ключарёв внес 10 руб. 50 коп., еще 10 руб. дал потомок прославленного гусара, действительный статский советник Н.Н. Давыдов. Вице-губернатор А.В. Арапов пожертвовал 5 руб., городской полицмейстер, статский советник В.А. Пифиев – 3 руб., 1 руб. 50 коп. на двоих внесли жители Симбирска Боржо и Гаврилов. Еще 500 руб. внес статский советник Н.Я. Шатров, крупнейший симбирский фабрикант и купец. Взнос губернского центра составил 563 руб. [1. Ед.хр. 1971. Л. 17–18]

Сбор пожертвований предполагалось завершить к 1 мая, однако все уезды откликнулись с задержкой, 2 мая подписной лист с переводным билетом (квитанция на перевод денег) отправили алатырский и курмышский исправники (в Симбирске получено соответственно 8 и 11 мая); 7 мая откликнулся

Сенгилеевский исправник (получено 15 мая); уже после отправки основной суммы, 13 июня отправил свой ответ сызранский исправник (в Симбирске получен 16 июня). Все безоговорочно объясняют задержку военно-хозяйственными нуждами – приемкой лошадей для нужд армии, поставкой лошадей в войска.

Общая сумма может показаться незначительной и составляет 2 312 руб. 76 коп., но по губернской статистике она весьма существенна, заметно превышая сборы мирного, относительно благополучного времени. Для сравнения, в 1915 г. на помощь нашим военнопленным симбирским комитетом предполагалось выделить 1 тыс. рублей, а на строительство здравниц в Евпатории для больных воинов и их детей было выслано всего 100 рублей. Отстающая в промышленном отношении от соседних регионов губерния участвовала в военных поставках наравне со всеми: мобилизации, провиант, лошади (30–31 мая началась мобилизация промышленности в Симбирской губернии). Городские расходы в 1914 г. составили: по Сызрани – 660 тыс. руб. (при доходе за отчетный период 660 тыс. руб.), в Алатыре 119 тыс. (при доходе 82 тыс.), в Курмыше – 28 тыс. (при доходе 24 тыс.) и в Сенгилее 63 тыс. (при доходе 58 тыс.). Торговый экспорт губернии (основная статья – хлеб в зерне и муке) за 1914 г. снизился по сравнению с 1913 г. на 6 млн рублей. Недоимка по государственному поземельному налогу за 1914 г. составила 162 тыс. руб., губернский земский сбор также недополучен – из предполагаемых 423 тыс. руб. получено лишь 10 тысяч [2. С. 13–14]. По данным на 1 октября 1914 г. внесенных в призывные списки числилось 16 802 чел., из них освидетельствованию подверглось 12 871 чел., признано годными и внесено в приемную роспись 8157 человек [2. С. 16].

Еще одна дополнительная статья расходов – прием беженцев из северо-западных губерний. Только из первого миллиона беженцев в Симбирской губернии было принято 100 тысяч человек [1. Ед.хр. 2001. Л. 35]. Кроме того, помимо рассмотренного сбора, в губернии осуществлялись следующие меры поддержки: 4 января 1915 г. открыт Симбирский отдел общества повсеместной помощи пострадавшим от войны; 27 января – бесплатная столовая для детей воинов. Однодневные сборы пожертвований проводились 23 марта и 21 апреля; 23 апреля – день красного креста [3. С. 175]. Как бы то ни было, невзирая на трудности, Симбирск не мог не откликнуться на призыв о помощи братскому народу, 24 июня 1915 г. председатель Петроградского городского комитета по оказанию помощи Сербии граф И.И. Толстой направил симбирскому губернатору «глубокую благодарность за щедрое пожертвование» [1. Ед.хр. 1971. Л. 31].

Таким образом, можно констатировать: братство славянских народов не было в российской глубинке пустым звуком. В условиях мировой войны, губернии, отягченные мобилизационными и иными расходами, находят средства на помощь далекому народу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Государственный архив Ульяновской области. Ф. 76. Оп. 2.
2. Обзор Симбирской губернии за 1914 год. Симбирск, 1915.
3. Справочная книжка и адрес-календарь Симбирской губернии на 1916 год. Симбирск, 1916.

АЛЕСЬ ЧОБАТ И ЕГО «КРЕСОЛОГИЯ» («ЗЕМЛЯ СВ. ЛУКИ»)

© 2019 г. М.А. Ламм

Ведущий специалист Института славяноведения РАН

lamm.maria@yandex.ru

Статья посвящена анализу эссе А. Чобата «Земля св. Луки». Проанализировано значение для конструирования художественного пространства использования автором русского, польского языков и диалектов белорусского языка. Рассмотрены выраженные в тексте произведения особенности регионального мировосприятия и философии истории, а также историко-культурного взаимодействия Западной Белоруссии с Польшей и Россией.

The article is devoted to the analysis of A. Chobat's essay «The Land of St. Lucas». It examines the significance of the Russian, Polish and dialects of Belarusian for the construction of artistic space. Furthermore, it considers the features of the regional worldview and philosophy of history, as well as the historical and cultural interaction of Western Belarus with Poland and Russia as manifested in the text of the A. Chobat's essay.

Ключевые слова: кресы, Западная Белоруссия, литература пограничья, трансграничная литература, языковая игра, региональная литература, трансъязыковая игра, макаронизм.

Keywords: kresy, marchlands, Western Belarus, frontier literature, cross-border literature, regional literature, language game, cross-language game, Macaronism.

DOI: 10.31857/S0869544X0006204-7

Западная Белоруссия – особый регион, где в течение многих веков сталкивались культурные влияния России и Польши. В современной гуманитарной науке принято рассматривать Белоруссию в целом как зону пограничья, которую вслед за В.Л. Каганским можно определить как «смесь элементов соседних территорий с затоками далеких и инородных элементов» [1. С. 66]. Эта позиция вполне закономерна, однако в таком случае Западная Белоруссия, часть того пространства, которое в польской традиции называется «Kresy Wschodnie», становится пограничьем в пограничье: зоной наиболее неопределенной в этническом и географическом плане. Влияния различных традиций нашли отражение в формировании особой самобытной культуры региона, эти процессы также проявились в местной литературе. Особенно интересным в этой связи представляется изучение проявления пограничья культур в литературе позднесоветского и постсоветского времени. Здесь ярко проявился феномен архаического сознания, свойственный для региональной литературы пограничного

региона. Региональная литература «сохраняет в себе национальное своеобразие как в форме, так и, особенно, в содержании – в ценностных ориентирах: в осмыслении назначения человека, устройства жизни» [2. С. 69]. Для литературы польско-белорусского пограничья одной из важнейших тем является характерное для этнической литературы стремление «к осмыслению ментальных основ народа [...], его исторических судеб» [3. С. 26]. Эта проблематика занимает важное место в тексте рассматриваемого произведения.

Алесь Чобат (род. 23.08.1959 г.) – белорусский поэт, переводчик с польского языка, основатель «теоретической кресологии». Проблеме генезиса западнобелорусской идентичности, места родного региона в истории и культуре русских, белорусских, украинских и польских земель посвящены многие его произведения. Наиболее яркое и полное выражение взгляды А. Чобата на историческую судьбу Западной Белоруссии нашли в эссе «Земля св. Луки», вышедшем отдельной книгой в Польше в 2002 г. на белорусском языке, а в 2003 г. на польском. До этого отдельные части эссе «в течение пары лет» [4. С. 1] выходили в журнале «Czasopis». Известный белорусский писатель из Белостока Сократ Янович написал для этой книги предисловие, где, в частности, отметил, что, вероятно, «не было бы такого сильного впечатления, если бы история Белоруссии не оказалась под одновременным давлением истории России и Польши. И сегодня она вылупляется на свет Божий как трава сквозь трещины в асфальте» [4. С. 1]. Янович назвал «Эссе святого Луки» уникальной книгой. Это действительно так, несмотря на очевидную близость текста к традициям как западнобелорусской, так и польской исторической эссеистики, где «автор часто становится одним из героев в том смысле, что он постоянно информирует читателя о своих поисках, отбрасывает ошибочные гипотезы, комментирует источники и т.п.» [5. С. 192].

Структурно эссе «Земля св. Луки» разделено на четыре части и эпилог, каждая часть имеет собственное название. Первая часть – «Земля св. Луки» содержит подзаголовок «Основы современной кресологии. Часть первая». Вторая часть эссе – «Colchozum veto», третья часть – «Земля Обещаний», четвертая – «Маленький скрипач». Части различаются по тематике и объему. В основе текста – принцип индукции: из множества отдельных частностей выводится общее: региональное и национальное.

Первая часть эссе повторяет его название, подчеркивая основную мысль автора и определяя толкование смысла. На знаковом уровне название «Земля св. Луки» могло бы отсылать и к истории края, и к его современному бытованию, однако А. Чобат пишет о провинции, о регионе, существующем в собственных культурных традициях, образующим, по формулировке В.Л. Каганского, «полноценное культурное бытие» [1. С. 80]. Именно это полноценное, но абсолютно неоднородное и ни в коей мере не единое, но все же общее культурное бытие А. Чобат изображает в своем эссе, создавая, по сути, историко-мифологическую карту трансграничной реальности, не принадлежащей в полной мере ни к одному из окружающих пространств.

Автор с самого начала подчеркивает, что эссе посвящено истории края, у которого по определению нет единой истории: «один читал про “Западную Россию”, другой – про Речь Посполитую, третий – о Великом Княжестве, четвертый “жэ ту бэньдзе Польска, поневаж так было пшэд войном!”, пятый распинается, что революция 1917 года была ошибкой, шестой жалуется, что “развалили такую страну”, а все это вместе в Минске называется Республикой Беларусь, а в Варшаве – Кресами. Мы же живем посередине, куда редкий

человек отваживается зайти – и не президент Лукашенко тому причиной, поскольку так было задолго до его правления. Ну что ж, Кресы – пусть будут Кресы. А наука о них будет называться: кресология – это чтобы поддержать интеллектуальный уровень беседы! – с разделением на психокресологию, геопсихологию и др.» [4. С. 3]. Этими словами завершается символическое введение – начало первой части текста, после которой следует подзаголовок «Основы современной кресологии. Часть первая». Эта символическая черта знаменует переход от образно-метафорического осмысления к историческому.

В исторической части А. Чобат также подчеркивает личностное восприятие событий и явлений. Так, Ягеллонский университет становится у него «Ягелонкой», причем автор даже шутливо предлагает переименовать его в «Ядвижанку», «ведь наш Ягайло до конца жизни был неграмотным» [4. С. 24]. При этом, по мнению Чобата, из Ягеллонского университета подлинных интеллектуалов не выходило, скорее школяры утрачивали идентичность: «если кто из наших доезжал только до Кракова, то по возвращении домой так и оставался с польским языком, а если же кто после Ягелонки ехал еще дальше и там видел, что на Польше Европа не заканчивается, то он, после возвращения домой, говорил по-белорусски, а писал на латыни – так тогда вся Европа писала!» [4. С. 24]. В пример автор приводит Н. Гусовского и Ф. Скорину. Первая часть завершается манифестом существования: «это и есть Кресы. И никуда они – оказывается – не исчезли, потому что Кресы – это люди, это архетип. Нет ни ВКЛ, ни Речи Посполитой, ни Советского Союза, ни Российской Империи, а Кресы есть» [4. С. 122]. «Первая часть» основ современной «кресологии» доходит до постсоветского времени, второй части в эссе нет, вероятно, этот подзаголовок означает надежду А. Чобата на то, что она все-таки будет написана, тем более что эту мысль автор в тексте эссе высказывает.

Вторая часть эссе – «Colchozum veto» – посвящена сегодняшнему дню, продолжению «советизации» региона, «колхоз» в Восточной Белоруссии и «colchoz» в Западной разведены в тексте графически, как разводятся «классический колхоз» и современный «colchoz». Автор рассуждает о социальном, экономическом и политическом положении страны и региона.

Третья часть – «Земля Обещаний» – единственная из всех частей эссе начинается не с евангельской цитаты. Зачином служит рассуждение о девизе Великой французской революции – «Свобода, равенство и братство», а также о современной трансформации этих понятий. И, по аналогии, о трансформации иного рода: «вместо Земли Обетованной тут выбрали Землю Обещаний» [4. С. 139]. Обещание Чобат рассматривает как особый культурный феномен: «Обещанки – наиболее эстетически чистый жанр речевого и письменного искусства. Все можно кое-как обработать ремеслом при некоторой поддержке разума и совести. Обещанки признают только природный дар [...]. Мастерство обещания базируется на полном отсутствии какого-либо содержания» [4. С. 139]. В этой главе автор пишет об архаическом сознании, где опора на обычай подменяет опору на принцип справедливости. «Кресы не имеют аналогов. Ни с какой страной. Нигде нет такого столкновения истории и современности, нигде сегодняшний день не отождествляется со вчерашним, а давно минувший – с завтрашним. Поэтому разговоры о том, что Белоруссия пойдет “европейским путем”, “польским путем”, “российским путем” абсолютно беспочвенные – никуда она не пойдет, будет сидеть и ждать» [4. С. 152].

Четвертая часть – «Маленький скрипач» – логически завершает текст. Чобат изображает Гродно как провинциальный город, где никого не волнуют ни

Бетховен, ни даже «Полонез» Огинского. Архаичность провинциального сознания, его самозамкнутая целостность воспринимаются автором трагически: «народ на Кресах европейский, но не цивилизованный, так как опаздывает за Европой лет на двести. Угол, клан и семья по-прежнему выше некоей “абстрактной” Отчизны» [4. С. 170]. Он с горечью описывает равнодушие большинства к судьбе родины и региона, предполагает, что его голос не будет услышан, однако все же считает необходимым высказаться. «На этом заканчиваются записки человека, который сам с Кресов и пишет про Кресы» [4. С. 178]. Действительно, «теоретическая кресология» закончена, однако автору остается сказать еще несколько слов.

Эпилог – единственная часть текста, обращенная непосредственно к белорусам, вне зависимости от их географического положения и места проживания. Чобат здесь пишет о национальном самосознании, подчеркивая, что всю историю Белоруссии пишут до 1918 г. «Потом – как будто не было ничего. Ни большевиков, ни БССР, ни «санации», ни Второй мировой войны, ни тех индустриализаций, коллективизаций, ни культурной революции... Хотя именно эпоха 1919–1991 современную белорусскую нацию и сформировала» [4. С. 179]. Проблема исторической памяти, тесно связанная с памятью личной, для Чобата – основа не только национального, но и человеческого вообще: «когда мне тяжело, от болезни или от беды, то встает перед глазами одно и то же: течение Немана и Гавьи, бесконечный, выжженный солнцем луг, старицы, кустарники, красный диск садится за близкой дорогой... Не знаю, почему так. Но от такой памяти мне легче. Поэтому и живу. Не может человек жить без памяти. Не человек это уже, а нелюдь» [4. С. 183]. Композиция закольцовывается, возвращаясь от исторического осмысления к образно-метафорическому: «то, что нынешние советские белорусы полагают за лишнее – это не лишнее, это называется душа. А без души гниет тело. При любом “благополучии”. Не может человек без души. Не бывает нации без человека. История же всего лишь только список человеческих глупостей. Потому история нужна. Ибо это то же самое, что для врача история болезни его пациента. Потому и не жалею, что кусок своей жизни положил на “Землю святого Луки”. Жизнь же коротка. Родина вечна» [4. С. 183].

По стилю текст является художественно-публицистическим, более интимным, чем литературным в нормативном смысле этого слова. Кроме того, присутствует значительное количество эмоциональных маркеров: риторические вопросы и восклицания, многоточия – на синтаксическом уровне, использование красочных эпитетов и разговорных слов – на уровне лексики. Это усиливает провокационный пафос произведения, подобно фельетонам и эссе Ст. Цат-Мацкевича, польского политического деятеля и публициста, произведения которого вызывали «полемику, а часто и читательский протест в связи с субъективными обобщениями исторических фактов» [5. С. 194]. В тексте Чобата подчеркивается личностное восприятие автором описываемых событий путем введения в повествование реплик от первого лица вроде «я уже запутался», «но я и теперь убежден», «клянусь честью кресолога!» и пр. Подсказкой интерпретатору выступает здесь замечание, высказанное А. Чобатом на первых страницах эссе: «Не поддаются законам природы история и литература. Ничего не знает человек о самом себе» [4. С. 4]. Таким образом, текст – о себе, о своей земле и ее истории, о «своем восприятии реальности» и о коллективной исторической памяти, которую часто подменяет собой идеология. Как пишет об этом Чобат, «вместо истории фактически предлагается идеология – у одних одна, у других – другая» [4. С. 168].

В этой связи название эссе, «подсвеченное» фамилией президента страны, приобретает дополнительный смысл. Фамилия лидера (нередко в игровой манере) многократно упоминается в тексте. Возникает игра слов, рассчитанная на достижение в ряде ситуаций комического эффекта. Чобат вводит в текст 94 евангельские цитаты. Графически они выделяются курсивом и написанием с новой строки, а также нормативно оформленным указанием источника, однако пунктуационно вплетены в текст. Так, цитата служит началом зачина первой части: «Как уже многие начали составлять повествования о совершенно известных между нами событиях[1] (Лк 1:1), то и я начну с повести про скудель» [4. С. 1]. Контекст позволяет принять максимально широкое толкование слова «скудель»: «земля, прах, тлен; все земное, непрочное, смертное или преходящее» [6]. Чобат подчеркивает значимость этого образа, обыгрывая фонетическую близость слов «скудель» и «Скидель»: «на самом деле все так же просто, как жизнь и смерть – и тот Скидель – это и есть та самая скудель, обитель мертвых, что все еще живы, либо обитель живых, которые давно уже мертвы» [4. С. 2]. Скидель – родной город Чобата, расположенный в 25 км к востоку от Гродно, сегодня имеет статус города-спутника областного центра.

С евангельской цитаты начинается каждая часть эссе, кроме третьей, однако цитаты от Луки присутствуют и в ней. Тем не менее текст нельзя назвать ни богословским, ни духовным: он не устремлен к вере. Евангельский код выступает как культурно-историческая основа, как иллюстрация сложного пути региона, но не в контексте проповеди. Возможно, свою роль здесь сыграла специфика цитируемого текста: Евангелие от Луки наиболее универсальное, оно адресовано новообращенным христианам из язычников, далеких от реалий иудаизма, а жизнь Иисуса представляется максимально исторично. Адресат этой библейской книги не случаен. Христианство, которое по своей сути должно было стать религией объединения, в Западной Белоруссии стало разъединяющей силой: «как на Кресах редко менялись социальные порядки за последнее тысячелетие, так же часто менялась их душа и вера. После язычества затянутое на века крещение, при этом сразу одни в православие, другие в католичество, а этому еще сопутствовало перекрещивание. Потом полный хаос и так называемая поликонфессиональность, потом дополнительный религиозный раздел с помощью Унии; потом новое обращение униатов в православие с попутным отходом части их в католичество» [4. С. 126]. Гораздо с большей симпатией Чобат пишет о язычестве.

По наблюдению польского исследователя Б. Хадачека, белорусы на Кресах «характеризовались глубокими связями с дохристианской культурой» [7. S. 14], об этом писал также польский поэт Винцентий Поль в «Песни о земле нашей», пишут об этом и современники Чобата: А. Карпюк, Д. Бичель. Рассуждение о силе языческих корней региона присутствует и в «Земле св. Луки»: «И все же интересно – язычнік (курсив мой.– М.Л.) или паганін? Дело в том, что летописные пагане – это некие степняки, некие печенеги, половцы, татары [...], язычніки же это те, кто с точки зрения христианина должен, но не хочет принимать крест [...]. Значит, был некий народ, часть которого во время жизни наших летописцев приняла христианство, а часть нет. Что же это за народ и где он был? [...]. Подсказку дает лексика – есть язык, а есть “мова”, при этом термин “мова” сохранили только белорусы (наряду с ними украинцы, в некотором смысле потомки тех жителей Белоруссии, что побили татар в XIV веке

[1] Евангельские цитаты приводятся здесь в Синодальном переводе.

и колонизировали нынешнюю Украину). Язык же пришел сюда вместе с Кириллом, Мефодием, греческими миссионерами, означал он “мову книжную”, что значит речь христиан-проповедников» [4. С. 14].

Тема языка поднимается также в контексте полонизации и русификации региона, при этом Чобат описывает восприятие русского и польского языков: «так пусть привыкают, что и “говорок” их можно печатать, а там и до “польшчизны” дойдет – “говорок” это же не язык, а диалект... Пусть докатятся до фатальной ошибки: что на польском “język” что-то высокое, а “язык” и “говор” почти то же самое» [4. С. 52]. Подобным же образом происходила на Кресах русификация: «позже советы с помощью местных недоумков делали здесь русификацию! В результате нынче имеем не два “языка”, не полтора, не даже один и семьдесят пять сотых. Царит псевдоязык – трасянка, животный корм, трасянка сена с соломой» [4. С. 75]. С проблемой языка тесно связан пласт идентичности. Как пишет об этом гродненская поэтесса Данута Бичель, «на пересечении границ, народов, культур и языков, где язык нашего выбора большинство всерьез не принимает, словно наш язык есть какая-то тень, где люди никак не могут разобраться, кто они – белорусы или поляки, поэтому разговаривают по-русски» [8. С. 6]. В результате этих процессов, по мнению Чобата, происходит возникновение «“нового народа”, который сущ”»! Ничем формально это не отличается от “поляколитвинов”, только что там полонизировалась знать, а тут русифицировались люмпены» [4. С. 49].

В тексте эссе можно наблюдать характерное для творчества Чобата в целом смешение русского, белорусского и польского языков. Ю.А. Лабынцев и Л.Л. Щавинская, исследуя народную культуру белорусско-русско-украинского пограничья, отмечают, что «“человек пограничья” и тем более “человек межграничья” находится в особой этнокультурной и этноязыковой ситуации» [9. С. 258]. Язык и культура региона становятся основными опорами региональной идентичности, у А. Чобата язык выступает средством региональной имагологиии: так маркируются «чужие» или чуждые действия конкретных лиц, при этом авторское восприятие «своих» и «чужих» остается крайне субъективным. Например, Ю. Пилсудский, детство и юность которого прошли в Виленской губернии на территории современной Литвы, в тексте эссе говорит на белорусском языке «как сын этой земли» [4. С. 58], на нем же Екатерина II обсуждает будущее Кресов со своими советниками [4. С. 33–34], на белорусском языке Чобат цитирует А. Чехова [4. С. 136]. Но когда речь заходит о конфискации поместий, то «Аляксандр II дзіка ўзрадаваўся і падмахнуў рэзалюцыю: “Делайте все, что считаете нужным...”» [4. С. 42], или «На тым жа стаяла і АК – tu będzie Polska, ponieważ tak było» [4. С. 109]. Встречается также смешение всех трех языков в одном предложении: «прыйдзе, вось, немец ды паесць тых і тых, так што пакуль кожны з тых двух бакоў заняўся сваімі справамі, галоўным чынам, вынішчэннем konfidentyw і “предателей”, гэта значыць, людзей на нямецкай цывільнай службе, напрыклад, настаўнікаў або чыгуначнікаў» [4. С. 108], где основной текст написан на белорусском языке, а маркировка «враждебных» групп – на польском и русском.

Смешение языков возникает и в рассуждениях о выборе пути. Так, интересно оформлено неприятие колхоза, который пишется не просто на латинице, но и на латинский манер: «но на Кресах не просто народ, на Кресах colchoz. И тот закон, что народ никогда не ошибается, коротко выражается формулой colchozum veto» [4. С. 126]. При этом «класічны “калхоз” у савецкай частцы Беларусі» [4. С. 134]. Белорусское слово «калгас» встречается в тексте, но на

бытовом уровне: «экспансія камуністычна-калгаснага ладу» [4. С. 125], «і так яна карпела ў калгасе!» [4. С. 84]. «Калхоз» на трасянке встречается трижды, в сатирическом контексте, всегда заключается в кавычки: «Но чем больший “калхоз”, тем меньший уход» [4. С. 128]. Еще интереснее выглядит рассуждение о национальной самокритичности: «Альбо, як Мікалай Гогаль пісаў, “над кем смеетесь – над собой смеетесь” (польскі варыянт: “miałeś, chamie, złoty róg, ostał ci się jeno sznur!”). А дзе беларускі варыянт пра тое самае?» [4. С. 179]. Этот художественный прием позволяет ввести русскую и польскую культуры в региональную картину мира, не принимая ни одну из них как существующие константы.

Нельзя сказать, что А. Чобат сообщает какие-либо новые факты об истории края: ценность эссе «Земля святого Луки» не в этом. Рассматриваемый текст уникален именно интимностью восприятия, личностной окраской. Это взгляд на известные факты изнутри, попытка их оценки там, на границе влияния различных культурно-идеологических центров, вне контекста официальной истории какого-либо из государств. В извечный межэтнический конфликт пограничья Чобат вводит новую силу. Так, рассуждая об одном историческом деятеле, автор пишет, что он «действительно не был поляком, но вряд ли был и белорусом – скорее коммунистом [...]. Это только начиналось тогда, усилилось позднее, а существует и сегодня» [4. С. 38]. Собственно, говоря о русификации региона в XX в., Чобат подчеркивает, что «повсеместную “русификацию” Кресов правильнее назвать повсеместной советизацией» [4. С. 74].

В эссе А. Чобата «Земля св. Луки», таким образом, можно наблюдать отголоски аксиологического кризиса 1990-х годов, когда «одним из важнейших элементов нового литературного языка стали ироническая демонизация и маргинальная карнавализация» [10. С. 117] советской и постсоветской действительности. Необходимо отметить, что именно в советский период на этих территориях стало возможным преподавание и образование на белорусском языке. Продолжалось также развитие белорусской литературы: творили В. Быков, А. Карпюк, Д. Бичель и др. Именно полемичность данного эссе и его нарочитая субъективность особенно характерны для новейшей литературы региона, поскольку в тексте поднимаются проблемы неоднозначной исторической памяти и национальной идентичности, переосмысление которых невозможно в одночасье. Осмысление перехода от интернациональной советской модели мира к регионально-этнической занимает важное место в творчестве Чобата.

Эссеистика в творчестве Чобата опирается на традиции польской «рефлектирующей» прозы, для которой характерно обращение к эссе как к «гипкой и многогранной литературной форме», которая позволяет в свободной манере обсуждать и оценивать общезначимые темы из духовной жизни своего времени. Эссеистика была для прозы своеобразным опытным полигоном, проверкой тех или иных интеллектуальных моделей мира, воплотившихся затем в иных жанрах» [5. С. 191–192]. Ассоциативно сравнивая эссеистику Чобата с психологической прозой Достоевского, С. Янович отмечает, что «начала подобного жанра в нашей литературе видятся в творчестве Юрки Витьбича, затем Геннадия Сагановича с его “Неизвестной войной”. Что-то близкое к ним в рассказах-эссе Владимира Орлова» [4. С. 1]. Стоит также отметить некоторое сходство с исторической эссеистикой А.Н. Карпюка и, отчасти, с исторической прозой В. Пикуля. Интересно, что в литературной эссеистике намного ярче проявились традиции советской литературы того времени, где документальное начало преобладает над художественным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Каганский В.Л.* Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. М., 2001.
2. *Гурленова Л.В.* Ментальность современной русской литературы (региональный аспект) // Литература Урала. Екатеринбург, 2006.
3. *Куликова И.М., Артамонова В.В.* История и современность в изображении этноса в региональной литературе // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2010. № 3.
4. *Чобат А.* Земля св. Лукі. Krynki; Białystok, 2002.
5. *Хорев В.А.* Польская литература XX века. 1890–1990. М., 2009.
6. Толковый словарь живого великорусского языка. Электронный ресурс. URL: http://slovard-alja.net/word.php?wordid=37961 (Дата обращения: 27.10.2018).
7. *Hadaczek B.* Historia literatury kresowej. Krakow, 2011.
8. *Бічэль-Загнетова Д.И.* «Сэрца людское яднаецца з сэрцам сусвету...»// Карпюк А.Н. Развітанне з ілюзіямі. Гродно; Вроцлав, 2008.
9. *Лабынцев Ю.А., Щавинская Л.Л.* Народная культура белорусско-русско-украинского пограничья и ее читатель// Человек-творец в художественном пространстве славянских культур. М.; СПб., 2013.
10. *Даніленка С.І.* Спецыфіка сацыяльнай міфатворчасці ў постсавецкай беларускай літаратуры ў кантэксце яе інфернальнай вобразнасці//Русская и белорусская литературы на рубеже XX – XXI вв.: сборник научных статей. В 2 ч. Минск, 2007. Ч. 2.

ЦВЕТ В НОМИНАЦИЯХ РАСТЕНИЙ В ЮЖНОСЕРБСКИХ, ЗАПАДНОБОЛГАРСКИХ И МАКЕДОНСКИХ ГОВОРАХ

© 2019 г. А.И. Чиварзина

Аспирантка, младший научный сотрудник Института славяноведения РАН

mss-vah@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке РНФ по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования», № 17-18-01373.

В статье приводится анализ названий растений, встречающихся в южносербских, западноболгарских и македонских диалектах по материалам словарей региона. Несмотря на географическую близость рассматриваемых говоров и множество соответствий между ними, выявляются и специфические черты конкретных языков и диалектов. Особое положение западномакедонских говоров подтверждается на материале цветообозначений в названиях растений, противопоставляющем эту область остальной балканославянской зоне.

The article provides an analysis of the phytonym nominations found in the southern dialects of the Serbian language, western Bulgarian and Macedonian dialects based on the dictionaries of the region. Despite the proximity of the transitional dialects under consideration and multiple correspondences, the specific features of certain dialects are also revealed. The exceptional position of the western Macedonian dialects is supported by the material of phytonyms with color terms, opposing this area to the rest of the Balkan Slavic zone.

Ключевые слова: фитонимы, цветообозначения, балканские языки, славянские языки, славянские архаические зоны.

Keywords: phytonyms, color terms, the Balkan languages, the Slavic languages, Slavic archaic zones.

DOI: 10.31857/S0869544X0006214-8

Сербско-болгарско-македонское пограничье характеризуется не только переходными говорами трех балканославянских языков, но и сохранением на этой территории архаических черт в традиционной культуре и языке. Предполагая найти архаические элементы на материале цветообозначений, мы обратились к лексике растительного мира в исследуемом регионе. В статье предлагается рассмотреть наименования садовых и полевых растений, встречающиеся в южных диалектах сербского, западных диалектах болгарского и в говорах македонского языков, на материале диалектных словарей региона, а именно: Н. Живкович «Речник Пиротског говора» 1987 [1], «Речник косовско-метохиског дијалекта» 1932 [2; 3], М. Златанович «Речник говора југа Србије» 2014 [4], Ф. Десподски «Речник на говора на село Логодаж, Благоевградско» [5], А. Младенов

«Трънските думи. Речник на регионалния говор» [6] и др., а также использовались исследования М. Киш из области диалектной растительной лексики [7]. Данные словари фокусируются преимущественно на лексике конкретных населенных пунктов, что дает возможность сопоставить материал близких говоров. Ранее подобных сопоставительных исследований на южнославянском материале не проводилось.

В названиях растений и их плодов цветообозначения встречаются достаточно часто, но непоследовательно по языкам и диалектам. В каких-то говорах уделяется внимание именно цвету, а в других выделяются иные характеристики этого же растения. В качестве иллюстрации такой непоследовательности можно сравнить фитонимы, приведенные в македонско-французском словаре растительных терминов. В македонском словнике часто дается целый ряд наименований одного растения: мак. *модра слива*, *сина слива*, *јасенка* – слива; мак. *црн слез*, *див слез*, *голем слез* – мальва лесная; мак. *шимшир*, *бус*, *зеленец* – самшит и т.д., что позволяет использовать македонскую часть словаря в настоящем исследовании [8. С. 38, 49, 52]. Среди наиболее известных литературных названий одного растения некоторые номинации характеризуют фитоним по цвету как самому отличительному признаку.

Цвет в названиях растений носит относительный характер. Одно и то же цветообозначение в зависимости от объекта приложения может обозначать разные оттенки. Например, ю.-серб. *белвица* (Безуйе) [1. С. 7] – сорт сливы – цвет плода этого растения ближе к желтому, нежели к белому отрезку спектра, однако в сопоставлении с более темными оттенками (близкими фиолетовому и черному) сливу в этом говоре принято называть белой. Словарные толкования названий других растений также свидетельствуют о непостоянстве цвета: ю.-серб. *бел̏ица* (Каменица): 1. *шљиве бледожуте боје* «сливы светло-желтого цвета»; 2. *врста брескве која с једне стране има розе боју* «вид персиков, которые с одной стороны розового цвета» [9. С. 346]; з.-болг. *црънослѝфка* (Логодаж) – *вид слива с дребни кръгли темносини плодове* «сорт сливы с мелкими круглыми темно-синими плодами» [5. С. 359]. Названия тутового дерева з.-болг. *белви́ца* (Влахи – Санданско), *беловица* (Мачово) так противопоставляются обозначениям дерева этого же рода, но с темными плодами болг. диал. *черница*, *черничка*, *муренка* и др [7. С. 35–36]. Согласно этимологическим словарям, термин **čьrnica/*čьrnika* известен в большинстве славянских языков и может обозначать не только шелковицу, но и ежевику, чернику, черешню, грушу [10. S. 230–231; 11. S. 277–278; 12. С. 151–152]. Помимо очевидной внутренней формы наименования от *черн* «черный», название вида растения может конкретизироваться цветом: мак. диал. *бела черница* для Morus alba и мак. диал. *черна черница* для Morus nigra [7. С. 29].

Некоторые названия растений включают также коннотации, свойственные тому или иному цвету: ю.-серб. *бе́ла буди́нка* (Копаньане) – *врста лепе јабуке* «сорт красивых яблок» [4. С. 45–46] – здесь белый цвет выступает в своем традиционном значении чего-то положительного, чистого и красивого [13. С. 151]. Ю.-серб. *це́рна черве́нка* (Вранье) [4. С. 726] – вид винограда букв. «черная краснушка» и мак. диал. *црнаквица* (Пореч е) [7. С. 31] – *вид цреша со црно-црвен* плод «сорт черешни с черно-красными плодами» – черный выступает в этих примерах усилителем насыщенности цвета, доведенной до предела, т.е. «темно-красный плод»: *Од це́рну черве́нку не́ма по́слатко гро́зје* «Нет более сладкого винограда, чем *черна черве́нка*» [4. С. 726]. А в названии з.-болг. *чръноп̏рица*, *чръноп̏рица* (Рабиша) – пырей – цвет подчеркивает негативные коннотации,

ассоциируется со «смертью» культивируемого растения, которое соседствует с ним: *Лойзето не може да вирее от таа пуста чрънопирица* «Виноград не может виться от этого проклятого черного пырея» [14. С. 232, 237].

По материалам диалектных словарей юга Сербии, юго-западной Болгарии и Македонии цвет наиболее часто встречается в характеристике плодово-ягодных культур. Ниже приводятся некоторые примеры наименований:

1) названия растений с плодами светлых оттенков маркируются белым цветом: ю.-серб. *бе́лвина* (Пирот) [1. С. 7], *бе́лка* (Преображенье) [4. С. 47] – виноград; з.-болг. *бѐлвица* (Логодаж) [5. С. 16] – слива или черешня с желтыми плодами; ю.-серб. *белȍслива* [2. С. 40–41], з.-болг. *бѐловица* (Трын) [6. С. 33], *бѐлавица* (Доброславци) [15. С. 79], з.-мак. *белица* (Букойчани – Кичевско) [7. С. 29] – слива; ю.-серб. *белви́ца* (Преображенье) [4. С. 45] – сорт крупных лесных ягод; ю.-серб. *бели́ца* (Станце) [4. С. 46] – сорт светлых яблок;

2) названия растений с плодами желтых оттенков маркируются по признаку желтого цвета: ю.-серб. *жлѝтка* (Пирот) – слива [1. С. 39]; ю.-серб. *жутуна́ц* (Големо-Село) [4. С. 189] – груша;

3) оттенки зеленого: ю.-серб. *зелени́ца* (Кунево) [4. С. 219], *зеленьц* [16. С. 13] – груша; ю.-серб. *зелени́че*, *зелени́ка* (Думбия), *зелењáча* (Масурица) [4. С. 219] – яблоко;

4) оттенки красного: ю.-серб. *црвењу́ша* (Пирот) [1. С. 167], з.-болг. *цръвѐнка* (Логодаж) [5. С. 358] – груша; ю.-серб. *црве́нче* (Кочур) [4. С. 724] – яблоки;

5) оттенки черного: ю.-серб. *црни́ца* (Пирот) [1. С. 167] – черешня; ю.-серб. *цр̑нка* (Сеяце) [4. С. 726], *црни́на* (Каменица) [9. С. 670] – виноград; з.-болг. *цръносли̑фка* (Самоков) [17. С. 378] – дикая слива;

6) оттенки синего, фиолетового: з.-болг. *модрица* (Трын) [6. С. 113], з.-мак. *синица* (Баништа – Дебарско) [7. С. 29], *сининка* (Гари – Дебарско, Држилово – Скопско), *синичка* (Стенье, Лескоец – Ресенско, Леска, Глобочани) [7. С. 93] – слива; з.-болг. *си̑нявъц* (Трын) [6. С. 178] – груша.

Также подробно представлен цветовой спектр в названиях садовых и полевых растений, включая сорта пшеницы:

1) названия растений светлых оттенков маркируются белым цветом: ю.-серб. *бели̑ја* [2. С. 39]; з.-болг. *бели̑а* (Самоково, Трын, Доброславци) [6. С. 33; 15. С. 80; 17. С. 33], с.-мак. *белица* (Куманово) [7. С. 167] – сорт пшеницы; ю.-серб. *бе́лча* (Долье-Жапско) [4. С. 48] – сорт белой кукурузы; ю.-серб. *белȍјка* [2. С. 4] – цветущая конопля; ю.-серб. *беломи́не* (Пирот) [1. С. 8] – растение с мелкими белыми цветами; ю.-серб. *трава́ белуши́на* [18. С. 278] – трава сердечница; ю.-серб. *белињáча* (Вишевце) [4. С. 46] – трава подбел;

2) по признаку желтого цвета называются: ю.-серб. *жлтени́ца* (Пирот) [1. С. 39] – луговая трава желтого цвета; ю.-серб. *жлѝта ра́да* [19. С. 31], *жу́та ра́да* – одуванчик: *Ба́ба ни рекла́ да бере́мо жу́ту ра́ду за ле́к* «Бабушка сказала нам собрать одуванчик для лекарства» (Каменица) [9. С. 398]; ю.-серб. *жлѝти ра́ван* [18. С. 77], з.-болг. *жлът равнѐц* (Самоков) – тысячелистник; и обобщающие: ю.-серб. *жу̑тњиковина* (Безуйе) [20. С. 63] – пожелтевшие растения; з.-болг. *жлъти́че* (Самоков) – полевой цветок, чистяк весенний: *Си̑чко се жлътна̀ло по пол'ѐто от жлъти́чѐта* «Все в поле пожелтело от желтых цветов» [17. С. 104];

3) по признаку зеленого цвета: ю.-серб. *зеленчи́ца* – молодая зеленая трава: *Чу д и́м да набе́рем за пра́сци и за коко́шће ма́лко зеленчи́цу* «Хочу набрать для свиней и кур немного травы» [16. С. 13];

4) по признаку красного цвета: мак. диал. *црвенка* (Штип, Кумановско, Тиквешко) [7. С. 166], з.-болг. *червѐнка* (Доброславци) [15. С. 803] – пшеница красноколоска; з.-болг. *цръвѐн катрио̀н* (Самоков) [17. С. 152] – травянистое растение с розовыми цветами, золототысячник;

6) по признаку синего, фиолетового: з.-болг. *мо̀драта* (Самоков) [17. С. 36], *синчѐц* (Доброславци) [15. С. 704] – полевой цветок, василек.

Только четверть зафиксированных цветообозначений относится к наименованиям овощей. В этом случае названия представляют собой словосочетания с прилагательным, обозначающим цвет, а однословные номинации встречаются редко. Цвет в названии растения появляется, чтобы конкретизировать сорт: з.-болг. *црвѐн*, *червѐн пѝпер* (Доброславци) [15. С. 803], ю.-серб. *а̂л бибе̂р* [2. С. 9] – красный перец; ю.-серб. *карабибе̂р*, *караби́бер* [2. С. 281; 21. С. 174] – черный перец.

Часто в цветовой характеристике нуждаются пасленовые, тыква, дыня, арбуз: ю.-серб. *белоко́рка* (Пирот; Ратайе-Крмоль, Каменица) [1. С. 8; 4. С. 48; 9. С. 346] – тыква; з.-болг. *ба̀лка*[1] (Логодаж, Самоков) [5. С. 13; 16. С. 28] – тыква; ю.-серб. *жути́ца* (Честелин) [4. С. 188] – тыква; и корнеплоды: з.-болг. *жлът чукунду̀р* (Драгошиново, Самоков) [17. С. 104] – сахарная свекла; з.-болг. *цръвѐн чукунду̀р* (Самоков) [17. С. 376, 385] – кормовая свекла; ю.-мак. *ца̏рве́на репа* (Ранци – Кайларско), мак. диал. *кочањ црвен, жолта репа* [7. С. 119–120] – морковь; ю.-серб. *бе́ли месеча́р* (Ново Село на Варденику), *бељáр* (Црна-Трава) [4. С. 46, 49] – сорт белого картофеля; ю.-серб. *црвењáк* (Несврта) [4. С. 724] – красный картофель.

Цвет имеет дифференцирующее значение для названий томатов и баклажанов, называемых одной и той же лексемой. «Синий/черный» баклажан противопоставлен томату, «красному» овощу: з.-болг. *син домат* (Трын), *модър патлицан* (Трын) [6. С. 113], мак. *црн патлицан* [23. С. 142], з.-мак. *ца̏рн патлицан* (Гостивар) [7. С. 145], ю.-серб. *мор патлицан* [2. С. 536] и з.-мак. *морски патлицан* (Гостивар, Тетово – от мор[2]) [7. С. 145] – баклажан; з.-мак. *царве́н патлица́н* (Гостиварско, Гоцеделчевско) [2. С. 536; 6. С. 144], ю.-мак. *черве́ни патлича́не* (Колендра – Серско) [7. С. 144] – томат. Лексема *патлицан* имеет широкое употребление и может использоваться для обозначения как баклажана, так и томата даже при отсутствии дифференцирующего прилагательного, что подтверждается словарными толкованиями [26. С. 545; 27; 23. С. 142] и примерами из художественной литературы: *Во градината собирам само црвени пиперки и патлицани, црвени јаготки и црвени јаболка* «В огороде я собираю только красный перец и помидоры, красную клубнику и красные яблоки» [28], где цвет интересующего нас овоща не обозначен, но он оказывается в одном синонимическом ряду с красными объектами.

При этом образные сравнения – мак., серб. *како патлицан* / болг. *като патладжан* – выступают с разными объектами сравнения: для серб. и мак. это томат (*Нос црвен како патлицан* [23. С. 142]), а для болг.– баклажан (*Нос като*

---

[1] Фонетическая форма диалектного слова связана с рефлексом *ě и с твердостью предшествующего согласного, ср. [22. С. 83].

[2] По одной из гипотез, происходит от / через грч. *μαυρος* ‘тусклый, темный’ [24. P. 84, 915; 25. С. 484].

патладжан. Разг. неодобр. «Очень большой нос, обычно фиолетовый (*синьо-червен*) от холода или пьянства» [27]). Лексема *домат* (мак., болг. ‘томат’) имеет меньшее распространение, фиксируется только в македонском и болгарском литературных языках и на территории македонских говоров в значении ‘баклажан’ не встречается.

По теории Б. Берлина и П. Кея, базовые цвета первых ступеней эволюции цвета (белый, черный, красный, желтый и зеленый, синий) предшествуют появлению цветов-смесей (серый, оранжевый, фиолетовый, коричневый) [29][3]. Среди встретившихся в названиях растений цветообозначений чаще всего используется именно группа первых базовых цветов, т.е. растения характеризуются как белые, черные, красные или желтые. Зеленый встречается преимущественно в значении общего цвета растительности[4]. Цвета, появляющиеся на последних этапах эволюции цвета, практически не представлены в названиях. Цвет моркови в диалектах определяется как желтый либо же как красный: ю.-мак. *жа̏лта репа* (Липинци – Кайларско), *ца̏рвена репа* (Ранци – Кайларско) [7. С. 120]. Эти два цвета лежат в основе оранжевого, которому по спектру соответствует оттенок конкретного корнеплода. Однако базового цветообозначения для оранжевого в рассматриваемых диалектах нет. Таким образом, на примере названия растения можно увидеть момент, до которого дошел процесс образования цветотерминов в языке.

В качестве средства создания номинации растений могут использоваться словосочетания с прилагательным, обозначающим цвет (з.-болг. *бела ченица* (Доброславци) [15. С. 79]), сложение основ (ю.-серб. *белокорка*, з.-болг. *црънослифка*), специальные суффиксы (*-ин*, *-к*, *-ош/-уш*: ю.-серб. *белвина* – сорт белого винограда, з.-болг. *балка* – сорт тыквы, ю.-серб. *белушина* – полевая трава), но наиболее часто фиксируются номинации с суффиксом *-иц*: з.-болг. *белвица*, *белавица*, *беловица*, ю.-серб. *белица* – сорт белой сливы; ю.-серб. и з.-болг. *црница* – черешня; ю.-серб. *жутица* – тыква. Т.И. Вендина отмечает, что в южнославянских языках суффикс *-иц*(*а*) может использоваться в совершенно разных семантических функциях (в том числе для образования ботанических названий) [33. С. 103, 109, 115]. Специализация суффиксов становится одним из главных критериев при решении проблемы дифференциации южнославянских языков по линии запад–восток. По этому признаку сербский (сербскохорватский), македонский и болгарский языки оказываются в восточной группе, противопоставленной западной группе, включающей словенский [34. С. 48–50]. Переходные говоры трех балканославянских языков демонстрируют словообразовательные возможности в области фитонимии. Это позволяет изучать сербско-болгарско-македонское пограничье как единый ареал, что соотносится с выводами об общности явлений на материале этнокультурных традиций [35. С. 285–300].

В качестве одного из способов создания номинации растений используется метафора. С одной стороны, обнаруживаются примеры с угадываемой

---

[3] Ср. толкования в словарях литературных языков: в болгарском языке – **кафя̀в**, *-а*, *-о*, *мн. -и*, прил. *1. Който има цвета на печено кафе – между жълт и черен; кафен.* «Цвета жареного кофе – между желтым и черным; кофейный» [30]; **наранцаст**, *-а*, *-о*. *Који има боју као наранџа (плод), црвенкастожут*. «Цвета апельсина (плода), красновато-желтый» [31. С. 773]; **виолетов** *adj што има боја на темјанушка*; *синоцрвен*. «Цвета фиалки; сине-красный» [22. С. 79].

[4] Обобщающее название – зелень – используется в диалектах сербского и болгарского языков для характеристики этого класса растений в целом: ю.-серб. *зеленчица* (Пирот) [1. С. 51], ю.-серб. *зеленко* [32. С. 117], з.-болг. *зеленило* (Самоков) [17. С. 124].

внутренней формой: например, для цветов красного цвета используются следующие названия: ю.-серб. *ба́бино румени́ло* (от серб. *румен* – румяный) [18. С. 18], ю.-серб. *пла́менче* (Вранье) (от серб. *пламен* – пламя, один из эталонов красного цвета) [4. С. 484]; для названия черного винограда: ю.-серб. *гаврани́ца* (Велико-Буштранье), ю.-серб. *гавра́нка* (Бунушевац) (от серб. *гавран* – ворон, птица черного цвета) [4. С. 98]; ю.-серб. *катра́нка* (Ратайе-Крмоль) (от серб. *катран* – смола, т.е. объект черного цвета) [4. С. 281]. С другой стороны, фиксируются названия, в которых цвет вообще не назван, но только подразумевается: ю.-серб. *дево́јачко ср̑це* (Вранье) букв. «девичье сердце», ю.-серб. *ле́пи Јова́н* (Вранье) букв. «прекрасный Йован» – красное яблоко. «Румяный», «красивый» выступают как маркеры красного цвета, который ассоциируется в традиционной культуре со здоровьем и красотой [4. С. 137, 341, 504; 36. С. 647].

Несмотря на географическую близость рассматриваемых говоров и множество соответствий между ними, выявляются и специфические черты конкретных языков и диалектов. Особое положение западномакедонских говоров в очередной раз подтверждается и на материале цветообозначений в названиях растений, который противопоставляет эту область остальной балканославянской зоне (ср. с выводами на материале лексики и реалий духовной культуры [35. С. 285–289, 296]).

Методом картографирования выделяется компактный ареал на македонско-албанском пограничье. При практически повсеместном употреблении в македонских диалектах дериватов от трн- в названии сливы Prunus spinosa (*трн*, *трнка*, *трнинка*) [37] здесь в номинациях этого растения используется исключительно корень *син-*: з.-мак. *синул'ка* (Горно-Косоврасти – общ. Дебар), *синатка* (Жировница – общ. Дебар), *синанка* (Ростуша – общ. Дебар), *синин-ка* (Гари – общ. Дебар, Држилово – общ. Скопье), *синичка* (Стенье, Лескоец – общ. Ресен, Леска, Глобочани – общ. Мала Преспа) [7. С. 93].

Материал находит подтверждение в индексах Общеславянского лингвистического атласа «Растительный мир» (Sl 429 'Один плод тёрна') [38. С. 154]. В населенном пункте под номером 90 (Лазарополе – общ. Дебар) фиксируется наименование ‹*sininka* (Prunus spinosa), в то время как на остальной картографируемой территории нет образований от корня *син-* для обозначения темного сорта сливы. Кроме того, по наблюдениям Т.И. Вендиной на материале уже первых томов Атласа (одного из лексико-словообразовательной серии («Животный мир») [39] и четырех из фонетико-грамматической серии) выделяются зоны с разной глубиной архаики [40–43]. Уже упомянутый населенный пункт 90, а также другие пункты – 93 (Теарце – общ. Тетово), 94 (Ракотинци – общ. Скопье), 97 (Звечан – общ. Македонски-Брод), 99 (Пештани – общ. Охрид) по данным этих томов принадлежат к зоне глубокой архаики [44]. Поскольку западномакедонские говоры, к которым относятся говоры вышеперечисленных населенных пунктов, находятся в непосредственном постоянном контакте с иноязычным и иноконфессиональным албанским населением, можно предположить высокую сохранность отдельных элементов системы языка и культуры как способ самоидентификаци (ср., например, сохранение термина славянского происхождения *наречници* ('демоны судьбы') в контактной зоне с греческим населением в противоположность грецизму *орисници*, урисници (от греч. *ορίζω* 'определить, установить'), бытующему на севере балканославянской зоны [45. С. 282]).

В группе фитонимов с компонентом цвета заимствования из других языков, и в частности из соседних балканских, встречаются редко. Особенно это

становится заметным при сопоставлении с корпусом животноводческой лексики этого же региона [46]. Пастушество на Балканах отгонного типа, и животноводческая лексика охватывает обширные территории полуострова, населенные разными народами. Лексика же, относящаяся к растениям, имеет более локализованный характер – языковая система не нуждается в материале соседних языков. Тем не менее следует привести эти редкие примеры заимствований.

Фиксируются корни из турецкого: з.-болг. *а̀лоф пипер* (Доброславци) [15. С. 64], ю.-серб. *а́лчица* (Големо-Село) [4. С. 19] – садовое растение (от тур. *al* ‘красный’); з.-болг. *карама̀нец* (Рабиша) [47. С. 90], ю.-серб. *карабâнка* [2. С. 280] – груша (от тур. *kara* ‘черный’), з.-мак. *карадутка* (Смилево) [7. С. 35–36] – шелковица (от тур. *kara* ‘черный’ и *dut* ‘тутовое дерево’); з.-мак. *мурвинка*, *мувринка* (Дебарско) – шелковица; ю.-мак. *мура* (Ранци – Кайларско), з.-мак. *муренка* (Струшко, Охридско), в.-мак. *морéјка / мурéјка* (Двориште) [7. С. 36; 23. С. 484; 21. С. 84, 915] – пшеница (от лат. *mōrus*, *mōrum* ‘тутовое дерево, ежевика’ или от/через грч. *μαύρος* ‘тусклый, темный’ [24. С. 84, 915; 25. S. 484]); з.-болг. *ту̀рта* (Доброславци) [14. С. 768] и ю.-серб. *ту́рунче* (Власе) [4. С. 676] – оранжевые цветы, бархатцы (ср. тур. *turunci* ‘оранжевый’, ю.-серб. *туру́нци* (Вранье) ‘оранжевый’ [4. С. 675], з.-болг. *алтарунджи̇̂еф* (Самоков) ‘оранжевый’ [16. С. 20]).

Фитонимы часто используются для характеристики других объектов по признаку цвета. Распространенной точкой зрения является то, что «вначале цвет передается опосредованно, путем указания на цвет соответствующих распространенных предметов или объектов природы» (*как молоко*, *как кровь*) [48. С. 323; 49]. Названия растений могут использоваться в качестве такого объекта образного сравнения (т.е. того, с чем сравнивают) – з.-болг. *црвен като бужур* «красный как пион», *црвен като йабалка* «красный как яблоко», *црвен като чукундур* «красный как свекла» (Доброславци) [14. С. 803]. Со временем от названий соответствующих объектов действительности «возникают слова, которые выполняют функцию называния цвета» [48. С. 323]. Например, в сфере цветообозначений известно, что происхождение таких лексем, как мак. портокалов ‘оранжевый’ (мак. *портокал* ‘апельсин’), серб. *поморанџест* ‘оранжевый’ (серб. *поморанџ* ‘апельсин’), мак. *виолетов*, мак., серб. *лилав*, *љубичаст* ‘фиолетовый’ (серб. *љубичица* ‘фиалка’, в.-мак. *л’ỳбичичка* (Судиќ), *л’ỳбичица* ‘фиалка’ (Штип) [50. С. 302], мак., болг., серб. *розов* ‘розовый’ (мак., болг., серб. *роза* ‘роза’) связано с названиями растений аналогичного цвета. Материал диалектов предоставляет примеры сходных дериватов, но уже от номинаций, свойственных конкретному говору. Таким образом, новое прилагательное образуется не от основного, базового цветообозначения, а от вторичного названия, характеризующего оттенок и привязанного к конкретному растению: з.-болг. *йа̀болкоф – Боедиса ми преждата йабалков цвет* «Она покрасила мне пряжу в яблочный цвет» (Доброславци) [14. С. 322]; ю.-серб. *конóпљес – У девóјче цр́ни óчи / о у мóмче конóпљести* «У девушки глаза черные, / а у парня – конопляные» (Мртвица) [4. С. 302].

Не всегда однозначна мотивация названия, в основе которого компонент цвета. Сорт пшеницы мак. диал. *морејка* в разных диалектах македонского языка трактуется по-разному: *морејка – вид пченица со црн клас* «сорт пшеницы с черным колосом» (Ваташа), *вид модра пченица со јадри класја* «сорт темной пшеницы с крупными колосьями» (Тиквешко); *мурејка – вид жолтеникава пченица* «сорт пшеницы желтоватого цвета» (Куманово); *мураіка* (Тетово) – вид пченица со бело зрно «сорт пшеницы с белым зерном» [7. С. 167].

Такое использование одного и того же корня в совершенно противоположных значениях в разных говорах обусловлено заимствованным характером лексемы, которая изначально предназначена для обозначения темных оттенков цвета [21. С. 84, 915].

Несмотря на то что цвет позволяет носителю легче распознать и заметить растение среди многообразия других [51. С. 254], компонент цвета в названии не делает его абсолютно исключительным – даже в соседних говорах *жутица* может обозначать совершенно разные растения с плодами желтого цвета: ю.-серб. *жути́ца* (Каменица) – *врста трешње чији су плодови жуте боје* «сорт черешни с желтыми плодами»; *врста брескве крупног плода жуте боје* «вид персика с желтыми плодами»; ю.-серб. *жути́ца* (Честелин) [4. С. 181, 398] – груша. Название ю.-серб. *црни́ца* (Каменица) в одном и том же говоре обозначает и сорт черешни, и сорт сливы [9. С. 670]. Ю.-серб. *црве́нка* в Вртогоше и в Донье-Жапско – виноград, в Струганице – слива, а в Буйковаце – груша [4. С. 485, 723].

Рассматриваемая область македонских, болгарских и сербских диалектов характеризует балканославянский языковой и культурный континуум с точки зрения как единства, так и разнообразия. Даже на такой небольшой территории можно наблюдать диалектные различия и выделять более компактные противопоставленные ареалы, что подтверждается данными настоящей статьи и другими исследованиями (ср., например, выводы в работе А.А. Плотниковой по этнолингвистической географии Южной Славии) [35. С. 301–308].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Живковић Н.* Речник Пиротског говора. Ниш, 1987.
2. Речник косовског-метохиског дијалекта. Београд, 1932. Св. 1.
3. Речник косовског-метохиског дијалекта. Београд, 1932. Св. 2.
4. *Златановић М.* Речник говора југа Србије (провинцијализми, дијалектизми, варваризми и др.). Врање, 2014.
5. *Десподски Ф.* Речник на говора на село Логодаж, Благоевградско. София, 2009.
6. *Младенов А.* Трънските думи. Речник на регионалния говор. София, 2011.
7. *Киш М.* Дијалектната лексика од областа на растителниот свет. Скопје, 1996.
8. *Кузманоска А.* Мал речник на растенија. Македонско-француски. Petit dictionnaire des plantes. Française-macedonien.– Скопје, 2005.
9. *Јовановић В.* Речник села Каменице код Ниша // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. 51.
10. *Sławski F.* Słownik prasłowiański. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1976. T. 2 (C–DAVЪNOTA).
11. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1971. Knj. A–J.
12. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. М., 1977. Вып. 4. (*čaběniti–*děl›a).
13. *Толстой Н.И.* Белый цвет // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1 (А–Г).
14. *Стефанов В.* Речник на говора на село Рабиша, Белоградчишко. Българска, 2010.
15. *Гълъбов Л.* Лексиката на говора в с. Доброславци, Софийско. София, 2000.
16. *Динић Ј.* Додатак речнику тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1990. Књ. 36.
17. *Вакарелска-Чобанска Д.* Речник на Самоковския говор. София, 2005.
18. *Динић Ј.* Речник Тимочког говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1988. Књ. 34.
19. *Динић Ј.* Речник Тимочког говора (други додатак) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1990. Књ. 38.
20. *Гаговић С.* Из лексике Пиве (село Безује) // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2004. Књ. 51.

21. *Петровић С.* Турцизми у српском призренском говору. На материјалу из рукописне збирке речи Димитрија Чемерикића. Београд, 2012.
22. *Стойков С.* Българска диалектология. София, 2002.
23. Речник на македонскиот јазик со српскохрватски толкувања. Скопје, 1965. Т. 2 (О–П).
24. *Beekes R.* Etymological Dictionary of Greek. Leiden; Boston, 2010. V. 1–2.
25. *Skok P.* Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Zagreb, 1972. Knj. K-poni'.
26. *Мургоски З.* Речник на македонскиот јазик. Скопје, 2005.
27. Речник на българския език. София, 2004. Т. 12. (П–Поемка) / электронный источник – http://ibl.bas.bg/rbe/ (дата обращения – 15. 01. 2019 г.).
28. *Андреевски П.М.* Небеска Тимјановна. Скопје, 1988.
29. *Berlin B., Kay P.* Basic color terms: their universality and evolution. Los Angeles, 1969.
30. Речник на българския език. София, 1993. Т. 7 (К – Координати) / электронный источник – http://ibl.bas.bg/rbe/ (дата обращения – 15. 01. 2019 г.).
31. Речник српског језика. Нови Сад, 2011.
32. *Жугић Р.* Речник говора Јабланичког краја // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 2005. Књ. 52.
33. *Вендина Т.И.* Сходство и различие суффиксов *-ic(a)* и *-nic(a)* в славянских языках // ОЛА. Материалы и исследования. 1981. М., 1984.
34. *Вендина Т.И.* Еще раз о дифференциации южнославянских языков // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1988–1990: Сборник статей. М., 1993.
35. *Плотникова А.А.* Этнолингвистическая география южной Славии. М., 2004.
36. *Белова О.В.* Красный цвет // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2 (Д–К).
37. *Гриценко П.Ю., Прилипко Н.П.* Карта № 50. Терн, тернь (фонетика) // Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 1988. Вып. 1. «Животный мир».
38. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. Минск, 2000. Вып. 3. Растительный мир.
39. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 1988. Вып. 1. Животный мир.
40. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Белград, 1988. Вып. 1. Рефлексы *ě.
41. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. М., 1990. Вып. 2а. Рефлексы *ę.
42. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Warszawa, 1990. Вып. 2б. Рефлексы *ǫ.
43. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Warszawa, 1994. Вып. 3. Рефлексы *ьг, *ъг, *ьl, *ъl.
44. *Вендина Т.И.* К вопросу о каталогизации зон архаики в современной Славии (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996: Сборник статей. М., 2000.
45. *Плотникова А.А.* Южные Карпаты: Румыния (народный календарь и демонология) // Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: этнолингвистические очерки. М., 2013.
46. *Чиварзина А.И.* Номинации домашних животных в южных диалектах сербского языка // Славянский Альманах. 2017. М., 2017. Вып. 3–4.
47. *Стефанов В.* Речник на говора на село Рабиша, Белоградчишко. Българска, 2010.
48. *Василевич А.П.* Процессы глобализма и лексика цветообозначения // Глобализация – этнизация: Этнокультурные и этноязыковые процессы. М., 2006. Кн. 1.
49. *Вежбицкая А.* Обозначение цвета и универсалии зрительного восприятия // Язык. Культура. Познание. М., 1996.
50. *Маленко Б.* Штипскиот говор. Скопје, 2012.
51. *Колосова В.Б.* Цвет как признак, формирующий символический образ растений // Признаковое пространство культуры. М., 2002.

«ВЛАДИМИР АНАТОЛЬЕВИЧ БЫЛ ЦЕЛЫМ НАУЧНЫМ УЧРЕЖДЕНИЕМ». НАУЧНОЕ И МЕМУАРНОЕ НАСЛЕДИЕ В.А. ДЬЯКОВА

© 2019 г. Л.Е. Горизонтов

Д-р ист. наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

lgorizontov@hse.ru

Впервые на русском языке публикуется глава воспоминаний видного историка-полониста, сотрудника Института славяноведения в 1960–1995 гг. В.А. Дьякова, повествующая о его профессиональной деятельности. Публикация включает вступительную статью с характеристикой научного и мемуарного наследия ученого, а также комментарий источника.

The chapter of V.A. Dyakov's reminiscences, for the first time published in Russian, highlights the professional activity of this prominent scholar who specialized in Polish history and worked at the Institute of Slavic Studies in 1960–1995. The publication includes an introductory article containing characteristics of his scientific and memoir heritage, as well as source commentary.

Ключевые слова: В.А. Дьяков, Институт славяноведения, советская полонистика, польское национально-освободительное движение, российско-польские революционные связи, российско-польское научное сотрудничество.

Keywords: V.A. Dyakov, Institute of Slavic Studies, Polish studies in the USSR, Polish national liberation movement, Russian-Polish revolutionary links, Russian-Polish cooperation in humanities.

DOI: 10.31857/S0869544X0006215-9

«Мемуарный возраст» у Владимира Анатольевича Дьякова (14.06.1919–16.11.1995), по его собственному свидетельству, наступил по достижении семидесяти пяти лет, хотя взяться за воспоминания он думал и раньше. Историк продолжал активно работать, был вовлечен во многие проекты, имел немало планов и обязательств. Однако в его «издательском дневнике» счет публикаций приближался к четыремстам, и Владимир Анатольевич почувствовал, что важнее не увеличивать их число, а рассказать о своем жизненном пути [1–2].

Самый ранний план воспоминаний охватывал довоенные годы, период войны (наибольшее количество) и первые послевоенные годы. О второй половине жизни, на которую пришлась интенсивная научная деятельность, изначально писать не предполагалось. Известно, что вначале профессиональный историк имел в виду осуществить сугубо мемуарный замысел или даже научное исследование. После раздумий остановился на жанре «исторического

повествования», но в конечном счете вернулся к формату воспоминаний (подробнее см. [3. С. 263–265]).

Работая над мемуарами, Дьяков пользовался своим домашним архивом, в котором, в частности, бережно хранились письма. Для описания научной деятельности важным подспорьем послужили «издательский дневник», где отслеживалась судьба всех его текстов, и «рабочий дневник», где с мая 1977 г. достаточно подробно фиксировались занятия ученого.

Согласно «рабочему дневнику», В.А. Дьяков приступил к написанию воспоминаний 11 марта 1995 г., т.е. в день торжественного вручения ему в варшавском Королевском замке премии журнала «Przegląd Wschodni» за исследования и публикации по истории польского национально-освободительного движения XIX в. Результатом стали более ста машинописных и рукописных страниц, которые включают состоящие из четырех глав «Воспоминания» (72 страницы), и «краткий вариант» «Воспоминания. VI. 1941–1995» (12 страниц). Повторяя отчасти пространную версию, «краткий вариант» существенно дополняет ее в освещении 1950-х и начала 1960-х годов.

«Воспоминания» начинаются с декларирования целеполагания: «Писать собираюсь главным образом о событийной стороне жизни, а не о своих чувствах и размышлениях по поводу происходившего. Читателей вижу преимущественно среди близких мне людей, прежде всего родных и друзей, что, естественно, отразится на содержании и форме последующего текста». Иными словами, на первый план выносится автобиографическая канва.

Наиболее яркими и объемными получились главы, посвященные школьным годам и службе в армии с самого начала Великой Отечественной войны до увольнения в запас в сентябре 1952 г. Между ними находится короткая глава об учебе в Историко-архивном институте в 1938–1941 гг., которая вместе с военной главой опубликована мною в «Археографическом ежегоднике» [3. С. 266–281]. Инициатором этой публикации был С.О. Шмидт (1922–2013).

К столетнему юбилею В.А. Дьякова публикуется четвертая глава «Как я стал историком-полонистом», упоминаемая в «рабочем дневнике» в начале апреля 1995 г. Есть основания полагать, что она была окончена до наступления лета. Оригинал представляет собой последние 17 машинописных страниц «Воспоминаний» с небольшой правкой преимущественно стилистического характера черной шариковой ручкой; сохранились также рукописные черновики. Это завершенный текст, однако, судя по всему, автор намеревался его дополнять. Глава содержит ряд повторов и неточностей, местами превращается в научный отчет о проделанной работе, перечисление публикаций. В.А. Дьяков вовсе не исключал прижизненного издания своих воспоминаний, в том числе обнародования главы о научной деятельности в журнале «Славяноведение», с которым тесно сотрудничал. Это приобретало особую актуальность в связи с подготовкой к пятидесятилетию Института славяноведения.

Глава публикуется полностью, с исправлением опечаток и мелких неточностей, в основном в названиях работ и датах. Наиболее существенные неточности оговариваются в комментарии. Глава «Как я стал историком-полонистом» и «краткий вариант» воспоминаний были изданы мною на польском языке в журнале «Przegląd Wschodni» [4. S. 705–728]. Вступительная статья и комментарий к настоящей публикации составлены заново с учетом новых данных и материалов. В частности, использовались написанные по моей просьбе воспоминания о В.А. Дьякове его вдовы Беллы Борисовны Дьяковой (1920–2012) «Как

Владимир Анатольевич работал дома и как отдыхал», заместителя директора Института истории Польской академии наук в 1983–1990 гг. Яна Замойского (1925–2014) «Человек и историк», а также профессора Виктории Сливовской.

Важнейшей вехой биографии В.А. Дьякова является война. Весьма поздно, уже разменяв пятый десяток, он пришел в академическую науку, но, благодаря свойственной фронтовикам мотивированности и своей редкой работоспособности, сумел в короткие сроки наверстать упущенное. В дарственной надписи ему на своей опубликованной в 1972 г. монографии о Январском восстании С. Кеневич называет Дьякова «самым заслуженным из работающих по тематике, которой посвящена книга» [5. S. 745–746].

Бóльшая часть его трудов так или иначе связана с военно-исторической проблематикой. Обнаруженные им в фондах судебных инстанций военного ведомства следственные дела участников польского национально-освободительного движения позволили поставить изучение истории последнего на прочный документальный фундамент.

Более 35 лет отданы В.А. Дьяковым Институту славяноведения, значительная часть упомянутых в воспоминаниях лиц является его сотрудниками. Мемуарист деликатно умалчивает о разногласиях в институтской среде, в том числе в кругу полонистов. Фигурирует также немало людей, которые в главном центре отечественного славяноведения не работали. Среди них соавторы, которых Владимир Анатольевич умел находить по всей стране, и несколько крупных российских ученых – М.В. Нечкина, Л.Г. Бескровный, П.А. Зайончковский. Роль первых двух в становлении Дьякова-историка чрезвычайно велика. В воспоминаниях нашла отражение общая атмосфера в научной жизни. Особенно показательны в этом отношении «дело о плагиате» 1960 г. и рассказы о сложностях с публикацией статей в 80–90-е годы.

Практически ничего не говорится в воспоминаниях о польских коллегах (названа лишь М. Янион, в «кратком варианте» однажды упомянут С. Кеневич). Между тем в близкий круг общения Дьякова наряду со С. Кеневичем (1907–1992) входили такие видные ученые, как Ю. Бардах (1914–2010), А.Ф. Грабский (1934–2000), Е. Сковронек (1937–1996) и В. Сливовская.

Уникальный шанс для сотрудничества историков двух стран создал столетний юбилей восстания 1863–1864 гг., подготовка к которому началась во время «оттепели», а инициированная тогда совместная публикация документов (как и изучение советскими историками «первой революционной ситуации») завершилась лишь в середине 1980-х годов. Тема Январского восстания казалась оптимальной с точки зрения согласованной советско-польской исторической политики и отвечала профессиональным интересам широкого круга исследователей. Как вспоминает Я. Замойский, «это был необыкновенно продуктивный, быть может, единственный в истории период столь хорошего, гармоничного и конструктивного сотрудничества польских и российских историков, несмотря на всяческие помехи и множившиеся сложности, свойственные тем временам». В «кратком варианте» воспоминаний Владимир Анатольевич отметил способность партнеров преодолевать разногласия, идя на взаимные уступки [4. S. 713].

Со второй половины 1970-х годов именно Дьяков осуществлял руководство крупнейшими двусторонними проектами. Он многое сделал для того, чтобы российско-польские научные связи и в первой половине 80-х годов, и на рубеже 80–90-х годов не прерывались. Свидетельствами признания его заслуг

стали звание почетного доктора Лодзинского университета в 1990 г. и избрание иностранным членом Польской академии наук в мае 1994 г. Сотрудничество В.А. Дьякова с польскими историками и оценка ими российского коллеги заслуживают отдельного рассмотрения.

В повествовании, посвященном прежде всего полонистическому аспекту научной биографии, мало сказано про созданный Дьяковым в 1975 г. сектор, который начал разработку истории славяноведения. Не отражено участие мемуариста в крупном проекте 70–80-х годов, нацеленном на компаративное изучение модернизационных процессов в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Воспоминания создавались на исходе очень важного для историка десятилетия, когда с появлением возможности свободно излагать свои мысли его научное творчество получило серьезный импульс. В.А. Дьяков выдвигал оригинальные идеи и брался за новые темы. Он активно включился в изучение альтернативной истории, Русского зарубежья, мировоззрения диссидентов, русской идеи, стал гораздо больше обращаться к проблематике XX в. и даже современности (одновременно происходило расширение научных интересов в сторону XVIII в.).

«Когда в последние годы его жизни,– вспоминает Б.Б. Дьякова,– мы все в семье уговаривали его сократить нагрузку, меньше работать, он отвечал: “Что вы все хотите, чтобы я умер в постели, а я хочу умереть за письменным столом”. Но умер все же в больничной постели, хотя еще накануне смерти писал отзыв о чьей-то диссертации». То был отзыв о докторской диссертации польского исследователя В. Масяржа «Поляки в Восточной Сибири (1907–1947 гг.)», защита которой предстояла в Иркутске. Дописать свой текст В.А. Дьяков не успел, и это пришлось в экстренном порядке делать мне.

Для истории науки особенно ценны содержащиеся в мемуарах характеристики специализации и профессиональной идентичности ученого. Дьяков со свойственной ему рефлексией по поводу того, чем и зачем он занимается, стремился максимально точно установить соотношение в своей исследовательской практике российской и польской проблематики, на перекрестье которых возникали также украинская, белорусская и литовская составляющие. Думается, что о «чисто польской тематике» в научном наследии Дьякова говорить достаточно сложно: в той или иной мере в его работах практически всегда присутствует российский компонент. Это, как сейчас принято определять, транснациональная история, entangled history.

В.А. Дьяков исключительно ценил возможность выходить за пределы «основной научной специализации», «официального амплуа», в том числе в смежные дисциплины, например, исследуя историческую беллетристику (чаще всего он обращался к творчеству Л.Н. Толстого) и биографии писателей. Выступая на своем 60-летнем юбилее, Владимир Анатольевич счел необходимым сказать о том, как «из только историка, притом полурусиста – полуполониста [...], переплавился в комплексного слависта». «Горнилом» послужила творческая среда Института славяноведения, в конце 60-х годов расширившего географический ареал исследований и сделавшего ставку на регионоведческие, компаративные и междисциплинарные (комплексные) штудии.

«Ощущаю моментами нехватку целенаправленности и монотемности в интересах,– признавался в юбилейной исповеди Дьяков.– Но как можно оставить то, чему хоть раз отдал душу. Да и в широте тоже есть своя польза и своя

прелесть». На мой заданный позднее вопрос об одновременной разработке им совсем разных тем отвечал: «Но ведь хочется и что-то понять».

Разностороннее научное творчество В.А. Дьякова спустя четверть века после его кончины во многом созвучно современным трендам гуманитаристики. Он органически сочетал разработку политической, социальной и интеллектуальной истории, интересовался историей понятий. Работал в области транснациональной и региональной истории, был вовлечен в компаративные и междисциплинарные исследования. В библиографии его трудов изрядное число исследований по истории и методологии науки.

В профессиональную идентичность Дьякова, несомненно, входили также компетенции архивиста и археографа (подробнее см. [2]). «Пожиратель архивов» (С. Кеневич) [6. S. 157], обладающий «чутьем ищейки» (В. Сливовская), он крайне серьезно относился к исторической эвристике. Неслучайно наиболее подробно описанное в воспоминаниях исследование – ставшая результатом целенаправленных архивных поисков статья о предках Г. Аполлинера.

«Иногда раздаются еще высказывания о "второсортности" работы по публикации источников, о необходимости ее свертывания во имя сбережения сил для теоретических или "чисто" исторических исследований,– писал Дьяков в середине 80-х годов.– Очевидно, здесь [...] требуется разумное равновесие и гармония, чтобы теория, слишком высоко воспарив над источниками, не превратилась в пустое теоретизирование» [7. С. 95]. Думается, что «разумное равновесие» ему самому достигать удавалось: публикуемые источники служили историку материалом для исследований, многие из которых носят обобщающий характер. Следует, однако, признать известную инерцию, задаваемую многолетними наработками («архивными засечками», как называл свои находки Владимир Анатольевич), долгосрочными российско-польскими проектами по изданию документов, а также политическими обстоятельствами. Дьяков сохранил приверженность парадигме национально-освободительной борьбы и российско-польских революционных связей.

Интегрирующую роль в творчестве В.А. Дьякова выполняла биографистика, в русле которой написано большинство его научно-популярных работ. «История для меня – это прежде всего человеческие судьбы»,– отметил он в воспоминаниях. Среди многочисленных биографий деятелей польского национально-освободительного движения особое место занимает книга о П. Сцегенном, ценные материалы о котором историк обнаружил в ЦГВИА в 1967 г. К биографическому подходу Дьяков обращался и при изучении истории. Он был энтузиастом просопографии. Выявленный биографический материал фиксировался в огромных картотеках, которые служили основой для биографических и биобиблиографических словарей, а те, в свою очередь, активно использовались в исследовательской работе.

Владимир Анатольевич стремился и мог себе позволить быть кабинетным ученым. Искусный оратор и полемист, коммуникабельный человек, он не испытывал потребности преподавать и набирать аспирантов. Школа его строилась не на формальных основаниях ученичества – он инициировал научные направления, вокруг которых группировались люди разных возрастов, различной специализации и аффилиации, примерами чему может служить изучение польской ссылки и истории славяноведения.

Поражавшая многих четкая организация труда была сильной стороной этого ученого докомпьютерной эпохи, который писал шариковой ручкой, отдавал

печатать свои рукописи, затем правил машинопись, используя ножницы и клей, после чего текст набирался вновь. Дьяков предпочитал придерживаться определенного распорядка дня, начиная работу в 8 часов утра и стараясь не отвлекаться от нее до обеда. Он очень любил «научно-литературные занятия». Создавал свое особое пространство в домашнем кабинете: сам мастерил полки для книг, ящики для картотек, папки для бумаг, настраиваясь перед работой, остро затачивал карандаши.

На хранение в Архив РАН передано около четырехсот тематических папок, личному фонду В.А. Дьякова присвоен номер 2099. Как свидетельствует Б.Б. Дьякова, «В[ладимир] А[натольевич]всегда жил и работал без спешки, но не терял времени даром и многое успевал». Ю. Бардах необыкновенно емко и точно написал в адресованном ей послании, что «Владимир Анатольевич был сам целым научным учреждением».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996.
2. *Горизонтов Л.Е.* Владимир Анатольевич Дьяков (1919–1995) // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
3. *Горизонтов Л.Е.* Мемуары В.А. Дьякова // Археографический ежегодник за 1995 год. М., 1997.
4. *Djakow W.* Wspomnienia // Przegląd Wschodni. 1997. T. IV. № 4 (16).
5. *Jewsiewicki W.* Władimir Djakow (14 VI 1919–16 XI 1995) // Przegląd Wschodni. 1997. T. IV. № 4 (16).
6. *Kieniewicz S.* Nasz współpracownik z Instytutu Słowianoznawstwa // Twórczość. 1981. № 10.
7. *Дьяков В.А.* Итоги работы советских историков-славистов (1945–1984) // Советское славяноведение. 1985. № 5.

В.А. Дьяков

Как я стал историком-полонистом

На втором курсе Историко-архивного института[1] семинарские занятия были посвящены истории российского освободительного движения в XIX веке, и я решил заняться биографией Сигизмунда Сераковского[2], который довольно долго был для меня, если не целиком, то преимущественно русским революционером. Во время своей принудительной военной службы Сераковский провел некоторое время в Кзыл-Орде (в те далекие времена она называлась Ак-Мечеть или форт Перовский). Война забросила меня туда в январе – марте 1943 года, когда я был в отпуске по ранению. Гуляя вдоль глинобитных дувалов, которыми отделяются там дворы от улиц, или выходя на берег Сыр-Дарьи, я старался представить себе, каким был тогдашний польский изгнанник и о чем он думал, находясь в тех местах.

Уволившись в запас, я начал с работы экскурсовода по Москве и Подмосковью; подрабатывал приведением в порядок архивов действующих учреждений, преимущественно в системе Академии наук СССР. Одновременно учился в аспирантуре на кафедре истории СССР Московского областного педагогического института. Моей мечтой было перебраться в академическую

[1] Хронологию жизни и деятельности В.А. Дьякова, а также библиографию его работ см.: Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996. С. 5–9, 38–89.

[2] Сераковский Сигизмунд (Зыгмунт, 1826–1863) – офицер российской армии, участник восстания 1863–1864 гг., казнен в Вильне.

сферу – в Институт отечественной истории или Институт славяноведения и балканистики[3]. В последнем из них работали мои приятели И.С. Миллер, В.Д. Королюк, И.И. Костюшко[4].

Институт славяноведения помещался на Кропоткинской улице в бывшем особняке Хрущевых – Селезневых. Насколько мне помнится, рабочих комнат там было мало, но зато при входе был большой парадный зал, который в присутственные дни использовался для бесед с посетителями. Однажды летом 1954 г., приехав в Институт, чтобы встретиться с И.И. Костюшко, я при входе увидел идущих навстречу И.С. Миллера, В.Д. Королюка, И.Б. Грекова – известных историков-полонистов, авторов только что вышедшей юбилейной брошюры «Воссоединение Украины с Россией в 1654 г.», которая была издана не как-нибудь, а «по решению инстанций». Рослые, загорелые и веселые, они выглядели очень импозантно, и, когда к ним присоединился вышедший мне навстречу И.И. Костюшко – в то время ответственный секретарь «Кратких сообщений»[5], я про себя подумал: вот они – три богатыря и Алеша Попович[6].

Из четырех названных выше сотрудников Института славяноведения (с 1968 г.– Института славяноведения и балканистики) только с И.Б. Грековым у меня не было тогда неофициальных дружеских контактов. С В.Д. Королюком мы были в приятельских отношениях, но наше сближение остановилось на полпути по двум причинам: во-первых, у нас были различные научные интересы, во-вторых, он был очень несдержан в употреблении алкоголя, а я никогда не был хорошим собутыльником. Пару раз мы были одновременно с Королюком в Варшаве и оказывались вместе в гостях у общих знакомых. Для меня это было просто мучением, поскольку угнаться за Королюком в опустошении рюмок я никак не мог, а уклониться при прославленном польском гостеприимстве удавалось далеко не всегда. Кстати сказать, алкоголь делал и без того веселого Владимира Дорофеевича еще более веселым и остроумным, но, кажется, не было такой дозы, которая свалила бы его с ног.

После увольнения в запас я в 1954–1957 годах учился в аспирантуре на кафедре истории СССР Московского областного педагогического института. Затем работал в Центральном государственном военно-историческом архиве (ЦГВИА СССР), потом – в Главном архивном управлении СССР. Как учебу в аспирантуре, так и архивную службу я совмещал с научно-литературными занятиями, с подготовкой кандидатской диссертации «Русская военная историография в последней четверти XIX века». Одновременно с авторефератом этой диссертации в 1959 году вышла моя научно-популярная брошюра «Сигизмунд Сераковский», а несколько позже – в 1960 году – источниковедческая статья «Материалы к биографии Сигизмунда Сераковского». Готовя эти работы, я старался использовать литературу и источники как на русском, так

---

[3] Имеются в виду Институт истории и Институт славяноведения АН СССР.

[4] Специалисты по истории Польши Илья Соломонович Миллер (1918–1978), Владимир Дорофеевич Королюк (1921–1981), Иван Иванович Костюшко (1919–2018), а также Игорь Борисович Греков (1921–1993) – сверстники В.А. Дьякова, значительно раньше него стали сотрудниками Института славяноведения и защитили кандидатские диссертации.

Подробные сведения о работавших в нем людях см.: Сотрудники Института славяноведения Российской академии наук. Биобиблиографический словарь. М., 2012. Более широкий круг российских славистов представлен в издании: Славяноведение в СССР. Изучение южных и западных славян. Биобиблиографический словарь. New York, 1993.

[5] «Краткие сообщения Института славяноведения Академии наук СССР».

[6] Так в оригинале.

и на польском языках. Первое время были затруднения с польским, но через какое-то время я уже понимал польские тексты, а затем освоил и разговорный язык.

Кандидатскую диссертацию я защитил в 1959 г., докторскую в 1966 г. (называю даты защит, а не утверждения их результатов в ВАКе). Готовил я их в то время, когда еще не было ограничения объемов диссертаций. Соответственно, кандидатская у меня имела объем 344 страницы машинописи, а докторская 988, да еще приложение – биобиблиографический словарь – на 633 страницах. Полностью опубликован только словарь (Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов. М., Наука, 1967), а диссертация – в значительной части, но не в одном месте, а отдельными статьями в разных изданиях.

Моим официальным научным руководителем во время пребывания в аспирантуре был профессор П.И. Кабанов – очень симпатичный человек и знающий ученый. Но от русской военной историографии, которой я посвятил свою кандидатскую диссертацию, он был очень далек[7]. Фактически меня консультировал Л.Г. Бескровный, являвшийся одним из наиболее квалифицированных военных историков и, можно сказать, первопроходцем на историографическом направлении среди историков армии и флота[8]. Очень помогли мне консультации М.В. Нечкиной, опекавшей историографическую проблематику в Отделении истории Академии наук[9]. Не случайно Л.Г. Бескровный и М.В. Нечкина стали моими официальными оппонентами при защите как кандидатской, так и докторской диссертаций. С ними у меня сложились довольно тесные деловые отношения, я неоднократно бывал у них дома.

С Л.Г. Бескровным, кроме чисто научных вопросов, меня связывала мечта о возрождении существовавшего до революции Русского военно-исторического общества (РВИО). Мы сочинили несколько вариантов соответствующего предложения для так называемых «инстанций», но в ответ получали либо отказ, либо молчание. Последнее время (с 1993 г.) в научной среде снова заговорили о создании подобного рода общественных организаций среди историков, однако воз и ныне там, потому что некому их финансировать; РВИО было императорским и, соответственно, получало небольшую государственную дотацию, а ныне ожидать чего-либо подобного едва ли есть основания[10].

Что касается М.В. Нечкиной, то, кроме многолетнего научного сотрудничества, меня связывала с ней еще одна довольно любопытная история. Началась она с того, что мой давно умерший приятель В.Е. Фильгус обнаружил в докторской диссертации и книге ленинградского профессора А.В. Федорова[11] ряд

---

[7] Обе диссертации Петра Ивановича Кабанова (1888–1974) посвящены истории Дальнего Востока.

[8] Бескровный Любомир Григорьевич (1905–1980) – специалист по военной истории России XVIII–XIX вв., преподавал в Военной академии им. М.В. Фрунзе, затем работал в Институте истории АН СССР.

[9] Нечкина Милица Васильевна (1901–1985) – сотрудник Института истории АН СССР, с 1958 г. академик и руководитель Группы по изучению революционной ситуации в России в конце 1850-х – начале 1860-х годов, с 1961 также председатель Научного совета по проблеме «История исторической науки».

[10] Продолжателем созданного в 1907 г. Императорского русского военно-исторического общества стало образованное в 2012 г. Российское военно-историческое общество. В середине 1950-х годов В.А. Дьяков контактировал с активным деятелем дореволюционного ИРВИО Г.С. Габаевым (1877–1956). См.: *Горизонтов Л.Е.* Путь историка // Дьяков Владимир Анатольевич (1919–1995). М., 1996. С. 12, 34.

[11] Федоров Александр Васильевич (1909–?) – в 1944–1962 гг. доцент исторического факультета Ленинградского государственного университета. Автор книги «Русская армия в 50–70-х годах XIX века: Очерки». (Л., 1959).

неоговоренных заимствований из его (Фильгуса) кандидатской диссертации. По нашим материалам хлесткий фельетон об этом для «Известий» сочинил Г.А. Богуславский[12]; он же получил гонорар, но в конце текста указал мою фамилию, поскольку к ней можно было для солидности добавить «кандидат исторических наук». Фельетон был опубликован 17.02.1960 под заголовком «Чудесное превращение прапорщика Либека». Произведение это (я, естественно, не включаю его в список своих печатных работ) было замечено общественностью и не только научной. Плагиатор организовал контрнаступление, мобилизовав довольно высоких покровителей, чему не приходится удивляться, потому что до перехода на историко-партийную кафедру в Ленинградском университете он был вторым секретарем Горкома КПСС. Начал он с того, что как партиец партийцу написал письмо начальнику Главного архивного управления[13], в котором я тогда служил. Затем, пользуясь своими знакомствами, А.В. Федоров сумел на несколько месяцев задержать прохождение моей кандидатской диссертации в Высшей аттестационной комиссии (ВАК), а без «корочек» я не мог осуществить свой давно подготовленный и очень желанный переход в Институт славяноведения и балканистики.

В «Известиях» же в поддержку фельетона о диссертации А.В. Федорова выступили сначала П.А. Зайончковский, защитивший докторскую диссертацию на очень близкую с Федоровым тему[14], а затем М.В. Нечкина. После этого в дело сочло необходимым вмешаться Бюро ВАК'а, которое пригласило на свое заседание всех троих возмутителей спокойствия. П.А. Зайончковский почему-то не пришел; мы с М.В. Нечкиной явились в назначенное время, но 45 минут вместе с членами Бюро ждали его председателя, который поехал в Отдел науки ЦК, чтобы получить инструкции. Как потом выяснилось, на вопрос о том, что же делать с А.В. Федоровым, там ответили: «Попугать можно, но забивать не давайте». Соответственно с этим указанием было проведено заседание. Ну а моя диссертация, конечно же, не случайно пролежала в ВАК'е намного дольше обычного. П.И. Кабанов, состоявший в то время членом этого ареопага, обнаружил мое сочинение вне основного «ваковского конвейера» в каком-то дальнем углу, куда оно могло быть задвинуто только Федоровскими доброжелателями.

Еще в аспирантские годы (1954–1957) у меня установились деловые контакты с Институтом славяноведения и балканистики – сначала при посредстве моего однокурсника по Историко-архивному институту И.И. Костюшко, позже с помощью И.С. Миллера, который с 1959 года привлек меня к участию в подготовке серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». Участвуя в этой серии до и после своего перехода в Институт, я фактически выполнял обязанности заместителя Миллера по археографической части, поскольку никто другой в авторском коллективе не имел достаточного опыта публикаторской работы. В подготовке томов «Революционный подъем в Литве и Белоруссии в 1861–1862 гг.» и «Восстание в Литве и Белоруссии 1863–1864 гг.» я участвовал в качестве члена редколлегии. В двух томах этой серии, озаглавленных «Русско-польские революционные связи», мне пришлось быть также одним из

---

[12] Богуславский Густав Александрович (1924–2014) – историк, педагог, публицист.

[13] Главное архивное управление при Совете Министров СССР возглавлял тогда Г.А. Белов (1917–1992).

[14] Зайончковский Петр Андреевич (1904–1983) – с 1951 г. профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Докторская диссертация о военных реформах 60–70-х годов XIX в. была защищена им в 1950 г.

основных авторов. На общественных началах я принял участие в работе руководимой М.В. Нечкиной Группы по изучению первой революционной ситуации в России 1859–1861 годов, был членом Бюро Группы и входил в редколлегию издаваемого Группой сборника статей (в 1960–1986 гг. вышло 9 томов этого сборника).

Всем этим я занимался вместе с И.С. Миллером. Мы были с ним довольно близки, но наши дружеские отношения ограничивались главным образом научной сферой. Мы регулярно общались с ним, и не только в Институте, довольно часто бывали вместе в командировках. Однажды, это было во Львове, мы с Ильей Соломоновичем решили перейти на ты. Несколько дней пытались реализовать состоявшуюся договоренность, но все время путали одно с другим и потому решили возвратиться к прежнему варианту. Миллер был очень квалифицированным специалистом, с широким кругом интересов, великолепной памятью и умением анализировать исторические факты. Сочинять статьи, а тем более браться за монографию ему, мне кажется, не очень хотелось. Тексты докладов, даже довольно пространных и ответственных, он заранее не писал, а обходился набросками отдельных наиболее важных фрагментов. Вполне заслуженную ученую степень доктора исторических наук он получил за совокупность работ, которые вошли в посмертно изданный сборник его исследований[15]. Миллер был хорошим заведующим сектором[16]: к подчиненным относился доброжелательно, старался каждому найти нужную и посильную работу, был требовательным, но не перебарщивал в этом смысле, а, может быть, даже немного недобирал. Многие годы Миллер заслуженно считался первым кандидатом на должность заместителя директора Института. К сожалению, Отдел науки ЦК КПСС все время противился такому назначению из-за национальной принадлежности. Это Илью Соломоновича угнетало и, мне кажется, послужило одной из причин его ранней смерти.

В 1963 году вышел первый том двухтомника «Русско-польские революционные связи» в серии «Восстание 1863 года. Материалы и документы». В значительной степени он состоит из документов, которые были выявлены и подготовлены к печати мною (в общей сложности это около 20 печатных листов). Прямым продолжением работы над этими источниками стали два монографических исследования: «Революционная организация русских офицеров в Польше. 1861–1863» (в книге В.А. Дьяков, И.С. Миллер. Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г. М. 1964) и монографическая статья «Петербургские офицерские организации конца 50 – начала 60-х годов XIX века и их роль в истории русско-польских революционных связей» (в Ученых записках Института славяноведения, Т. XXVIII. М. 1964). В называвшейся первой части двухтомника о русско-польских революционных связях опубликована также подготовленная мною документальная подборка о лондонских и петербургских переговорах 1862 г. между русскими и польскими революционерами.

С 1978 г. по моей инициативе начали выходить в свет комплектовавшиеся совместно, а издаваемые только в Польше тома другой российско-польской серии «Польское общественное движение и литературная жизнь 30–50-х годов XIX в. Исследования и материалы». Я участвовал и участвую в ней в качестве одного из составителей, редакторов и руководителей работы с российской стороны. Вышло уже пять томов: «Содружество польского народа в Королевстве

---

[15] *Миллер И.С.* Исследования по истории народов Центральной и Восточной Европы XIX в. М., 1980.
[16] Сектор Новой истории Центральной Европы.

Польском. Густав Эренберг и “свентокшижцы”» (1978 г.); «Польское общество и попытки возобновления вооруженной борьбы в 1833 году» (1984 г.); «Революционное подполье в Королевстве Польском в 1840–1845 гг. Эдвард Дембовский» (1981 г.); «Весна народов в Королевстве Польском. Организация 1848 года» (1994 г.); «Участники освободительного движения 1832–1855 годов (Королевство Польское)» (1990 г.).

Из других значительных по объему документальных публикаций назову, во-первых, подготовленный мною совместно с Г.В. Богдановым «Алфавит участников революционного движения в русской армии за 1861–1863 гг.», который был напечатан в сборнике «Восстание 1863 г. и русско-польские революционные связи 60-х годов» (М. 1960), во-вторых, мою публикацию «Список руководящих деятелей восстания 1863–1864 гг., составленный В.В. фон Валем» в сборнике «Русско-польские революционные связи 60-х годов и восстание 1863 года» (М. 1962). И в первом, и во втором случае комментарий, особенно биографический, весьма существенно дополняет сведения, содержащиеся в публикуемых документах.

Поскольку история для меня – это прежде всего человеческие судьбы, постольку я всегда был и остаюсь неравнодушным к различным жанрам биографистики, начиная с монографических исследований и научно-популярных очерков об исторических деятелях и кончая биобиблиографическими справочниками разного рода. Сочинения этого жанра занимают видное место в списке моих печатных работ. Дома я имею свою биобиблиографическую картотеку примерно на 10 тысяч персоналий – участников польского и российского освободительного движения, военных историков, исследователей Сибири, Средней Азии и Казахстана. Аккумулированные в картотеке сведения помогли мне подытожить изучение истории революционного движения в русской армии на протяжении десятилетия после Крымской войны 1853–1856 гг., наряду с другими работами, также биобиблиографическим словарем «Деятели русского и польского освободительного движения в царской армии 1856–1865 годов» (М. 1967). Накопленный опыт словарной работы был использован впоследствии коллективом авторов, подготовивших биобиблиографический словарь «Славяноведение в дореволюционной России» (М. 1979).

Мой переход от российско-польской к чисто польской тематике в исследовательской, а не в публикаторской сфере связан, прежде всего, с изучением жизни, деятельности и мировоззрения видного польского общественно-политического деятеля Петра Сцегенного. Наряду с исследовательской статьей и научно-популярной биографией Сцегенного на польском языке мною опубликована пространная монография о нем с приложением архивных источников в двух вариантах – несколько меньшем русском и более пространном польском[17]. Кроме этого, мы совместно с А.С. Нагаевым[18] опубликовали книгу об экспедиции Ю. Заливского и других попытках возобновления вооруженной борьбы в Королевстве Польском в 1832–1835 гг., которая была издана только на польском языке. На русском и на польском языках вышла наша с Г.С. Сапаргалиевым[19] книга «Общественно-политическая деятельность ссыльных по-

---

[17] Сцегенный Петр (1801–1890) – католический священник, организатор Крестьянского союза в Царстве Польском (1844 г.), приговорен к каторжным работам. Книга на русском языке: Дьяков В.А. Революционная деятельность и мировоззрение Петра Сцегенного (1801–1890 гг.). М., 1972.
[18] Нагаев Алексей Степанович (1913–2002) – профессор Коломенского государственного педагогического института.
[19] Сапаргалиев Гайрат Сапаргалиевич (1930–2010) – казахстанский правовед.

ляков в Казахстане». Совместно с Л.Н. Большаковым[20] была написана книга «Дело Мигурских», перевод которой полностью напечатан в Польше, а в несколько сокращенном русскоязычном варианте она опубликована алма-атинским журналом «Простор» в №№ 7 и 8 за 1979 г. Своей трудоемкостью наиболее памятна мне работа над книгой о Сцегенном, которая в польском варианте имеет объем около 33 печатных листов, в том числе около 20 листов документальных приложений.

Особую сферу моих полонистических интересов составляла литературоведческая и отчасти искусствоведческая тематика. Сознаюсь, что работа на этом направлении дорога для меня тем, что она выходит за рамки официального моего амплуа и потому объект исследования для меня в значительной мере экзотичен. Начало было положено на польско-советском симпозиуме 1972 года, где я выступил с докладом «Литературные интересы польских конспираторов 30–40-х годов XIX века». На присутствующую в зале Марию Янион – виднейшую специалистку по истории польской литературы периода романтизма[21] – источниковедческий аспект доклада произвел такое впечатление, что она добилась решения Польской Академии о финансировании специальной документальной серии, которая упоминалась выше. Что касается взаимоотношений польских конспираторов «паскевической» эпохи[22] с деятелями искусства и культуры, то им я посвятил большую статью, опубликованную на польском языке в сборнике, выпущенном издательством «Оссолинеум» в 1984 году.

Не помню точно когда, но не позже 1973 г., какой-то из моих польских знакомых рассказал об уверенности некоторых варшавских историков литературы в том, что документы о польских предках известного французского поэта Гийома Аполлинера[23], если они сохранились, сможет найти только московский историк Владимир Дьяков. Естественно, что, желая оправдать эти лестные для меня ожидания, я принялся за поиски, которые, хотя и не очень скоро, увенчались успехом. Два дела, касающихся предков Гийома Аполлинера, были найдены мною в московском Центральном государственном военно-историческом архиве, три дела в Центральном архиве Литвы в Вильнюсе и одно дело – в Центральном архиве Белоруссии в Минске.

В польском литературоведении были попытки связать родословную Гийома Аполлинера с Михалом Костровицким, который происходил из лидской ветви этого рода, жил по соседству с Адамом Мицкевичем и принадлежал к семье, имевшей устойчивые патриотические традиции. Реальность оказалась гораздо прозаичнее этих предположений. Дед будущего поэта Аполлинарий Францевич Костровицкий был выходцем из мелкопоместной дворянской семьи, владевшей под Минском имением, при разделе которого дети получили по 7 душ на брата. С 1838 г. Аполлинарий Костровицкий находился на военной службе; к началу Крымской войны он был кавалерии поручиком и числился при Петербургской провиантской комиссии сверх штата. В 1855 г. А. Костровицкого послали с жалованием для Крымской армии в осажденный Севастополь, где он шальным ядром был ранен в голову, вследствие чего был отправлен

---

[20] Большаков Леонид Наумович (1924–2004) – работавший в Оренбурге литературовед, специалист по жизни и творчеству Т.Г. Шевченко.
[21] Янион Мария (род. 1926) – сотрудник Института литературных исследований Польской академии наук, академик ПАН (1998 г.).
[22] Имеются в виду 1832–1856 гг., когда наместником Царства Польского был пользовавшийся полным доверием Николая I генерал-фельдмаршал И.Ф. Паскевич.
[23] Аполлинер Гийом (1880–1918) – французский поэт-авангардист и литературный критик.

в отставку с назначением пенсии. В 1856 г. он женился на родившейся в Вильно итальянке Юлии Флориани и вскоре переехал в названный город. Позднее какое-то время чета Костровицких жила в Хельсинки[24], Киеве и Петербурге, затем Вильно, где был приобретен дом с приусадебным участком. Когда начались ссоры между супругами неясно, но в 1862 г. взаимоотношения достигли настолько значительного накала, что состоялся развод, а пенсия была разделена на две части. Вскоре после этого все Костровицкие – муж, жена и их дочь Анжелика, оказались в Риме; отец и мать жили врозь, а девочку отдали в пансион при католическом монастыре. В 16 лет Анжелика его покинула, в 18 лет родила внебрачного ребенка, который, выросши, стал Гийомом Аполлинером.

Таково краткое содержание статьи, которая была опубликована мной в 1975 г. в варшавском журнале «Месенчник литерацки». Мишель Декоден – один из наиболее известных французских специалистов по творчеству Гийома Аполлинера, прочитав статью, оценил ее следующим образом: «Это нечто капитальное и, как мне думается, окончательно решающее вопрос о предках Аполлинера со стороны матери». Во Франции моя статья была отмечена газетами «Le Monde» и «La Quinzaine littéraire»; на русском языке она полностью опубликована в журнале «Неман» № 6 за 1978 г.

Свою основную научную специализацию я бы сформулировал следующим образом: Россия и Польша в 30–60-х годах XIX в.; история, историография и источниковедение. И хронологически, и тематически я не раз выходил и, по-видимому, буду выходить за эти рамки, но именно эта тематика останется в центре моих интересов. Не раскаиваюсь в отношении прошлого и не собираюсь избавляться от некоторого литературоведческого или искусствоведческого крена, но не выходя за рамки того, что касается общественно-политических интересов деятелей литературы и искусства, в частности, Т.Г. Шевченко.

На шевченковедческую тематику меня вывело изучение биографии З. Сераковского, прежде всего, работа над статьей «Шевченко и польское национально-освободительное движение», опубликованной в 1962 г. Через два года одновременно на русском и польском языках вышла моя небольшая (7 печатных листов) книжка «Тарас Шевченко и его польские друзья». В ней наиболее подробно и с привлечением нового архивного материала освещен период пребывания Кобзаря в ссылке, где его польские связи были наиболее разветвленными и плодотворными.

Мое увлечение биографистикой отчасти реализовывалось при поддержке заведующего редакцией серии «Жизнь замечательных людей» в издательстве «Молодая гвардия» Ю.Н. Короткова[25]. Покойный Юрий Николаевич вспоминается мне как человек в высшей степени доброжелательный, знающий и неутомимый в поисках подходящих авторов для серии и в работе с ними. По его инициативе в серии «ЖЗЛ» был в 1964 г. выпущен сборник биографических очерков «За нашу и вашу свободу. Герои 1863 года», для которого я написал биографии Ярослава Домбровского и Зыгмунта Падлевского. В этой же серии в 1969 году вышла моя книжка «Ярослав Домбровский». Для издательства «Мысль» я написал брошюру о Зыгмунте Сераковском, а в соавторстве

[24] В описываемое время – Гельсингфорс.

[25] Коротков Юрий Николаевич (1924–1989) руководил редакцией в 1958–1969 гг., сотрудничал с Группой по изучению революционной ситуации.

с В.Е. Абрамавичюсом[26] опубликованную в 1968 г. биографию Валерия Врублевского[27]. Кроме морального удовлетворения, все это давало и неплохой заработок – без него я бы не имел трехкомнатной кооперативной квартиры, в которой пишутся настоящие воспоминания.

Для учета своих сочинений я имею тетрадку, в которую записываю все их названия сразу после завершения работы над текстом, а потом делаю заметки о дальнейшей судьбе каждого из них. Первой в этом списке значится статья «Форсирование Н-ским стрелковым полком реки Днепр у местечка Радуль в октябре 1943 года»; она опубликована в 1948 г. в «Сборнике боевых и тактических примеров», который одно время издавался Военно-историческим управлением Генерального штаба с грифом «секретно». Последней в январе 1995 года внесена в список заметка «А.И. Солженицын о русском земстве»; порядковый номер этой записи 402[28]. Опубликованы не все значащиеся в тетрадке тексты, но подавляющее большинство все-таки увидело свет. По приблизительному подсчету из указанного числа около 200 моих работ посвящены чисто российской проблематике, примерно 150 – чисто польской, а остальные смешанной польско-российской тематике.

Из сказанного видно, что мои полонистические работы посвящены не столько Польше в целом, сколько истории так называемого Царства Польского, то есть той части польской территории, которая входила с 1772 г. по 1918 г. в состав российского государства[29]. Специфические трудности разработки данной проблематики связаны с тем, что речь идет одновременно о нескольких политических и этнокультурных массивах – прежде всего российском и польском, но также украинском, белорусском и литовском, без совокупного рассмотрения которых трудно ожидать вполне успешного результата.

В Институте славяноведения и балканистики мне пришлось длительное время совмещать научную работу с административной – на должности ученого секретаря Института и заместителя директора[30] (о заведовании сектором я здесь не говорю потому, что эта должность, на мой взгляд, скорее научная, чем административная). На должности ученого секретаря я сменил Игоря Михайловича Шептунова – весельчака, мастера рассказывать анекдоты, хорошего организатора капустников, но человека довольно равнодушного к науке и занимавшего в ней не очень заметное место. На руководящем посту были во время моей работы в дирекции И.И. Удальцов, И.А. Хренов и Д.Ф. Марков[31], заместителями директора – И.А. Хренов, А.И. Недорезов и П.И. Резонов (два первых из этой тройки пришли в Институт из ЦК КПСС, а последний из Военно-политической академии). Некоторую самостоятельность проявлял из них только И.И. Удальцов; остальные даже по всякой мелочи «советовались» с Отделом науки. Д.Ф. Марков и И.А. Хренов, хотя и весьма осторожно, но все-таки решали некоторые вопросы, А.И. Недорезов и П.И. Резонов чаще

---

[26] Абрамавичюс Владас Евстафьевич (1909–1965) – литовский писатель, историк культуры и библиограф.

[27] Я. Домбровский (1836–1871), В. Врублевский (1836–1908), З. Падлевский (1836–1863) – офицеры российской армии, участники восстания 1863–1864 гг., первые двое – генералы Парижской коммуны.

[28] Последняя, 404-я, запись была сделана в мае 1995 г.

[29] Несомненно, мемуарист имел в виду все земли Речи Посполитой, в разное время включенные в состав Российской империи.

[30] В.А. Дьяков был ученым секретарем в 1962–1966 гг., а заместителем директора в 1970–1973 гг.

[31] И.И. Удальцов возглавлял институт в 1959–1962 гг., историк-полонист И.А. Хренов в 1963–1969 гг., Д.Ф. Марков в 1969–1987 гг.

всего уклонялись от решения. Почти каждый присутственный день дирекция задерживалась на 2–3 часа, чтобы обсудить текущие дела – И.А. Хренов любил это делать досконально и не торопясь.

С 1985 года к моей нагрузке прибавилась еще должность вице-председателя Комиссии по истории славистики при Международном комитете славистов[32]. Председателем ее номинально был Д.Ф. Марков, а всеми делами в основном приходилось заниматься мне, поскольку секретарствовала по должности Н.А. Прокофьева, но она «тянула» только на техническом уровне. Планировавшееся издание материалов научных заседаний Комиссии, к сожалению, не состоялось. Размножить на ксероксе удалось только часть материалов советской части к марбургскому заседанию в конце мая – начале июня 1990 г.; сборничек включает полные тексты моего научного доклада, выступлений по организационным вопросам, список членов Комиссии и темы зачитанных ими докладов. Мое выступление было посвящено итогам и перспективам работы Комиссии. Следующее пленарное заседание состоялось в Урбино (Италия) в конце сентября – начале октября 1992 г. Но я не смог поехать туда по состоянию здоровья и вообще письменно передал полномочия по Комиссии М.А. Робинсону, который сменил меня и на должности заведующего сектором.

Наряду с упомянутыми выше меня привлекали и привлекают проблемы, связанные с историко-литературным пограничьем, с проблемой соотношения фактов и вымысла в исторической беллетристике. В журнале «Звезда» за 1969 год я опубликовал статью «Факты или вымысел?», в которой сформулирована моя позиция по этому вопросу: «Право писателя на вымысел должно вступать в силу только там, где нет твердо установленных исследователями и прочно вошедших в оборот достоверных фактов». Позже (в 1983 г.) я подготовил для «Вопросов истории» большую статью «История и художественная литература», но она проходила с большими трудностями и была опубликована в сильно сокращенном варианте. Редколлегия нашла необходимым консультировать текст в Отделе науки ЦК, этот последний послал запрос в Институт мировой литературы АН СССР. Оттуда пришел ответ за подписью В. Щербины[33], в котором говорилось: «В настоящем виде публиковать статью в научном журнале нецелесообразно». После некоторой доработки текста статья была напечатана «Вопросами истории» в 1984 г. под заглавием «Реалистические традиции русской и советской исторической беллетристики». В ходе этих согласований и консультаций я познакомился с видным литературоведом В.Д. Оскоцким – автором книги «Роман и история. Традиции и новаторство советского исторического романа»[34], а также с куратором Института мировой литературы в Отделе науки ЦК КПСС Ивановым.

Одно из моих увлечений на этом направлении связано с историко-социологическими воззрениями А.И. Солженицына. Материалы о Солженицыне и его творчестве собраны у меня в двух больших папках. Публикация же по этой тематике пока всего одна и имеет весьма сложную историю. Исходный вариант будущей статьи я подготовил в 1990 г. для журнала «Новая и новейшая история». Солженицын в то время числился еще в «полудиссидентах»,

---

[32] Вице-председателем Международной комиссии по истории славистики В.А. Дьяков стал в 1975 г., в 1988–1992 гг. он ее возглавлял.

[33] Щербина Владимир Родионович (1908–1989) – член-корреспондент АН СССР, заместитель директора Института мировой литературы АН СССР.

[34] Оскоцкий Валентин Дмитриевич (1931–2010) – литературовед, литературный критик и публицист. Указанная книга была опубликована в 1980 г.

правда, не для всех, но для сверхосторожного главного редактора этого журнала[35]. Дважды редколлегия в моем присутствии утверждала текст, и дважды главный редактор статью блокировал. Тогда я забрал рукопись и заявил, что при нынешнем главном редакторе с этим журналом я больше сотрудничать не буду. Статья была опубликована с сокращениями в журнале «Общественные науки и современность» под заглавием «Об историко-социологической концепции Александра Солженицына» (1994 г., № 1), а полностью – в польском журнале «Пшеглёнд хуманистычны» под заглавием «Историко-социологические взгляды А.И. Солженицына и А.Д. Сахарова» (1992 г., № 5).

За последние годы на первый план в моих научных занятиях выдвинулась проблематика, связанная с русской идеей и славянским вопросом, особенно с их значением для истории отечественной общественной мысли. Кроме вышедшей в 1993 г. книжки «Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России», это нашло отражение в ряде статей, из которых часть уже опубликована: «Славянская идея в истории и современности» (Свободная мысль. 1992 г. № 4); «Исторические судьбы славянской идеи с древнейших времен до 1918 года» (Доклады российской делегации на XI Международном съезде славистов. М. 1993); «О давних и нынешних спорах вокруг “русской идеи”» (Славяноведение. 1994. № 6). Подготовлены и приняты к печати еще две статьи: «”Русская идея” в эмигрантских изданиях 1920–1968 годов» и «Современное восприятие русской идеи и русского вопроса». В настоящее время находится в печати сборник статей, в который включены названные выше и другие мои работы о русской идее и славянском вопросе в России и Польше.

[35] В 1982–2013 гг. главным редактором журнала «Новая и новейшая история» являлся академик Г.Н. Севостьянов (1916–2013).

О ВЯТСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ Н.М. КАРИНСКОГО (ПО ПИСЬМАМ С.Ф. ПЛАТОНОВУ)

© 2019 г. В.В. Митрофанов

Д-р ист. наук, профессор АНО ВО «Университет при Межпарламентской Ассамблее ЕврАзЭС» (Санкт-Петербург)

viktor-n1962@mail.ru

Привлекая письма Н.М. Каринского, адресованные С.Ф. Платонову, предпринята попытка конкретизировать деятельность ученого в малоизвестный «вятский период» (1918–1923 гг.). В это время ученый вел работу по разным направлениям: организовал краеведческий институт, преподавал в ряде учебных заведений, занимался библиотечным делом, участвовал в этнографических экспедициях, но пребывание в провинциальном городе не приносило должного удовлетворения. Раскрываются причины переезда семьи ученого не в Петроград, куда он стремился всеми силами, а в Москву.

Using the letters of N.M. Karinsky addressed to S.F. Platonov, the author attempts to specify the activity of the scholar during the less known «Vyatka period» (1918–1923). During this time, the scholar worked in different directions: he organized a local historical institute, taught in a number of educational institutions, was engaged in librarianship, participated in ethnographic expeditions, but his stay in a provincial town did not bring him proper satisfaction. The study reveals the reasons for the relocation of his family not to Petrograd, where he would have loved to, but to Moscow.

Ключевые слова: Н.М. Каринский, С.Ф. Платонов, вятский период, откомандировка, краеведение.

Keywords: N.M. Karinsky, S.F. Platonov, Vyatka period, business trip, local history.

DOI: 10.31857/S0869544X0006216-0

Среди крупных российских и советских филологов-славистов имя Н.М. Каринского (1873–1935) широко известно среди специалистов [1; 2. С. 204–207; 3. С. 246–248], оно занимает достойное место в энциклопедических изданиях [4. С. 428; 5. С. 548; 6. С. 74]. Были публикации и в провинциальной периодической печати [7; 8; 9. С. 4]. Вышла замечательная монография, раскрывающая судьбы крупнейших славистов России в первые годы после революционного 1917 г. В книге, с привлечением большого массива эпистолярных источников (в том числе и переписки Н.М. Каринского с А.И. Соболевским), приводятся важные факты и по заявленной тематике [10. С. 20–21, 41, 68–71, 89 и др.].

На конференции, посвященной А.И. Соболевскому, О.В. Селиванова выступила с докладом «Н.М. Каринский – ученик А.И. Соболевского: научная

преемственность и личные взаимоотношения (по материалам фонда редких книг Фундаментальной библиотеки РГПУ им. А.И. Герцена)», где на основе анализа библиотечного собрания Н.М. Каринского и работ А.И. Соболевского, имевшихся в нем, в том числе с дарственными надписями автора, затронула вопросы их взаимоотношений [11. С. 61].

Появились и публикации, создающие негативный образ Н.М. Каринского. В.М. Алпатов относит Н.М. Каринского к «филологам старой школы», «старым лингвистам», ссылаясь на неопубликованные воспоминания П.С. Кузнецова, раскрывает отрицательную роль ученого в ликвидации Московской диалектологической комиссии [12]. Исследователи пишут о непростых взаимоотношениях Н.М. Каринского с крупным ученым А.М. Селищевым [13. С. 11]. Немало принципиально новых штрихов о положении Н.М. Каринского в научном сообществе Москвы находим в упомянутой книге авторитетного слависта М.А. Робинсона. Там его воспринимали с настороженностью. Например, М.Н. Сперанский в письме В.М. Истрину называет его «пронырливым», «ловкачом», «несколько заносчивым» и советует держаться с ним «осторожно» [10. С. 161]. Эта позиция академического сообщества проявилась и в 1929 г., когда после смерти А.И. Соболевского стали предлагать его преемника в Академию. Среди «видных специалистов» назывался и Н.М. Каринский как возможный кандидат [10. С. 364].

Наиболее справедливая оценка творчеству Н.М. Каринского была дана еще полвека назад известным исследователем древнерусской литературы Н.Н. Розовым, который писал, что в его лице «следует отметить редкое и драгоценное сочетание качеств лингвиста и палеографа, что обусловило особенности метода и широту тематики его исследований» [14. С. 25].

После окончания гимназии Н.М. Каринский поступил в Санкт-Петербургский университет на историко-филологический факультет, который окончил в 1896 г., был оставлен для приготовления к профессорскому званию и стал заниматься под руководством академиков А.А. Шахматова и А.И. Соболевского. Еще студентом он занялся изучением говоров в Костромской губернии [15].

До защиты магистерской диссертации, которая затянулась до 1909 г., он преподавал в ряде учебных заведений: Ксенинском, Екатерининском институтах, престижном Археологическом, в 1903 г. был приглашен в родной университет. Постепенно накапливался опыт научно-преподавательской и исследовательской работы, что позволило Н.М. Каринскому стать одним из лучших специалистов в области истории русского и древнеболгарского языков.

Среди выдающихся памятников славянской письменности его привлекали «Остромирово Евангелие» [16; 17], «Слово о полку Игореве» [18]. Молодому ученому первому удалось установить в одном из списков «Слова» псковские черты [19; 20]. Заметим, что до него эти памятники древнерусской письменности уже были предметом исследования, в том числе и выдающихся ученых [21–23]. Давая оценку роли Н.М. Каринского в изучении древнейшего славянского памятника, Н.Н. Розов писал, что его работы «по Остромирову Евангелию являются итогом дореволюционного периода изучения Остромирова Евангелия – итогом важным и значительным, наметившим пути дальнейшего изучения этого памятника более совершенными лингвистическими и палеографическими методами» [14. С. 25].

Личный архив ученого хранится в Архиве РАН (Ф. 468), РНБ (Ф. 1. № 356), имеются материалы в РГИА [24], есть его письма в личном фонде

С.Ф. Платонова [25]. Корреспонденция датируется 1904–1925 гг., она насчитывает 39 писем (в том числе и небольшие записки) и две телеграммы (одна не сохранилась, о чем узнаем из письма от 10 апреля 1919 г.), общий объем 53 листа, некоторые исписаны с обеих сторон. Письма позволяют проследить взаимоотношения между учеными, их семьями, указать на черты характера, отдельные эпизоды научной и преподавательской деятельности, уточнить круг общения, конкретизировать политическую и социальную ситуацию в стране и научной корпорации. Кроме того, мы узнаем малоизвестные факты об экскурсиях слушательниц Женского педагогического института (ЖПИ), работе Лазарета при нем в годы Первой мировой войны, подробности о здоровье детей Н.М. Каринского, наводнении в Ленинграде и др.

Наша цель – определить основные направления деятельности Н.М. Каринского во время его жизни в Вятке, показать трудности и бытовые проблемы, с которыми сталкивалась его семья в этот период.

Н.М. Каринский взаимодействовал с С.Ф. Платоновым в ряде учреждений: в Петербургском университете, ЖПИ и Археологическом институте, Археографической комиссии. В 1912 г. в Твери повторно (первые проводились в 1904 г.) были организованы археологические курсы [26. С. 62–77], где оба принимали активное участие в чтении лекций. По этому делу С.Ф. Платонов неоднократно писал в Тверь председателю Тверской ГУАК А.И. Иванову [27. С. 157,161–162]. В 1911 г. С.Ф. Платонов приглашает Н.М. Каринского в ЖПИ, где он будет преподавать до 1917 г. В это время он руководил и несколькими экскурсиями его слушательниц. Представляет интерес письмо-отчет об одной из них в Ростовский край: «Глубокоуважаемый Сергей Федорович! Вернувшись из путешествия, считаю долгом сообщить Вам о тех сторонах его, к которым я имел ближайшее, как сопровождающий экскурсанток преподаватель, отношение.

В Москве мы осмотрели соборы (Успенский, Благовещенский и Архангельский; церкви 12 Апостолов, Спаса на Бору, Кремлевский Дворец с Грановитой палатой); поднимались на Ивана Великого; обозревали Патриаршую библиотеку (остановив особое внимание на некоторых греческих и славянских рукописях). Кроме того, более или менее подробно осматривали: Чудов монастырь, Покровский собор, Печатный двор (из рукописей более подробно осматривали важнейшие лицевые, а также немногие рукописи XI в.), домик Романовых, Третьяковскую галерею, Московский Публичный и Румянцевский музей (где особое внимание обратили на этнографические коллекции, касающиеся территории России), Исторический музей, где более подробно осматривались предметы материальной археологии, как исторической в пределах России, так и первобытной. Группами участники экскурсии познакомились с Москвой по своему усмотрению (для чего дано было несколько часов). Смотрели Кремль при лунном освещении, Сухареву башню. Между прочим, нескольким экскурсанткам я показывал торговлю старинными книгами Большакова.

В окрестностях Москвы мы посетили Троицкую Лавру, где на колоколах слышали и видели, как производится монашеский звон. В Лавре прошли по стене, осмотрели церкви, трапезную и пр. Из Лавры отправились к Вифанию[1].

---

[1] Спасо-Вифанский монастырь – бывший мужской православный монастырь в Сергиевом Посаде (в 1783–1797 гг.– скит Троице-Сергиевой лавры). В 2002 г. на части территории открыто подворье Троице-Сергиевой лавры. Место, названное позже Вифанией, а прежде носившее имя Корбуха.

Были на Воробьевых горах, где часть экскурсии видела место первоначальной закладки храма Христа Спасителя.

В Москве в экскурсии много помогали хранители отделов Музеев, библиотекари и другие лица, давали интересные объяснения.

В поездке по Суздальской Руси пришлось видеть очень много. Оставляя в стороне всё то, что нам интересно объяснялось В.Т. Георгиевским[2], я остановлюсь на нескольких фактах из них, где приходилось мне принимать ближайшее участие. Во всех книгохранилищах, где встречались рукописи (Ярославский Архиерейский дом, Музеи во Владимире и мн. др.), мы определяли место и время написания рукописей, делали замечания об орнаменте и пр. Также лично приходилось немало говорить о фресках и других археологических предметах с палеографической стороны. Особенно много интереса вызвали Корсунские и Васильевские врата.

Из Ризоложенского монастыря с семью словесницами и одною историчкою (всего было восемь мест в экипаже) мною была совершена поездка с диалектическою целью. Записаны были особенности говора по составленной ранее программе и показано место наблюдения. Кроме того, участницы этой поездки интересовались жизнью деревни, осматривали внутренность избы, записывали народные песни, нашли даже шовный сарафан с золотой бахромой. После поездки, в продолжение 5-ти часов систематизировался собранный диалектологический материал.

Настроение в поездке было весьма хорошее и, кажется, никому не хотелось ее оканчивать. Древняя Русь с ее религиозным настроением была близка сердцу участвующих.

Истинно и глубоко Вас уважающий, Ваш покорный слуга Н. Каринский. 1910 – VI» [25. Л. 12–13об.]. Письмо в полной мере показывает с какой тщательностью выбирались объекты для экскурсии, названы виды работ, которые выполняли слушательницы, очевиден живой интерес самого руководителя к происходящим событиям и его желание привлечь своих подопечных к научно-поисковой работе.

Есть свидетельство о другой поездке. Слушательница ЖПИ В. Мейер в своих воспоминаниях так описывает одну из экскурсий по северным городам России. Н.М. Каринский «возводил названия предметов, которые нас окружали, всего, что мы ели или пили к древнерусскому, санскриту, к праязыку [...] Вспоминается его высокая фигура, когда на остановках, если он видел местных жителей, он карабкался даже на высокий берег, чтобы записать особенности северных диалектов» [28. С. 113].

В Вятку Н.М. Каринский приезжал на похороны отца[3], который умер на даче в дер. Большая Субботиха, Вятского уезда, Вятской губернии. Об этом печальном событии и ситуации, сложившейся в родном городе он сообщает С.Ф. Платонову 5 июля 1917 г.: «как я Вам писал, я застал отца в очень плохом состоянии. На даче через некоторое время ему стало немного лучше, но затем опять пульс повысился до 100 при нормальной (очень низкой) температуре. 11 июня у отца сделался жар, а 20 июня он тихо скончался. Похороны

---

[2] Георгиевский Василий Тимофеевич (1861–1923) – исследователь древнерусского и традиционного церковного искусства, архивист, многолетний служащий по духовному ведомству.

[3] Недавно вышла интересная книга, где помещены исследования, посвященные ученому, хроника творческой жизни и библиография его трудов [29. С. 15–126].

происходили на кладбище Трифонова монастыря в Вятке, где покоится тело моего прадеда с материнской стороны. Нам очень тяжело, что при последних минутах не пришлось быть ни маме[4], ни брату, и мы даже до сих пор не знаем, как принято мамой известие о кончине. Мама лечится в санатории на юге. Таковы наши тяжелые обстоятельства. На днях мы все стали поправляться, но семейное горе несколько расшатало здоровье. Сейчас я совершенно не могу сосредоточиться на занятиях.

В Вятке настроение не дурное; все заняты делом. Крестьяне ждут устройства республиканского строя и передела земли. Насилие здесь никем не одобряется. В городе порядочно весьма интеллигентных людей. Архивная комиссия[5] и летом продолжает печатание своих трудов[6]. Вообще здесь ничто не останавливается, и с революцией в некотором отношении (общественном) деятельность даже значительно увеличилась: в деревнях устраиваются ясли для детей, появляются кооперативы. В деревне, где мы живем, у общественной лавки аншлаг: "просят посетителей скверно-матерных слов не выражать, в пьяном виде в магазин не заявляться, помня, что это не частная торговля, а народный кооператив".

Несколько особняком стоят солдаты. Их требования иногда слушают горожане. Недавно они настояли на обыске неких квартир, чтобы найти запасы продовольствия. Конечно, ничего найдено, как говорят, не было. Третьего дня солдаты водили одного из солдат, провинившегося в воровстве, по городу, надев на него вещи, которые он уворовал. Вор должен был при всем народе на площадях и улицах исповедовать свой грех» [25. Л. 35–36]. Письмо содержит большое количество информации, важной для понимания состояния семьи после похорон близкого человека, нарисована картина революционной Вятки, положение в деревне и среде военных. Особый интерес вызывает краткая информация о местной архивной комиссии.

1918–1923 гг. составляют в жизни Н.М. Каринского период, связанный с его педагогической, научной, организаторской деятельностью в Вятке и условно его можно назвать «вятским».

Этот, хотя и непродолжительный, но довольно насыщенный по своим итогам временной отрезок датируется по-разному. А.Л. Рашковский, ссылаясь на сведения Г.Ф. Чудовой, указывает на 1918–1924 гг. как время вятского краеведения, когда в его развитие внес «большой вклад» Н.М. Каринский [30]. Называют осень 1919 г. как время приезда и начала работы Н.М. Каринского в Вятском педагогическом институте [31; 32]. Пишут о том, что в 1919 г. уже сложившимся и известным ученым Николай Михайлович переехал из голодающего Петрограда вместе со своей семьей и семьей Лупповых (сестры.– *В.М.*) в Вятку. Так Л.В. Краснова, ссылаясь на архивный документ [33], утверждает, что Н.М. Каринский «в Вятку [...] прибыл из Петрограда в декабре 1919 г. по приглашению Вятского института народного образования на должность

---

[44]Каринская (Зотикова) Маргарита Викторовна (1849–1917) – дочь московского чиновника, жена М.И. Каринского с 17 августа 1869 г.

[5] Комиссия была открыта 28 ноября 1904 г. в Вятке в зале Губернского правления, где присутствовали губернское начальство, духовенство, представители разных учреждений, преподаватели учебных заведений Вятки. Председателем комиссии был избран Н.А. Спасский, бывший смотритель Вятского духовного училища, в 1906 г.– ученый А.С. Верещагин. С 1907 г. председателями стали выбирать вятских губернаторов. Основное ядро комиссии составили ее инициаторы, известные вятские краеведы: И.М. Осокин, Д.К. Зеленин, П.Н. Луппов, М.Г. Худяков.

[6] С 1905 г. комиссия стала издавать «Труды». В 1917 г. вышли Вып. 1–2. Отд. 1.; Вып.1–2. Отд. 3; Вып. 3–4. Отд. 1.

заведующего кафедрой языкознания» [34][7]. На это же время указывает и современник тех событий Н. Желваков [35. С. 2], поэтому не доверять этим сведениям нет оснований. Есть исследователи, которые без указания конкретной даты также пишут, что в 1919 г., спасая свою семью от страшного голода, Н.М. Каринский переезжает из Петрограда («вернулся на родину», «жил в Вятке») в Вятку [36].

С этим переездом связан известный факт из общественной деятельности А.М. Горького, по инициативе которого была создана специальная комиссия по улучшению быта ученых (КУБУЧ). Комиссия выделила специальный паек профессору Н.М. Каринскому в Петрограде, которого он лишился после переезда в Вятку. Писатель 30 сентября 1920 г. обращается в Вятский губисполком с письмом, где написал: «Профессор Н.М. Каринский в бытность его в Петербургском университете получал учёный паёк, которого лишился вследствие командировки в город Вятку, а потому комиссия по улучшению быта ученых просит Вятский губисполком выдавать профессору Н.М. Каринскому достаточный паек, обеспечивающий его существование и нормальную научную и педагогическую работу» [37]. По всей видимости, это обращение всемирно известного писателя не могло быть проигнорировано.

Письмо, датированное 11 июня 1918 г., позволяет установить время отъезда Н.М. Каринского в Вятку и вносит определенную ясность в этот вопрос: «Спешу Вас уведомить, что завтра, к сожалению, мне не придется быть на заседании Совета Археологического института, т.к. я должен выехать в Вятку, если только завтра утром получу билет, который мне обязаны выдать. Мне очень хотелось зайти к Вам перед отъездом, но не пришлось этого исполнить, т.к. всю [...] прошлую неделю и до сего времени стараюсь выручить библиотеку отца. Сегодня мне разрешено взять книги. Придется до вечера[8] работать с перевозкой и даже, по-видимому, не попаду на заседание в память И.А. Шляпкина, что очень грустно». Здесь же сообщается и адрес, куда следует направлять корреспонденцию: «Вятка. Дом Кафедрального собора. Братевая школа» [25. Л. 38–38об.].

Еще весной 1917 г. «семья моя поехала вместе с семьею сестры (14 чело[век] детей и старый отец) в Вятскую губ[ернию]» [10. С. 20–21],– писал Н.М. Каринский 28 апреля своему учителю А.И. Соболевскому. Семья продолжала жить там и в 1918 г. По этому поводу Н.М. Каринский писал С.Ф. Платонову: «Мы остались на лето в городе Вятке частично вследствие чрезвычайной трудности выезда из города с семейством, частично из опасения оставить городскую квартиру пустою, частично, наконец, из-за неопределенных настроений в деревнях под Вяткой».

Далее в письме сообщается о проблемах, с которыми столкнулись Каринские, прежде всего продовольственная: «Здесь тоже стало не хватать хлеба, появились большие хвосты, что удручает, т.к. мы остались без прислуги, а найти новую в Вятке пока не удается и становится очень тяжело с маленькими детьми при существующих условиях жизни». Научная общественность, стоявшая близко к Н.М. Каринскому, интересовалась состоянием Археологического института, положением Археографической комиссии и их отношением «к местным архивам» [25. Л. 39–39об.].

---

[7] Эта же дата указывается на некоторых сайтах, посвященных ученому (wiki-org.ru/wiki/Каринский, ... копия).
[8] Подчеркнуто в письме.

В это время с ним встречалась Е.В. Гогель, которая писала С.Ф. Платонову 20 июня 1918 г. (вскоре после его приезда): «От Ник. Мих. Каринского слышала о новых начинаниях в Археолог[ическом]инст[итуте], о Ваших архивных проектах». А 27 августа этого же года она сообщает, что «сегодня должен уехать в П[е]тр[оград] Н.М. Каринский, с ним мы (Е.В. Гогель и А.В. Паллизен.– В.М.) отправляем наши прошения об увольнении (из библиотеки бывшего ЖПИ.– В.М.), т[ак] к[ак] ныне нет никакой возможности ехать теперь туда» [39. С. 32, 34]. Следовательно, Н.М. Каринский уезжал без семьи. В архиве ученого хранятся лекции на тему «Язык русской поэзии XIX века», читанные на 4-м курсе ЖПИ в 1918–1919 учебном году [40]. Н.М. Каринский в упадническом настроении сообщал 11 декабря 1918 г. А.И. Соболевскому: «Семья живет в Вятке, а я в Петрограде, приезжая на лето, на Рождество и на Пасху». Были и не планируемые поездки. Например, в конце марта 1919 г., «получив телеграмму из Вятки о болезни детей и отсутствии средств у семьи», он «спешно» уехал к ней [10. С. 68–69, 71]. Прожив в Вятке до апреля 1919 г., Н.М. Каринский приходит к решению, что там «оставаться семье представляется невозможным вследствие эвакуации». Он мечтает вернуться в Петроград, куда «попасть можно лишь с разрешения местных Петроградских властей». Для решения проблемы он обращается к С.Ф. Платонову, надеясь на его «доброту» и «благосклонное отношение». Решиться на переезд с большой семьей, в которой кроме самого Н.М. Каринского было еще восемь человек: «1) жена Варвара Афанасьевна[9] 40 л., 2) теща Феоктиста Дмитриевна 68 л., сыновья – 3) Николай – 17 л., 4) Всеволод – 15 л., 5) Юрий – 6 л. и 6) Александр – 4 года и дочери – 7) Елена 18 л., и 8) Евгения – 9 лет» [25. Л. 41–42], в город, где не было «даже комнаты», было не логично. Эта тема остается главной в ряде корреспонденций, посланных друг за другом: в телеграмме, двух письмах, где сообщается о намерении уехать из Вятки, но «между тем выезд с семьей чрезвычайно труден и тягостен». Нужно было упомянутое разрешение, которого, кроме самого Н.М. Каринского, из членов семьи никто не имел. С.Ф. Платонов как директор Археологического института в апреле же посылает в Вятский Совдеп официальное письмо, в котором говорится о намерении профессора Н.М. Каринского «вернуться к месту своей службы с семьей».

Н.М. Каринский уезжал снова один, без семьи, так как в период гражданской войны с больными детьми и престарелой тещей отправляться в дорогу было рискованно. А в декабре (как указывает А.М. Горький и вслед за ним Л.В. Краснова) профессор был откомандирован из университета в Вятку. На это указывает и письмо от 12 февраля 1920 г., в котором сообщается, что «условия жизни в Вятке оказались на первых порах довольно тяжелыми, так как в 2-х комнатах, которые предоставили моей семье, температура доходила до – 5». Такие бытовые условия привели к сильному «отеку рук и ног», что и стало причиной для переноса поездки в Петроград. При этом выражалась надежда на эту поездку: «при первой возможности[10] приеду» [25. Л. 45]. Вот с этого времени (с декабря 1919 г.) он остается в Вятке до 1923 г., до этого бывая там наездами.

А в письме от 17 августа 1920 г. Н.М. Каринский писал, что подтвердилось предположение С.Ф. Платонова, что ему «придется на год остаться в Вятке». Такая ситуация сложилась ввиду вынужденных обстоятельств: «с семьей переехать в Петроград невозможно, а жить без семьи слишком тяжело». Лекции,

---

[9] А.И. Соболевский писал, что она «особа рассудительная» [10. С. 240].
[10] Подчеркнуто в письме.

которые намечались в университете и Археологическом институте, «не придется читать» [25. Л. 46] – с чувством неудовлетворенности писал Н.М. Каринский. В это же время в Вятку приезжал А.И. Андреев, который немало рассказал и о Платоновых, и о событиях в Петрограде, что было особенно нужно для Н.М. Каринского. В связи с этим в августе 1921 г. он писал, что «чрезвычайно скучает по Петрограду, по библиотекам, рукописям и особенно по ученому сообществу». Срок откомандировки оканчивался в сентябре и снова со всей остротой стоял вопрос о переезде. Об этом он 22 октября 1921 г. писал и А.И. Соболевскому, что если «останется здесь дольше», то «должен пропасть для науки и преподавания» [10. С. 41].

Но отсутствие квартиры, мебели, посуды, средств на переезд ставило семью Н.М. Каринского в безвыходное положение. Вновь просьба к С.Ф. Платонову навести справки: «возможно ли найти квартиру и, хотя бы немного мебели? Каким путем устроиться с пайками на семью? Как дело с дровами?». А «в Вятке жизнь тяжелая,– читаем в одном из писем.– Скончалась у нас жившая бабушка, мать жены, исключительно от тяжелых условий, которые ей, как старому человеку, были особенно тяжелы. Все мы хвораем и слабеем от истощения, хотя мучений голода обычно еще не ощущаем и, вероятно, ощущать не будем». Встреча с желанным Петроградом произошла через статью А.А. Спицына, которую покупал музей, а Н.М. Каринский своим отзывом на нее «споспешествовал наиболее высокому увеличению платы за статью» [25. Л. 48–48об.]. Это было последнее письмо из Вятки, адресованное С.Ф. Платонову. В письмах вятского периода красной нитью проводится мысль, что город ученого не устраивает, пребывание в провинции его тяготит, он стремится вернуться в Петроград. Заметим, что о своей научной, преподавательской деятельности Н.М. Каринский почти не пишет. Работа, вероятно, приносила мало удовлетворения, была не настолько интересна, чтобы о ней сообщать авторитетному ученому. М.А. Робинсон по этому поводу заметил, что у профессора не было «возможности реализовать в провинции научные амбиции» [10. С. 41].

Следовательно, содержание писем Н.М. Каринского, адресованных С.Ф. Платонову, А.И. Соболевскому и указание Е.В. Гогель ставят под сомнение отдельные мнения о времени переезда Каринских в Вятку. Следует разделить приезд семьи, он состоялся в 1918 г., и время пребывания там Н.М. Каринского.

Вятский период целесообразно начинать с лета 1918 г. Вскоре по прибытии Н.М. Каринский продолжил в окрестностях Вятки свою работу по сбору информации по местным говорам [41]. Была разработана анкета, которую следует рассматривать как следствие интереса ученого к «своеобразию местных говоров, сохранивших многие архаические черты русского языка» [41]. Собранный материал нашел свое отражение в ряде исследований: «Экскурс в область вятской народной песни», «Собирание научных материалов, характеризующих этнографический перелом в Вятском крае во второй половине XIX и начале XX века», «Язык образованной части населения г. Вятки и народные говоры». Порой в экспедиции Н.М. Каринский отправлялся со студентами [42].

В 1922 г. опубликованы еще несколько работ и «Программа для собирания русских народных говоров Вятского края в связи с собранием других местных этнографических особенностей» [43. С. 32–49]. По сведениям Л.Н. Макаровой, «диалектологические работы основаны на личных наблюдениях Н.М. Каринского во время многочисленных экспедиций в Нолинский, Уржумский, Малмыжский, Халтуринский уезды» [32].

Н.М. Каринский плодотворно трудился и в «скромной» должности архивариуса вместе с И.М. Осокиным, А.А. Григорьевым, Н.Г. Гусевым [44. С. 70]. Он с Н.П. Оттокаром был привлечен и к «изучению библиотечных фондов, выявление и описание ценных и редких изданий, среди которых было много на иностранных языках» [45. С. 14], о чем писала В.Н. Колупаева. Она же отмечала, что «находившийся после революции в Вятке Н.М. Каринский «участвовал в работе библиотеки» [46. С. 27].

Важным шагом в развитии краеведения в Вятке стало создание Вятского исторического общества, в котором активное участие принимал и Н.М. Каринский, к тому же избранный его председателем. 4 апреля 1920 г. прошло первое заседание исторического общества с участием Н.М. Каринского, М.Н. Решетникова, П.Н. Луппова, Е.В. Гогель и Л.Н. Спасской. Работе общества препятствовало тяжелое материальное положение интеллигенции. А.В. Сергеев указывает, что «члены общества и сотрудники научных учреждений голодают» [47. С. 10. Примеч. 56]. В письмах Н.М. Каринский также указывает на трудности с продовольствием. О тяжелом материальном положении семьи свидетельствует следующий факт: в 1920 г. 23 июня и 15 июля Вятский институт народного образования обратился с ходатайством в горсовет Вятки «о предоставлении профессору Н.М. Каринскому помещения и обуви» [40. Оп. 2. Д. 6. Л. 1–3].

Яркой страницей вятского периода в организаторской, научно-исследовательской и популяризаторской деятельности Н.М. Каринского следует считать работу по организации местного научно-исследовательского института краеведения, начавшего работу в 1922 г., и создание его печатного органа [48].

В Вятке формируются историко-этнографические документальные комплексы, это направление научной деятельности А.Е. Загребин и А.А. Иванова связывают с учредителем и первым директором института Н.М. Каринским [49].

Следует заметить, что, находясь в родном городе, Н.М. Каринский в декабре 1921 г. был избран членом-корреспондентом АН по Отделению русского языка и словесности.

С.Ф. Платонов содействовал оформлению его откомандирования из университета в Вятку, чтобы сохранить место профессора и надеясь на его возвращение. Заметим, что в это тяжелое время и сам будущий академик искал разные пути поддерживать нормальное питание своей семьи. Например, он состоял в штате Пермского отделения Петроградского университета [50], выезжал для чтения лекций в Вологду, где в качестве гонорара ему предложили продуктовый паек [51. С. 50]. Поэтому на большее, чем он мог пойти, не было возможности.

В 1923 г. вятский период закончился. Ученый после нескольких настойчивых, но неудачных попыток вернуться в Петроград, переезжает в Москву и начинает работу в ряде научных учреждений: в Историческом музее, 2-м Московском государственном педагогическом институте им. А.С. Бубнова, в Институте языка и мышления им. Н.Я. Марра АН СССР.

Связь ученого с Вятским краем не прерывалась и после его отъезда в Москву. По сведениям Л.В. Красновой, «с января 1924 г. Н.М. Каринский совмещал должность директора ВятНИИ краеведения с должностью ученого специалиста в Российском историческом музее» [34. С. 61]. В 1927 и 1930 гг. он приезжал в Вятку для чтения лекций.

Бывал он и в желанном, но переставшим быть родным Петрограде (Ленинграде). Так из писем (16 января и 14 ноября 1924 г.) М.Н. Сперанского В.М. Истрину известно, что Н.М. Каринский дважды в этом году был там [10. С. 161, 264].

Таким образом, корреспонденция вятского периода на имя С.Ф. Платонова важна для установления времени вынужденной задержки или переезда семьи Н.М. Каринского в Вятку. В письмах зафиксированы факты из жизни города революционной поры и времени Гражданской войны. Кроме того, они позволяют назвать и причину переезда Каринских в 1923 г. не в Петроград, а в Москву, содержат немало информации о бытовых проблемах, которые преследовали их. В целом вятский период Н.М. Каринского отличался деятельностью в разных направлениях: организация института краеведения, преподавательская и библиотечная деятельность, диалектологические экспедиции, здесь был написан и опубликован ряд исследований, но особого удовлетворения от работы не было.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Жуковская Л.П.* Развитие славяно-русской палеографии (в дореволюционной России и СССР). М., 1963.
2. *Луппова Е.П., Филин Ф.П.* Николай Михайлович Каринский: (К столетию со дня рождения) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1973. Т. 32. Вып. 2.
3. Каринский Николай Михайлович // Сотрудники Российской Национальной библиотеки. Деятели науки и культуры: биографический словарь. СПб., 1995. Т. 1.
4. Каринский Николай Михайлович // БСЭ. М., 1973. Т. 11.
5. Каринский Николай Михайлович // СЭС. М., 1987.
6. Каринский Николай Михайлович: [крат. биогр. справ.] // Современный иллюстрированный словарь Вятского края. Киров, 2005.
7. *Макарова Л.* «Я люблю Вятку...» [О Н.М. Каринском] // По ленинскому пути. Газета Кировского государственного педагогического института им. В.И. Ленина. 1988. 31 мая.
8. *Шиляева Р.* Помощник архивариуса. [О Н.М. Каринском] // Кировская правда. 1989. 27 сентября.
9. *Долгушев В.Г.* Н.М. Каринский: годы жизни и деятельности в Вятке // Кировская правда. 1998. 4 апр. (№ 64).
10. *Робинсон М.А.* Судьбы академической элиты: отечественное славяноведение (1917 – начало 1930-х годов). М., 2004.
11. А.И. Соболевский и русское историческое языкознание (к 150-летию со дня рождения ученого): Тез. докл. Междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 июня 2007 г.). М., 2007.
12. *Алпатов В.М.* Филологи и революция // Новое литературное обозрение. 2002. № 53.
13. *Аншин Ф.Д., Алпатов В.М.* Материалы к биографии А.М. Селищева // РЖ. Социальные и гуманитарные науки. Отечественное языкознание. 1994. № 4.
14. *Розов Н.Н.* Остромирово Евангелие в Публичной Библиотеке: (150 лет хранения и изучения) // Труды Государственной Публичной библиотеки. Л., 1958. Т. 5 (8).
15. Заметки об одном из говоров Костромской губ. студента Петербургского унив. Н. Каринского // Живая старина. 1895. Вып. III–IV.
16. *Каринский Н.М.* Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка // ЖМНП. 1905. № 5.
17. *Каринский Н.М.* Письмо Остромирова евангелия (палеографический очерк) // Сборник Российской Публичной библиотеки. Пг., 1920. Т. I. Вып. 1.
18. *Винокур Г.О.* К вопросу о языке «Слова о полку Игореве» // Слово о полку Игореве: комплексные исследования / Отв. ред. А.Н. Робинсон. М., 1988.
19. *Каринский Н.М.* Очерки из истории псковской письменности и языка. I. Исследование Псковского Шестоднева 1374 г. С тремя автотипическими снимками. Пг., 1916.
20. *Каринский Н.М.* Очерки из истории псковской письменности и языка. II. Мусин-Пушкинская рукопись «Слово о полку Игореве» как памятник псковской письменности XV–XVI вв. Пг., 1917.

21. Остромирово Евангелие 1056–57 года: С прил. греч. текста евангелий и с граммат. объясн., изд. А. *Востоков*ым / [Предисл.: А. *Востоков*]. СПб., 1843.
22. *Срезневский И.И.* Древние памятники русского письма и языка (X–XIV вв.): Общее повременное обозрение с палеографическими указаниями и выписками из подлинников и из древних списков. СПб., 1863.
23. *Шахматов А.А., Щепкин В.Н.* Особенности языка Остромирова евангелия // Прибавл к кн.: Лескин А. Грамматика старославянского языка. М., 1890.
24. Российский Государственный исторический архив. Ф. 796. Оп. 437. Д. 1231.
25. Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. Ф. 585. Оп. 1. Ч. 2. Д. 3087.
26. *Митрофанов В.В.* Просветительская деятельность С.Ф. Платонова в российской провинции. Нижневартовск, 2014.
27. Академик С.Ф. Платонов: Переписка с историками в 2 т. М., 2003. Т. 1.
28. *Груздева Е.Н.* Академическое интермеццо. СПб., 2009.
29. Логико-гносеологическое направление в отечественной философии (первая половина XX века): М.И. Каринский, В.Н. Ивановский, Н.А. Васильев / Под ред. В.А. Бажанова. М., 2012.
30. *Рашковский А.Л.* Краткий обзор истории краеведения в Вятском крае // herzenlib.ru/kraeved/index.php?... копия
31. *Пленков В.* Профессор Каринский в Вятке // Кировская правда. 1973. 28 марта. № 73.
32. *Макарова Л.Н.* Н.М. Каринский – первый профессор, доктор филологических наук, член-корр. АН СССР // Выдающиеся ученые и педагоги Вятского педагогического института (рукопись).museum.vyatsu.ru/personal/... копия
33. Архив ВятГГУ. Ф. 1148. Оп. 4. Д. 101. Л. 5.
34. *Краснова Л.В.* Становление регионального научного книгоиздания (к 100-летию ВятГГУ) // Вестник Вятского государственного университета. 2014. № 5.
35. *Желваков Н.* 25-летие ученой деятельности профессора Н.М. Каринского // Вятская правда. 1920. 25 декабря. № 201.
36. people-archive.ru/character/...; kirovmemorials.ru/zdanie-...
37. kprf43.ru/node/4833 копия
38. *Митрофанов В.В.* «...и тем более ценны для меня Ваше дружеское содействие и помощь...»: роль С.Ф. Платонова в формировании Е.В. Гогель, как организатора библиотечного дела (вступ. ст. подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. Вып. 30.
39. *Митрофанов В.В.* «... прибегать к Вам в трудных случаях библиотечной жизни»: Письма Е.В. Гогель С.Ф. Платонову (вступ. ст. подгот. коммент.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2016. Вып. 29.
40. Архив РАН. Ф. 468. Оп. 1. Д. 34. Л. 1–38; Оп. 2. Д. 6. Л. 1–3.
41. *Долгушев В.Г.* Изучение Н.М. Каринским говоров Вятского края // Лексика и грамматика севернорусских говоров. Киров, 1986.
42. *Луппов П.Н.* Разыскать ценные материалы (Истории сбора вятского фольклора в 1920-х гг. проф. Н.М. Каринским и студентами Вятского педагогического ин-та) // Кировская правда. 1937. 10 апреля.
43. Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вологда, 1922. № 1.
44. *Шиляева Р.С.* Несколько слов о вятских архивистах первых советских лет (1918–1924 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2000. Вып. 1.
45. *Колупаева В.Н.* К истории Герценки: (1917–1922 гг.) // Герценка: Вятские записки. Киров, 2000. Вып. 3.
46. *Колупаева В.Н.* «Все с книгами и о книгах». Е.В. Гогель (1864–1955) и Вятская губернская публичная библиотека им. А.И. Герцена // Герценка: Вятские записки. Киров, 2003. Вып. 5.
47. *Сергеев А.В.* Менталитет российского провинциального общества на рубеже XIX–XX вв. (на материалах Вятской губернии). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2007.
48. Заметки о методах этнографических наблюдений // Известия Вятского научно-исследовательского института краеведения. Вологда, 1922. № 1.
49. *Загребин А.Е., Иванова А.А.* Анкеты 1920-х гг.: из документального наследия Вятского института краеведения//Отечественные архивы. 2008. № 4.
50. *Митрофанов В.В.* О не состоявшихся лекциях С.Ф. Платонова в Пермском университете // Вестник Пермского государственного университета. 2017. № 2 (37).
51. *Митрофанов В.В.* «Вологжане очень помнят Вас»: Письма Л.И. Андреевского и В.Д. Андреевской-Прозоровской С.Ф. Платонову (вступ. ст., публикация) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013. Т. 2. № 4 (52).

С.А. ВОРОБЬЕВА. Алексей Хомяков. СПб., 2018. 251 с.

DOI: 10.31857/S0869544X0006217-1

Светлана Александровна Воробьева, автор монографии «Алексей Хомяков», является признанным специалистом в области изучения славянофильства [1; 2]. Рецензируемая работа Воробьевой – это краткие, но крайне информативные пролегомены, выстраивающие ясную логическую схему для дальнейшего изучения богатейшего историко-философского наследия Алексея Степановича Хомякова. Монография состоит из Введения, четырех глав, Заключения, а также Приложения, содержащего три отрывка из публицистических работ А.С. Хомякова, Литературы и Указателя имен.

Во Введении приводятся необходимые сведения, позволяющие воссоздать не только основные этапы биографии Хомякова и черты его личности, но и круг его общения. Интерес представляет предлагаемая Воробьевой классификация подходов к исследованию творчества Хомякова: «работы философско-гносеологического характера, практически не включающие историческую проблематику (Н.Ю. Колюпанов, И. Панов): работы, анализирующие отдельные стороны учения Хомякова – этику (Л.Е. Владимиров), богословие (П.А. Флоренский. В. Певницкий, П. Линницкий); философско-исторические исследования (В.З. Завитневич, Н.А. Бердяев)» (с. 5–6). Воробьева подчеркивает перспективность акцентирования исследовательского внимания именно на общефилософской основе философии истории Хомякова, так как это позволит не только реконструировать «достаточно своеобразную систему» (с. 216), но и понять причины согласования и непротиворечивости духа православной традиции и реалистического познания истории.

Итак, прежде чем выявлять особенности видения Хомяковым проблемы «Восток–Запад» (третья гл. монографии) и диалектики всемирной истории (четвертая гл.), Воробьева предлагает обратиться к онтологическим (первая гл. «Основные идеи и их теоретические источники») и гносеологическим (вторая гл. «Методы исторического познания») основаниям философии истории Хомякова. Круг идей и проблем, составляющих фундамент философии истории Хомякова, следующий: идеи исторической закономерности и общественного процесса/прогресса; проблемы исторической достоверности, веры как движущей силы истории и нравственности; человек и история; причинно-следственная детерминация.

Воробьева не только выявляет теоретические истоки используемых Хомяковым идей и проблем (а это, прежде всего, работы Гегеля, Шеллинга и немецких философов-романтиков), но и анализирует их творческое переосмысление и своеобразное преломление у Хомякова. Например, взгляды немецкого романтика Ф. Баадера на возможность обоснования христианской веры и классификации истории согласно уровню восприятия человечеством христианской идеи, продолженные в программе И.В. Киреевского о синтезе рассудка и разума на основе высшего умозрительного единства, становятся для Хомякова основой

для разработки концепции «народной веры». Самосознание собственной внутренней цельности, необходимое для достижения истины и понимания истории, позволяет Хомякову рассматривать «веру в двух ипостасях: как знание более высокого уровня и как жизненную силу, лежащую в основе бытия» (с. 48). То есть умозрительное и конкретно-историческое понимание веры как функции воли («волящего разума») становится для Хомякова определяющим при рассмотрении истории как процесса «саморазвития "волящего разума" через его конкретное преломление в человечестве – веру» (с. 216).

Методология, используемая Хомяковым для гносеологического обоснования выявленных им исторических закономерностей, состоит, по мнению Воробьевой, из диалектического и «возвратного» методов, метода исследования материальных факторов исторического процесса (реконструкции), психологического подхода к историческому объяснению. «Возвратный» метод, позволяющий обращаться «к той или иной исторической эпохе как к некой схеме» и воссоздавать «на ее примере прошлого, настоящего и будущего развитие общества» (с. 85), Хомяков оценивает крайне высоко: «Возвратный ход [...] не может создать истории: но он, и он один, может служить ее поверкою» (с. 87). Воробьева отмечает, что разработка Хомяковым «возвратного» метода, проявляющегося в материальном и духовном аспектах, помогает не только его реально применять, но и избегать «исторического мистицизма», ярым противником которого был Хомяков (с. 87–88).

Вооружив читателя пониманием онтологических и гносеологических основ философии истории Хомякова, Воробьева поднимает проблему «Восток–Запад», оценивая ее не только как «определившую развитие русской философии истории XIX в.», но и как «центральную в системе Хомякова» (с. 119). Воробьева пытается проанализировать причины, по которым «Хомяков, определяя политическое основы проблемы «Восток–Запад», сознательно абстрагируется от конкретно-исторических особенностей и форм реальной политической жизни, отнюдь не сводимых к тем образцам, которые он создает» (с. 148). Видя в абсолютизации религиозного аспекта основную причину вышеозначенного искажения у Хомякова, Воробьева последовательно выявляет и анализирует взаимосвязанные теоретические уровни понимания истории Хомяковым, а именно: типологию гносеологических форм, уровень противоположности западного и восточного христианства и альтернативные структуры в сфере форм общественного сознания (с. 123).

Завершается монография главой о диалектике всемирной истории (гл. 4). Диалектическая схема противопоставления Востока и Запада, предложенная Хомяковым и обусловленная «действием соответствующих стихий свободы и необходимости» (с. 169), рассматривается Воробьевой как пример преодоления противоречий между абстрактностью, отвлеченностью теории и существенным объемом фактографического материала. Реконструкция трех взаимосвязанных актов мировой истории – Иранства и Кушитства, Греции и Рима, России и Европы, наиболее ярко, по мнению Хомякова, иллюстрирующих проблему «Восток–Запад», позволяет Воробьевой сделать ряд выводов как о концепции национального взаимодействия в схеме всемирной истории Хомякова, так и о его философско-исторических построениях в целом.

Идея Хомякова о национальном взаимодействии, примиряющаяся в его схеме с национальной самобытностью (в том числе и с национальной исключительностью России), будет находить отклик как у В.С. Соловьева в его видении объединения славянства, так и у К.Д. Кавелина в его мыслях о «необходимости внесения в русскую стихию европейского начала человеческой личности» (с. 209). Отмечая преемственность идей Хомякова в работах многих мыслителей (не только В.С. Соловьева и К.Д. Кавелина, но и Н.Я. Данилевского, В.О. Ключевского и многих других), Воробьева подчеркивает и то, что Хомяков недостаточно учитывает социальную динамику и что «склонность к системности зачастую приводит [...] к довольно искусственным конструкциям, не способствующим адекватному отражению исторического процесса» (с. 210).

Итак, монография С.А. Воробьевой «Алексей Хомяков» позволяет ознакомиться с онтологической и гносеологической составляющей философии истории А.С. Хомякова и его диалектической схемой всемирной истории, отражающей проблему «Восток–Запад». Кроме того, исследование Воробьевой пробуждает интерес не только к более монументальным трудам самого автора [1; 2], но и к первоисточнику – к «Семирамиде» Хомякова и его многочисленным публицистическим работам [3; 4].

© 2019 г. *Е.Н. Гудилина*
ek.gudilina@gmail.com

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Воробьева С.А.* Философия истории А.С. Хомякова. СПб., 2019.
2. *Воробьева С.А.* Философско-исторические идеи в России (1830–1850-е годы). СПб., 2010.
3. *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории. Ч. 1 // *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1871. Т. 3.
4. *Хомяков А.С.* Записки о всемирной истории. Ч. 2 // *Хомяков А.С.* Полн. собр. соч.: В 4 т. М., 1873. Т. 4.

Prasa zagraniczna o Polsce. Listopad 1918 – luty 1919 / Red. Borodziej W., Brzegowy J., Gajos B., Hetmańska N., Laskowska M. Warszawa, 2018. 471 s.

Заграничная пресса о Польше. Ноябрь 1918 – февраль 1919

DOI: 10.31857/S0869544X0006218-2

Средства массовой информации с момента появления играли важную роль в формировании общественного мнения, в политических и военных противостояниях. Особенно роль СМИ актуализировалась в годы мировых войн и в частности в период Первой мировой войны. Последняя стала катализатором революции в России и дала возможность окраинам пошатнувшейся империи попытаться получить независимость. Формировалась новая карта как Европы в целом, так и ее восточной части. Среди стран, которые были успешны в борьбе за независимую государственность, оказалась и Польша, отметившая в 2018 г. сотый юбилей этого события.

Столетие независимости приковывает внимание польского академического сообщества к истории страны первой четверти XX в. еще сильнее обычного, тем самым актуализируя научные публикации на эту тему. Одним из изданий такого рода стал сборник «Заграничная пресса о Польше. Ноябрь 1918–февраль 1919» под редакцией В. Бороджея, Й. Бжеговы, Б. Гайоса, Н. Хетманьской и М. Ласковской. Издание представляет собой откомментированную публикацию статей из иностранных газет о Польше в указанный период.

Книга вмещает в себя чуть менее 500 страниц, поделенных на введение и четыре тематических раздела. Первый из них посвящен англоязычной прессе, второй – франкоязычной, третий – немецкоязычной, четвертый – русскоязычной. Во введении сначала разъясняется структура сборника и его содержание, затем следуют четыре статьи – по одной для прессы на каждом из языков (s. 8–14, 14–21, 21–27, 27–33). Структура сборника традиционна для такого рода изданий – за научным комментарием следует публикация источников. Однако, возможно, в данном случае стоило бы отойти от общепринятой формы и поместить тематические статьи историков перед соответствующими разделами с публикациями источников. При таком построении сборника читателю было бы удобнее работать с каждым из тематических разделов, которые представляли бы связку научного комментария и источников. Что касается самих разделов, то в них статьи помещены по хронологии, а не разбиты по газетам.

Если говорить о содержании, то важно отметить несколько аспектов, обговоренных редакторами во введении. Во-первых, составители сборника приняли за основу именно языки публикаций, а не границы государств для помещения статей в разделы. Во-вторых, читающая публика того времени формировалась исходя из знания языков, а не исходя из гражданства или подданства. Исключение в этом вопросе составляла лишь Россия. С этим трудно не согласиться, как и с тем, что публикуемые статьи представляют читателю не данные о событиях в Польше с ноября 1918 по

февраль 1919 г., а их образ на страницах газет. Этим редакторы объясняют отсутствие сносок с данными, подтверждающими или опровергающими газетные сообщения первой четверти XX в. (s. 5–8).

Англоязычная пресса на страницах сборника представлена британскими «The Guardian», «The Times» и «The Observer», а также американскими «The New York Times», «The Washington Post». Она занимает около 150 страниц – существенно больше остальных разделов (s. 65–208).

Франкоязычная пресса охватывает уже не два, а три государства и занимает 100 страниц. В сборнике доступны статьи из швейцарских «Journal de Genève» и «Gazette de Lausanne», французских «Letempts», «Le Figaro», «Le Matin», «Le Journal» и «L'Humanité», а также бельгийских «L'Indépendance Belge» и «La Nation Belge» (s. 209–304).

Раздел о немецкоязычных газетах по объему равен франкоязычному и охватывает следующие издания: швейцарская газета «Neue Zürcher Zeitung», немецкие «Frankfurter Zeitung», «Vossiche Zeitung», «Vorwärts», австрийская «Neue Freie Presse», издававшаяся в Венгрии «Pester Lloyd» (s. 305–402).

Русскоязычные статьи занимают 70 страниц и взяты из московских газет «Правда» и «Известия», а также из белогвардейского омского издания «Правительственный вестник» (s. 403–471).

Составители сборника опубликовали достаточно широкий круг статей разного объема из газет различного политического направления. Здесь найдутся и консервативные, и либеральные, и социалистические точки зрения на ситуацию в Польше в 1918–1919 гг. Отдельно хотелось бы отметить необходимую попытку представить не только большевистские, но и белые российские издания. Но можно ли здесь ограничиться колчаковским «Правительственным вестником»? Во-первых, в белой Сибири на пике типографской активности по указанию московского историка Л.А. Молчанова издавалось около 120 газет. Во-вторых, помимо земель правительства А.В. Колчака, важны в контексте отношений с Польшей еще и южные территории бывшей Российской империи, вошедшие в состав Вооруженных сил Юга России под руководством А.И. Деникина. Для них Польша была ближе географически, а потому и освещение новостей из этой страны в южных областях могло быть качественно и количественно иным, нежели в Сибири. Да и в политических планах деникинского правительства Польша занимала важное место. К тому же, по подсчетам того же Л.А. Молчанова на южных территориях в годы Гражданской войны издавалось около 150 газет. Остается лишь сожалеть, что в сборник не удалось включить статьи из других газет с белых территорий России – от этого издание только выиграло бы.

Технически сборник выполнен на высоком уровне. Все источники опубликованы на его страницах без изменений, а статьи из «Правительственного вестника» – даже в дореформенной орфографии. Даты выхода статей на страницах газет указаны на польском и английском языках. Введение также напечатано не только по-польски, но и целиком переведено на английский (s. 35–64).

Наличие англоязычного справочного аппарата существенно расширяет потенциальную аудиторию сборника, ведь издание становится доступным ученым, которые не владеют польским. Книга определенно заслуживает внимания гуманитариев, причем не только польских. Можно констатировать, что этот сборник будет полезен специалистам по различным аспектам истории периода 1917–1922 гг.

© 2019 г. *В.А. Яковенко*
v0395@yandex.ru

E. POGONOWSKA. Klucze do Rosji. Tematy i strategie współczesnych narracji podróżniczych. Lublin, 2018. 294 s.
Э. ПОГОНОВСКАЯ. Ключи к России. Темы и стратегии современной путевой прозы

DOI: 10.31857/S0869544X0006220-5

Восприятие России и структурирование этого процесса в слове – тема для Польши исторически одновременно необычайно притягательная и трудная. С одной стороны, «польская самоидентификация обычно происходит через изображение России как не вполне достойного и небезопасного Иного» [1. S. 226–227], с другой – этот отталкивающий Иной всегда служил для польского сознания сильнейшим «полем магнитного притяжения» [2. С. 7]. За последнюю четверть века в Польше было сделано немало попыток «заново рассказать Россию», которые лишь подтвердили «отсутствие универсального ключа к тайнам российской действительности» (s. 23). По образному выражению Ц. Водзиньского, «дверь в Россию заколочена с обеих сторон, хоть – к счастью (?) для обеих сторон – не совсем наглухо» [3. S. 8].

Эва Погоновская (ун-т им. М. Кюри-Склодовской, Люблин) не одно десятилетие занимается рецепцией Советского Союза и России польским художественным сознанием. Цитируя слова Рышарда Капущиньского о том, что «Россия в периоды своего оживления вызывает интерес у многих» [4. S. 87], она признается, что как исследователя ее прежде всего привлекают переломные эпохи, а именно время после Октябрьской революции и после смены строя в 1991 г. В самом деле, любой политический катаклизм активизирует этнические стереотипы [5. S. 183], способствуя переосмыслению или прорисовке образов Другого в текстах культуры. Погоновская – автор книг «“Дикие бесы”. Образ Советской России в антибольшевистской польской поэзии 1917–1932» (2002) и «Прочтение Новой России. Польские встречи с Советским Союзом в тридцатые годы XX века» (2012), новая же монография сосредоточена на польской путевой прозе, связанной с Россией постперестроечной и, особенно, сегодняшней.

Двухчастная структура книги, состоящей из двух автономных, но дополняющих друг друга блоков, соответствует стержню анализа, который концентрируется вокруг двух неразрывно связанных вопросов: «“как?”, то есть стратегии путевого повествования, и “что?”, то есть тематики» (s. 11).

Первая часть, озаглавленная «Стратегии, или Как рассказать Россию», посвящена идейным и нарративным доминантам текстов четырех авторов – Кристины Курчаб-Редлих, Мацея Ястшембского, Анны Войтахи и Игоря Соколовского, их «методам познания России» (s. 13), освещаемым в более широком контексте польской наррации о России 1990–2010-х годов. Подтверждая мысль М. Черминьской о том, что точка зрения является категорией столь же нарративной, сколь и антропологической [6], Погоновская подробно исследует различные перспективы повествования: снисходительно/

возмущенно ориентализирующую или открыто диалогическую наблюдателя или участника, подтверждения априори заданного тезиса, верификации соответствия западной норме или попытки познания, повествование с позиции судьи-повествователя или встреченных людей и пр.

Своего рода ключом к разделу, озаглавленному «Две матрешки – две России» и посвященному текстам Курчаб-Редлих (неоднократно переиздававшаяся «Пандрешка», 2000; «Головой о кремлевскую стену», 2007) и Ястшембского («Матрешка, Россия и Ястреб», 2013), оказывается образ матрешки. Именно эксплуатация этого расхожего стереотипа – артефакта, ставшего «символом российской идентичности, проекцией архетипической загадочности русского характера» [3. S. 25], по мнению автора, хорошо (с точки зрения как содержания, так и формы) иллюстрирует описываемые им две полярные стратегии восприятия России, понимания ее и способов повествования о ней. К образу матрешки, акцентирующему контраст внешнего и внутреннего, фасада и скрытой сути, примыкает образ Кремля как российского лабиринта, заключающего в себе то ли агрессивного Минотавра, то ли загадочного Сфинкса. Вторым столь же значимым интерпретационным мотивом становятся не менее растиражированные строки Тютчева «Умом Россию не понять...» – понимаемые или парафразируемые польскими авторами как различные модели восприятия: «верить», «понимать», «пережить» и пр. Если Курчаб-Редлих пишет о том, что «уже давно и многократно было описано, прежде всего, с польской перспективы» и «не вносит ничего нового, а лишь заостряет прежние знания поляков, запечатленные в коллективных представлениях» (s. 35), то Ястшембский стремится быть «интерпретатором наблюдаемой действительности» (s. 39). Если первая ищет все новые и новые аргументы для позиции русофобии, то второй остается сдержанным дипломатом. Если автор «Пандрешки» каждый новый факт без исключения использует для подтверждения превосходства западной системы ценностей и осуждения восточного варварства, то единственной доминантой «Матрешки, России и Ястреба», по словам Погоновской, можно считать идею разнообразия, многоцветия, неочевидности России.

Книга А. Войтахи «Убьем или полюбим. Повести из России» (2015), по мнению автора монографии, представляет собой пример перспективы автора-участника, а не только лишь наблюдателя (раздел «Заплутать в России, заплутать в повествовании»). Повествовательница избегает какого бы то ни было дистанцирования от объекта (объектов) описания, текст нацелен на «вживание» в ситуации героев, вчувствование в их судьбы, исследование Другого не как Чужого, а как единственного и конкретного человеческого «я», повествование наполнено живыми и непосредственными эмоциями. Россия в наррации Войтахи – «абсолютно личной» (s. 58), с точки зрения авторской перспективы, и антропоцентрической, с точки зрения подхода,– предстает связанной любовным сюжетом мозаикой случайных знакомых и их историй. Метод Войтахи Погоновская метко определяет как «погружение в ручейки человеческих судеб, текущих, как правило, незаметно, по закоулкам империи» (s. 62): в зеркале частных судеб отражаются и общие проблемы страны, Другой становится Близким, Россия познается через разговор, переживание, эмпатию на уровне не макро, а микро.

Особый интерес представляет раздел, посвященный книгам Игоря Соколовского о двух восточных соседях Польши – России («Спокойно. Это всего лишь Россия», 2015) и Белоруссии («Белоруссия для начинающих», 2014). «Сопоставление восприятия поляками этих двух стран значимо,– пишет автор,– поскольку по отношению к ним в польской литературе функционировали наррации [...] “колонизатора” (по отношению к населению восточного пограничья) и „колонизированного” (царской Россией, а затем СССР)» (s. 79). Автор монографии задается вопросом, насколько пластична в этом смысле польская ментальность в младшем поколении. Белоруссия у Соколовского предстает преддверием России (s. 84), обе они – своеобразным заповедником прошлого, а наррация в обеих книгах подчиняется прежде всего идее сопоставления наблюдаемой реальности с западной нормой, что неизбежно ведет к обобщениям и упрощениям, «стигматизации местного населения» (s. 86), другими словами, перспектива представителя молодого

поколения «вписывается в парадигму польских [...] обид» (s. 106), а анализируемые тексты могут быть определены как типичный образец «путешествия (поляка) на восток» (s. 78).

Завершает первую часть книги собрание цитат из анализируемых текстов, распределенных по разделам: «Любить и/или ненавидеть», «Выразить в слове», «Понять», «Восток/Север – Запад», «Польша – Россия».

Вторая часть («Темы, или Из "энциклопедии русской жизни"») посвящена отражению в польской путевой прозе российского быта и попыткам польских авторов увидеть через чужую повседневность чужую культуру. Погоновская анализирует четыре сюжета: образ женщины («Пол России») и пьянства («Россия пьет до дна»), антропологическое измерение путешествия по железной дороге («Вести с российских железных дорог»), культура передвижения москвичей («Москва в движении»).

Сознательно избегая оценки художественной ценности и достоверности (s. 10–11) анализируемых текстов, Погоновская старается проследить в этом поиске «ключа к России» проявления польского единомыслия, чтобы не сказать единоголосия, а также отдельные попытки отойти от него, но прежде всего – стремится увидеть стоящие за этим механизмы коллективной психологии и пути определения себя путем концептуализации Другого, поскольку путевая проза «по природе своей повествует не только о том, что подвергается описанию[...], но также и о рассказчике» (s. 82). Добавим, что исследуемые дискурсы и анализ механизмов стереотипизации восприятия России, а также характерных для этого процесса когнитивных ошибок свидетельствуют о состоянии межкультурной восприимчивости, т.е. комплексного и объективного, свободного от предварительных предубеждений восприятия чужой культуры; о межкультурной интерференции, т.е. интерпретации чужой культуры согласно обычаям собственной; о недостаточной толерантности по отношению к неоднозначности и этноцентрическом стремлении к упрощению картины мира.

Погоновская не может при этом обойти также ряда актуальных теоретических проблем, связанных с дискурсом современного репортажа, в первую очередь – его антропологической обусловленности, сути документализма, нечеткой границы между литературой факта, личным документом и беллетристикой, статуса репортажа – с перспективы потребности читателя в информативном и интерпретационном отражении реальности. К проблеме освоения в Польше России посредством слова как нельзя лучше подходит сформулированный Джонатаном Каллером и остающийся без ответа вопрос: является ли повествование источником знания или иллюзии? [7. S. 97].

© 2019 г. *И.Е. Адельгейм*
adelgejm@yandex.ru

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Janion M.* Niesamowita Słowiańszczyzna. Fantazmaty literatury. Kraków, 2007.
2. *Хорев В.А.* Восприятие России и русской литературы польскими писателями. М., 2012.
3. *Wodziński C.* Trans, Dostojewski, Rosja, czyli o filozofowaniu siekierą. Gdańsk, 2005.
4. *Kapuściński R.* Imperium. Warszawa, 1993.
5. *Wrzesiński W.* Niemiec w stereotypach polskich XIX i XX wieku // Narody i stereotypy / Red. T. Walas. Kraków, 1995.
6. *Czermińska M.* «Punkt widzenia» jako kategoria antropologiczna i narracyjna w prozie niefikcjonalnej // Opowiadanie w perspektywie badań fikcjonalnych. Kraków, 2004.
7. *Culler J.* Teoria literatury. Bardzo krótkie wprowadzenie. Warszawa, 1998.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «КОНЕЦ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, РАСПАД ИМПЕРИЙ И ОБРАЗОВАНИЕ НОВЫХ ГОСУДАРСТВ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ (К 100-ЛЕТИЮ СОБЫТИЙ)»

Конференция «Конец Первой мировой войны, распад империй и образование новых государств в Центральной и Юго-Восточной Европе (к 100-летию событий)», организованная Институтом славяноведения РАН совместно с Российско-чешской комиссией историков и архивистов и при содействии Венгерского культурного центра в Москве и Архивного института Венгрии в Москве, состоялась 12 и 13 ноября 2018 г. в Москве. В ней приняли участие ученые из России, Чехии, Венгрии, Сербии, Словакии, представляющие различные институты, университеты и другие учреждения, проявили интерес к мероприятию и независимые исследователи из Польши и России.

Проведение этой конференции было приурочено к 100-летнему юбилею окончания Первой мировой войны (1914–1918), роль которой в истории народов Центральной и Юго-Восточной Европы трудно переоценить. В ее ходе всесторонне рассмотрены и обсуждены следующие основные проблемы: завершающий этап Первой мировой войны в судьбах народов ЦЮВЕ; распад империй, определение послевоенных государственных границ и становление нового европейского устройства; межнациональные и межгосударственные отношения; государственное строительство в условиях подъема революционных настроений в обществе; философское осмысление и отражение войны и революции в литературе стран ЦЮВЕ.

Первый день работы конференции прошел в Венгерском культурном центре в Москве. Ее торжественно открыли руководитель Архивного института Венгрии в Москве г-жа *А. Кострич*, директор Института славяноведения *К.В. Никифоров*, председатель российской части Российско-чешской комиссии историков и архивистов *Е.И. Пивовар*, председатель чешской части Комиссии *Я. Немечек* и *Г.Ф. Матвеев*, заведующий кафедрой истории южных и западных славян исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Обсуждение вопросов первого проблемно-тематического блока под названием «Конец Первой мировой войны и распад империй» открыл доклад директора Института новейшей истории Сербии (Белград) *М. Белаяца* «Прорыв Солунского фронта как фактор в борьбе южных славян за выход из Австро-Венгрии», сопровождавшийся вопросами и обменом мнениями. Сербская тематика была продолжена в выступлении *А.Ю. Тимофеева* (Белград, Белградский университет) «Возрождение исторического сознания или конструирование исторической памяти? Столетие Первой мировой войны в Сербии 2014–2018 гг.». Далее *Е.И. Пивовар* (Москва, РГГУ) обратился к истории российской эмиграции в выступлении «Судьбы первой волны российской эмиграции в Чехословакии». С интересом был выслушан доклад *Г.Ф. Матвеева* (Москва, МГУ) «Конец польского пути к независимости. Осень 1918 года». Живой отклик и обсуждение вызвал завершивший этот блок доклад архивиста *Л. Шрамека* (Будапешт, Венгерский национальный архив, Архив комитата Пешт) «Документы о российских военнопленных Первой мировой войны в областном архиве Пештской области», посвященный исследованию истории и жизни военнопленных из России в Венгрии.

Рассмотрение проблем второго блока «Российская революция и образование новых государств» началось с доклада *З.С. Ненашевой* (Москва, МГУ) «Российский фактор в формировании концепции государственности чехов и словаков в 1914–1918 гг.», за которым последовала дискуссия по вопросу о чехословацком корпусе в России в годы Первой мировой войны и проблеме образования Чехословакии. *Я. Рихлик* (Прага, Ин-т Т.Г. Масарика АН ЧР, Карлов университет) выступил на тему

«Две российские революции и образование Чехословакии в 1918 г.». Обсуждение вопросов о распаде империй и создании новых государств было продолжено в контексте югославянских сюжетов, которым были посвящены два следующих выступления и заключительная дискуссия этого блока. *Я.В. Вишняков* (Москва, МГИМО (Университет) МИД РФ) представил доклад «Русская революция 1917 года и рождение Югославии». В выступлении *С.А. Романенко* (Москва, РГГУ) раскрывалась тема «Планы реформирования Австро-Венгрии и "национальная революция южного славянства" 1914–1918 гг.».

«Война и общество» – так была сформулирована тема, различные стороны которой рассматривались учеными на материале истории славянских народов на третьем заседании первого дня. Открыл его доклад *Я. Билека* (Прага, Архив «Памятник национальной письменности», Университет Градец-Кралове) «Разрыв чешского общества с Австро-Венгрией в ходе Первой мировой войны», сопровождавшийся вопросами и дискуссией. *Н.С. Гусев* (Москва, ИСл РАН) представил вниманию участников конференции доклад «Русское общество о болгарской политической элите в годы Первой мировой войны». Проблема распада Австро-Венгрии вновь прозвучала в докладе *А.С. Стыкалина* (Москва, ИСл РАН) «Распад Австро-Венгерской монархии и исторические судьбы Буковины». Внимание ученых привлекло и завершившее этот блок выступление *Ю.А. Созиной* (Москва, ИСл РАН) «"Дорога боли" (1922): Алойз Градник до и после Первой мировой войны» о судьбе и творчестве известного словенского поэта и переводчика.

На завершавшем первый день конференции заседании «Распад империй, новые государства, новые границы» раскрывались и обсуждались вопросы внутренней и внешнеполитической истории Королевства сербов, хорватов и словенцев, образованного в конце 1918 г. Доклад *Н.С. Пилько* (Москва, ИСл РАН) был посвящен Словенским землям в составе Королевства СХС. Вопрос об австро-венгерском «наследии» в югославянском государстве анализировался в докладе *А.А. Силкина* (Москва, ИСл РАН) «"Призрак" Австро-Венгрии в общественно-политической жизни Королевства СХС в период принятия конституции. Первая половина 1920-х годов». Международное положение Королевства СХС было освещено в выступлении *Ю.В. Лобачевой* (Москва, ИСл РАН) «Международное положение Королевства сербов, хорватов и словенцев в первые годы после войны».

Во второй день работа конференции проходила в стенах Института славяноведения. Первый блок вынесенных на обсуждение проблем под общим названием «Идеи, идеологии, интерпретации, историография» открыл доклад исследовательницы из Польши *Б. Садовской* (Гданьск) на тему «Польский вопрос в теориях русских славянофилов второй половины XIX века и их историческая верификация в 1918–1920 гг.». Дискуссия продолжилась и расширилась в ходе рассмотрения сюжетов из чехословацкой истории, которые стали предметами следующих четырех выступлений. Анализу работы Т.Г. Масарика «Мировая революция» был посвящен доклад *Э.Г. Задорожнюк* (Москва, ИСл РАН). С интересом было заслушано выступление *Р. Влчека* (Брно, Университет им. Масарика, Институт истории АН ЧР (филиал в Брно)) «Славянство как основа Чехословацкой республики (Идея, идеология и государственность)». «Осмысление создания независимого чехо-словацкого государства в архивном наследии историков пражской школы Голла» стало темой выступления *Е.Ф. Фирсова* (Москва). Затем внимание участников привлек доклад *Б. Йироушека* (Чешские Будеёвицы, Южно-Чешский университет) «Юридическая интерпретация связи Подкарпатской России с Чехословакией в толковании Вратислава Калоусека».

В ходе следующего заседания – «Новая дипломатия, новая внешняя политика» внимание ученых было сфокусировано на анализе вопросов и проблем послевоенной истории. Открыло обсуждение выступление *О.В. Соколовской* (Москва, ИСл РАН) «Итоги Парижской мирной конференции для Греции». Доклад *Л. Гарбулевой* (Прешов, Прешовский университет) «Чехословацкие легионеры о последствиях Первой мировой войны для внутреннего развития России» вызвал отклик и обмен мнениями, как и следовавшее за ним выступление *Я. Немечека* (Прага, Институт истории АН ЧР) на тему «Становление внешнеполитической службы Чехословакии» и доклад *Э. Ворачека* (Прага, Институт истории АН ЧР) «Завязывание отношений Чехословакии с Советской Россией. Дипломатия и решение проблемы репатриаций». С интересом были заслушаны продолжившие интенсивную дискуссию доклады *Н.Н. Станкова* (Москва, ИСл РАН) «И.М. Гейцман и его проект для Чехословакии» и *Е.П. Серапионовой* (Москва, ИСл РАН) «Чехословакия и "русский вопрос" в начале 1920-х годов».

Логичным завершением двухдневного научного форума стало обсуждение проблем Первой мировой войны и ее последствий для стран ЦЮВЕ в литературе и искусстве. Этому был посвящен крупный заключительный проблемно-тематический блок под названием «Отражение войны в литературе и искусстве». Тон научной дискуссии задал открывший заседание обобщающий доклад *Л.Н. Будаговой* (Москва, ИСл РАН) «Конец Первой мировой и видоизменение творческих ориентиров в литературах западных и южных славян». Чешская тема нашла продолжение в следующих выступлениях: *В. Папоушека* (Чешские Будеёвицы, Южно-Чешский университет) «Отражение

распада империи в чешском романе» (в настоящее время готовится перевод этого доклада на русский язык, текст предполагается опубликовать в журнале «Славяноведение»), *И.А. Герчиковой* (Москва, ИСл РАН) «Чехи и чешскость в литературе и публицистике. 1918–2018 гг.», *А.В. Амелиной* (Москва, ИСл РАН) «Проблемы независимой Чехословакии в сатире И. Гауссмана».

Доклад *А.Ю. Песковой* (Москва, ИСл РАН) «Образование Чехословацкой Республики как мощный импульс для развития драматургии и театра в Словакии» стал своеобразным переходом к обсуждению словацкой проблематики, которая получила продолжение и в докладе *Л.Ф. Широковой* (Москва, ИСл РАН) «Развитие темы Первой мировой войны в произведениях словацких писателей: от воспоминаний к художественной рефлексии». Как и предшествующие выступления, с интересом был заслушан завершавший этот проблемно-тематический блок доклад о польской литературе *В.И. Федоровой* (Москва, ИСл РАН) «Образы представителей власти и элиты Второй Речи Посполитой периода начала строительства государственности в романах польских писателей».

В заключение информационного обзора о конференции хотелось бы отметить, что разностороннее и основательное (на новом материале и/или в новом ракурсе) рассмотрение в докладах и обсуждение участниками конференции широкого круга вопросов истории завершающего этапа Первой мировой войны и первых послевоенных лет на материале стран Центральной и Юго-Восточной Европы способствовали приращению научного знания, созданию более объемной картины происходивших событий и более полному пониманию роли этих событий в судьбах народов региона.

© 2019 г. *Ю.В. Лобачева*
lobachevaj@gmail.com
DOI: 10.31857/S0869544X0006222-7